

С О Б Р А Н І Е
СОЧИНЕНІЙ ВЪ СТИХАХЪ

и

ВЪ П Р О З Ъ

ЕВСТАФІЯ СТАНЕВИЧА.

Книжка первая.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Печашано въ Медицинской Типографіи,
1805 года.

Съ дозволенія Санктпетербургскаго Цен-
зурнаго Комитета.

ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ

КОНДРАТЬЕВУ

Почтеннѣйшій Пётръ Андреевичъ!

Вамъ угодно стало напечатать мои сочиненія, и вы предложили мнѣ выдавать ихъ по книжкамъ, ошвѣчая за издержки типографическія. Признаюся, вы шѣмъ меня одолжаете: но не знаю, принесете ли любителямъ словесности удовольствіе и пользу моими трудами, занимавшими меня съ такою пріятностію въ моемъ уединеніи? Я исполняю ваше желаніе, съ шѣмъ однако условіемъ, что бы вы ошвѣчали просвѣщенному обществу и за всѣ вины, коимъ бы могъ подвергнуться сочинитель, рѣшившійся въ угожденіе вамъ, обременить оное своими сочиненіями. По нещасію, сполько уже выходятъ новыхъ сочиненій, что не худо было бы спараться о положеніи имъ предѣла, дабы книгохранилища наши украшались не сполько множесствомъ, большею частію бесполезныхъ книгъ, сколько приличнымъ имъ выборомъ. Когда-бы у-

чреждено было шаковое высокое судилище между сочинипелями, шо клянуса вамб самимб Фебомб, симб спрашнымб Богомб спихотворцовб, коего дѣйспвія гнѣва толико пагубны были для Мидоса, что я-бы изб числа былб перьвыхб, копорой принесб бы свои шруды на жершвенникб его, и сожженіемб сихб листовб, еспьлибы они присуждены кб шому были верьховнымб его совѣпомб, охотно-бы принесб нѣкую дань чисшому и здравому вкусу, копорой по признанію всѣхб благоразумныхб людей началб повреждашья не шокмо у насб, но и повсюду. Такб-шо показываешб намб все брешность смершнаго. Ничшо не бываешб вб рукахб его вѣчнымб и самое любомудріе имѣешб конецб свой. Досіпойно примѣчанія, говоритб Веллеусб Паперкулусб, что люди превосходныхб шаншовб не шокмо одинб другимб шворяш-

ся, но что они определены еще, кажешся, жить в единое время для совокупного соревнования о превосходствѣ просвѣщенія. Весьма не долгое время процвѣтали знаменитые Творцы Трагедіи, Еврепидѣ, Софоклѣ и Есхинѣ. Небольшой сего промежутковъ заключаешъ в себѣ Комедію при Аристофанѣ, Кратесѣ, Эйпопилѣ и потомъ при Менандрѣ, Филимонѣ и Дифилѣ. Послѣ сего не спало в Греціи спихотворцовъ отличныхъ дарованій. Такимъ образомъ упала столько славившаяся сѣ начала школа Сократова. И философы послѣдовавшіе Платону и Аристотелю достойны-ли сѣ ними равняться? Толико-то шѣсныя предѣлы имѣющъ щасливые времена, обилующія умами не только сами по себѣ, но и другимъ извѣстными!..... Должно-ли послѣ сего удивляшся примѣчаемому повсюду упадку дарованій?

И такъ рѣшаяся предать писанію сочиненія мои, вы должны рѣшиться оповѣщать и за все то, въ чемъ бы я могъ быть пресупенъ противу здраваго смысла, вкуса и чистоты языка; или оспавъше ихъ подвспудомъ забвенія, въ сей щасливой неизвѣспности, которая всегда такъ полезна какъ для проспаго гражданина такъ и для рядоваго сочинителя. Но за то, еспли какой благосклонный читатель удостоивая ихъ одобренія, найдетъ въ нихъ нѣкоторое для себя утѣшеніе, то и за сіе вамъ же онъ обязанъ будетъ.

Принимая отъ меня сіи условія, примите вмѣстѣ и то почтеніе и благодарность, съ коими на всегда пребудетъ вамъ преданный

С о з и н и т е л ь.

Я приношу на олтарь вашъ, небесныя дщери! скудные пруды мои, упражненія часовъ свободныхъ. Чувствую ограниченныя мои способности, я не смѣлъ мечтать о славѣ, ниже помышлять о преданіи памяти моей потомству: однако надѣялся, что вы не опрыните обѣщавъ пѣвца, хотя неизвѣснаго свѣту, но пылающаго къ вамъ любовію непорочною. Я любилъ ваши бесѣды и мудрыя наставленія, внушаемыя мнѣ вами въ уединеніи. Я искалъ васъ не для обращенія на себя вниманія вселенной, но для собственнаго моего утѣшенія. Несчастнымъ ли думать удивлять смертныхъ? Какое безуміе испрашивать погды у васъ лавровъ безсмертія, когда только одни утѣшенія ваши попребны! И не довольно - ли еще убѣждающъ насъ опыты въ успешномъ чаяніи сохранить въ вѣкахъ свое имя? Ск-ль не много шакихъ, коихъ память достойна оспаться въ сердцахъ потомковъ! Какое множество писателей, не взирая на всѣ ихъ усилія выйши изъ круга людей обыкновенныхъ, поглощены рѣкою забвенія? Гдѣ имена ихъ, о сохраненіи коихъ они полико прудилися, гдѣ слава ихъ, для которой сполько часовъ пошеряно? Гдѣ ихъ блистательныя надежды пережипъ себя въ писаніяхъ, для коихъ они

лишали себя покоя? Кпо помнишь о них? Они сполько же извѣсны пеперь, какъ и пѣ, кои не изнуря себя бесполезными прудами, наслаждались въ пишинѣ жизни, не зная даже и того, что люди съ просвѣщеніемъ именуяють учась ихъ мрачною. Да и самые великіе люди, сколь немного имѣяють своихъ истинныхъ почтапателей. Миліоны народовъ, разсѣлившись по лицу земли, о нихъ не вѣдають. Тѣже, кои знаяють ихъ, составяють весьма тѣсный кругъ, когда исключишь изъ онаго пѣхъ, коимъ они извѣсны по одному слуху. Но еспли разсмотримъ еще и пѣхъ самыхъ людей, которые читають ихъ, по сколько найдемъ между ими пакихъ, кои будучи пропивнаго съ ними мнѣнія, болѣе пропиву нихъ вопіють и охуждають шворенія ихъ, нежели одобряють оныя. Многоли послѣ сего останется ихъ обожателей! И вопъ ша слава, для кошорой люди жертвуюють своимъ покоемъ и своею жизнью; боряпся съ нуждами; прешерпѣвають гоненія злобы и предразсудковъ; или ввергаются въ лемницу раздраженными гласомъ ихъ пиранами! щасливъ еще изъ нихъ потѣ, кпо одушевлялся челошкюлюбіемъ и благо народовъ обнималъ въ своемъ понятіи. Что же значапъ малыя дарованія, пребующія и болѣе времени и болѣе усилий прудовъ для доспиженія сей славы, нерѣдко уклоняющейся опъ насъ помѣрѣ нашего къ ней приближенія и всегда почши неблагодарной къ нѣжнымъ о ней заботамъ нашимъ. Нѣшь, еспли иногда я увлекался спремленіемъ чувствъ моихъ

и дерзалъ прикасаться лирѣ, по единственнѣ въ облегченіе горестей, сѣбѣснявшихъ грудь мою. Когда-же выдаю пеперь въ свѣтѣ пруды мои, по опшюдь не въ помѣ намѣреніи, дабы посшавилъ себя на ряду съ сочиншелями. Я слишкомъ къ самому себѣ чиспосердеченъ и купно спрогъ, дабы не видѣлъ недоспашка своего въ искусствѣ и богашспвѣ слова; и слишкомъ вѣдаю ничпжностъ упованій на прочностъ славы, дабы созидать, на ней будущія свои надежды. Мгновенные пушники земли, намѣ-ли помышлялъ о вѣчностп дѣлъ рукъ нашихъ? Посмотримъ на предшешвенниковъ нашихъ и спашемъ по шому судилъ, чего и намъ ожидать должно. Единѣму Богу принадлежилъ вѣчностъ; единыя его шворенія не умираюшъ. Мы-же слабые подражапели произведеній Его, чшо мыслимъ изобрѣспъ шакѣго, чшо неподвержено было бы шлѣнію? Безспертны толькѣ образцы, зримые въ природѣ; ибо въ нихъ видна печать нашего Создателя, но скудельныя сооружешія, въ подражаніе имъ сдѣланныя, изчезнушъ и обнаружатъ лишь брешностъ хипраго нашего искусства. Все, чшобы не изобрѣли мы, все шѣ, или въ насъ самихъ, или въ природѣ находилъ; нѣтъ ничего новаго и бытъ не можешъ; шворилъ еспъ дѣло Создателя: всякое-же созданіе, будучи само шлѣнно, не можешъ произвестъ ничего безспертнаго. Когда созидающій, какъ быліе посѣкаешся косою смертп, шѣ чшо будешъ съ его произведеніемъ? и умирая самъ, какъ безразуденъ онъ, когда помышляешъ о вѣч-

носпи прудовъ своихъ! О, Музы! наперсницы мудроспи, уже-ли обращеніе съ вами, должно покупать цбною нашихъ радостей, нашего покоя и даже жизни нашей? уже-ли изливаете вы на насъ свой свѣтъ на по шолько, дабы напыщаяся гордынею, мы дерзали равняться съ Создателемъ? нѣтъ, не на мученіе даны вы людямъ, но единственно для ихъ упѣшенія и наставленія. Въ семъ намѣреніи я шворилъ вамъ обѣщанія. Зная бренностьъ всего земнаго, я не думаю о безсмертїи имени и не для шого издаю листы сіи. Я даже не хочу обманывать моихъ чистелей, прикрывая самолюбіе сочинителя, притворною скромностію увѣренія, что согласился издавать въ свѣтъ пруды мои единственно по убѣжденію друзей. Пустое извиненіе! Цѣль благороднѣйшая, и не мѣнѣе правдоподобная ободритъ меня на шакое дѣло. Не для общества издаю пруды сіи, которое можетъ ихъ одобрить или нѣтъ, но для самаго себя. Они послужатъ мнѣ Исторією моей жизни, воспоминаніемъ прошлаго, наставленіемъ для настоящаго, опытностію для будущаго, сравненіемъ прежняго образа моихъ мыслей съ тѣмъ, который впредь соспавишся отъ случаевъ и обстоятельствъ, толико дѣйствующихъ на разумъ и сердца наши. Они будутъ нѣкоторымъ, шакъ сказать, зеркаломъ и со всею вѣрностію покажутъ мнѣ самаго меня, обнаружатъ мои заблужденія, исправятъ наспоющія и предохранятъ отъ имѣющихъ впредь родиться; покажутъ постепенное приращеніе свѣта познаній

и измѣненіе моихъ чувствованій. Въ нихъ-по сохранию всѣ изгибы моего сердца и пѣ мечшанія, какія рождались во мнѣ при помышленіи о дружествѣ, равно какъ и пѣ чувствованія, съ какими повергался я въ обвѣпія людей, когда мнилъ, что уже въ комъ нибудь изъ нихъ обрѣпалъ оное. Въ нихъ-по продлѣпся къ друзьямъ воспорги мои, въ непорочности которыхъ свидѣпелемъ само Небо, и вы, прелюбезныя Музы; ибо по истиннѣ, не было для меня минупѣ сладчайшихъ какъ пѣ, кои посвящаль я вамъ прелъщеннѣ шаспїемъ дружбы. Но также продлѣпся въ нихъ и пѣ спрашныя опыты, которые отпемля у моего сердца лестныя надежды, повергли меня въ мрачное отчаяніе, научившее меня, увы! гореспшной наукѣ жипѣ съ самимъ собою, удаляпѣ людей и дѣлапѣ равнодушнымъ къ ихъ похваламъ и посмѣпанію; ибо по и другое имѣетъ себѣ въ основаніе неправду, самолюбіе и приспраспїе. Наконецъ въ нихъ увижу пернїя и розы, по коимъ шелъ ко храму мудрости; и еспшли судьбѣ будетъ угодно продлѣпъ дни мои до старости, тогда въ угасающей пампїи моей я спану приводпѣ на мысли пѣ зрѣлица, кои въ нихъ оставляю. Тогда снова мнѣ предспанупѣ въ нихъ люди съ коими имѣлъ какія-либо сношенїя и связи; иныхъ я спану оплакивалъ непоспоянство, распоргшее или ослабившее наши узы; съ другими воспенаю о разлукѣ, пѣмъ пятоспнѣпшей еще для сердецъ добрыхъ, чѣмъ рѣже они находпѣ друзей истинныхъ и вѣрныхъ; а коихъ смерть у меня

похишила, спану искашь вѣ царствѣ неумолимой смерщи; орошу гробы ихъ слезами вѣ облегченіе скорби души моей. Увы! почто еще пакъ рано совершаю печальный обрядъ сей? Почто принужденъ вѣ цвѣтущія лѣпы возраста, не шокмо скипашься на могилахъ усопшихъ моихъ брашій, но еще находить вѣ шомѣ ушѣшеніе, успокоевающее духъ мой, обуреваемый напастями, и показующее ему вѣ семѣ успокоеніи послѣднее убѣжище нещасія. Такимъ образомъ листы сіи напоминая мнѣ непрестанно о тѣхъ правилахъ, кои возвѣщаль вѣ нихъ людямъ для достиженія благополучія, не попусаятѣ самому мнѣ опѣ нихъ уклонитья, или пожертвовати ими суешности сего міра. Вотъ на какой конецъ издаюшя сіи сочиненія. Музы не могутъ не одобритъ пакого предпріятія, а я не буду имѣть причины вѣ шомѣ раскаеватья.

Возлюбленныя подруги смертныхъ, ушѣшительницы злополучныхъ! какъ щасливѣ шомѣ, кпо удаляяся опѣ шума людей, находить вѣ однѣхъ васѣ свою опраду! кпо вѣ вашихъ бесѣдахъ забываешѣ горести свѣта и почерпаешѣ новую силу для перенесенія пягчайшихъ ударовъ рока; кпо болѣе и болѣе просвѣщается вами, не уклоняяся однако опѣ простоты нравовъ; и кпо возбуждая людей на любленіе добродѣтели, убѣждаетъ ихъ кѣ шому своимъ примѣромъ! Какъ щасливѣ шомѣ, кпо достигая спарости, можешѣ безѣ угрызения совѣсти, обращатья сѣ вами вѣ благоопишіи спраспей своихъ и коего шруды могли бы служить ему

священнымъ залогомъ вашего съ нимъ союза. О! еспьли бы я соблюлъ сіи обѣщанія во всей ихъ свящности, и воздыхая о слабостяхъ смертнаго, всегда удалялся бы съ одинакимъ мужествомъ отъ подлости, прошивуборствовалъ пороку, ограждалъ себя съ равнымъ просвѣщеніемъ отъ кова мирскихъ прельщеній и съ тѣмъ же рвеніемъ послѣдовалъ добродѣтели, съ какимъ пщился внушанъ ея смертнымъ: тогда пруды мои оправдали бы меня предъ свѣтомъ лучше всякихъ похвалъ, кои спали шакъ подозрительны, непостоянны и невѣрны.

Такия чувствованія, о Музы! да ознаменуютъ мои отдыхи, вамъ посвящаемые; а вы пролейте въ разумъ мой новый свѣтъ мудрости, и воспламените сердце новымъ желаніемъ послѣдовать съ большимъ жаромъ вашимъ внушеніямъ. Сего единого прошу отъ васъ, да тѣмъ достойнѣе явлюся приноситель новыя жертвы на олтарь вашемъ.

РАЗМЫШЛЯЮЩІЙ СЪ САМИМЪ СОБОЮ. СТИХОТВОРЕЦЪ.

Десять лѣтъ тому назадъ, я почелъ бы себя щасливѣйшимъ человѣкомъ, когда бы написалъ хопя одну строку и увидѣлъ ее въ печати: по крайней мѣрѣ шакковы были мои мысли въ то время. Вотъ уже сонни страницъ напечатано и сполькоже находишся въ рукописи. О! какъ щасливъ я долженъ бышь, судя по первому моему мечпанію о щастіи. Къ дополненію сего, самолюбіе мое удовлетворено похвалами, не только людей мнѣ извѣстныхъ, но даже и шѣхъ, коихъ я не зналъ прежде. Успѣхъ превзошелъ мои чаянія. Чего не достаетъ мнѣ? Я бѣденъ: но почипалъ-ли я тогда бѣднось злополучіемъ, и не довольно-ли было, по собственному моему признанію, одново спиха въ печати для моего щастія? Такъ, я и шеперь не почипаю бѣднось ни порокомъ, ни бѣдспвіемъ; но не менѣе опъ того не нахожу уже въ спихахъ того удовольствія, а еще того болѣе щастія, какое вообразалъ себѣ прежде. Откуда сія перемѣна въ образъ мыслей? Изъ существа самой опытноспи. Я позналъ суешность сего искусства или паче суешность похвалъ людскихъ. Я вникнулъ въ самага себя, разсмотрѣлъ свои дарованія, сравнилъ происпекающую опъ нихъ пользу и удовольствія съ шѣми, какія приносятся простпою жизни въ соспаніи земледѣльческомъ, и не взирая на всѣ великолѣпныя предспавленія разу-

ма, не могъ не повѣришь простому но убѣдительному гласу сердца, что время мое прошедшѣ въ щепныхъ упражненіяхъ, безъ исполненія на земли моего назначенія. Переходя отъ самаго себя къ другимъ убѣждаюся поюже истинною. Ихъ успѣхи не много щасливѣйшія моихъ, не скрыли отъ меня ничтожества ихъ занятій; и чѣмъ болѣе я видѣлъ ихъ упивающихся мнимою славою въ попомствѣ, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ ихъ малость. Въ сіе самое время, когда пишу сіе, что я дѣлаю? Какую пользу приношу моимъ собратіямъ, какія откритія оставляю попомкамъ? Когда листы сіи выйдутъ въ свѣтъ, нѣсколько подобно мнѣ празныхъ умовъ прочтутъ ихъ, одобрятъ или похулятъ, а попомъ о нихъ забудутъ. Какое же право имѣю я пожирать шруды добродушнаго земледѣльца? Ахъ! что мѣшаель мнѣ присоединиться къ почтенному его сословію? Уже - ли недостатокъ добродѣтели превозмочь привычку къ праздности и побѣдить предразсудки людей легкомысленныхъ, буйныхъ, судящихъ всегда по единой наружности и званію? Но при сихъ разсужденіяхъ, дѣйствительно отъ чистаго сердца происпекающихъ, вижу коварно улыбающихся моихъ собратій писателей. За чѣмъ же дѣло стало, говорятъ они? Бросишь лиру и взяшься за соху несравненно легче, чѣмъ отъ сохи приняться за лиру. Нѣтъ, мнимые мудрецы, это не такъ легко, какъ вы думаете, и самое шоржество ваше не такъ вѣрно какъ вы по себѣ представляете.... О, предразсудки! о, воспианіе! вы спановитесь

для насъ другою природою. Земледѣльческое состояніе не ужасно, но ужасно по уничтоженіе, каковому оно подвержено. Не бѣдность сего званія удерживаетъ вспушить въ оное; но опасеніе быть подверженнымъ ежеминутному насилію шѣхъ, кои ругаются имъ безнаказанно; не грубое рубище послѣ понкихъ и мягкихъ пшкней утрачиваетъ меня, но обиды и оскорбленія мочныхъ невѣждъ, коихъ одно присущіе тягостно уже для челоука пріобрѣтшаго возвышеннѣйшія понятія и чувствованія благороднѣйшія. Увы! къ спѣду просвѣщенія и законовъ, въ нѣкоторыхъ правленіяхъ земледѣльцу нѣтъ безопаснаго убѣжища и въ самой его хижинѣ. Вотъ что удерживаетъ меня обратиться къ плугу, коимъ былъ шолко почтеннымъ въ рукахъ Цинцинапа и Капона. Вотъ главныя причины препятствующія исполнить благое сіе намѣреніе, не говоря о болѣзненномъ состояніи шѣла, можетъ быть ошъ бездѣйственной жизни произшедшемъ. Оспавивъ поля и удаленный судьбою ошъ знаменъ Марса и шайншвѣ Фемиды, куда укрыться ошъ помненія и скуки? Оспалося шолко пріобрѣтнуть къ Музамъ, коимъ посвящено уже было младенчество. Прелести ихъ въ семъ еще возрастѣ очаровавъ духъ мой произвели во мнѣ сладкое упоеніе спрасни. Такъ, спраснь сія оспаешся шеперь душою моею жизни, единшвеннымъ моимъ упражненіемъ, испочникомъ всѣхъ упѣшеній моего сердца. О, Музы! Музы! противу воли къ вамъ обращаемся; противу воли приносимъ на

олшарѣ вашемъ всеожженія и сами услаждаемъ ся благово́ніемъ оныхъ. Не пакъ-ли Калипса очаровала на оспровѣ своемъ Улисса? но, ахъ! всѣли имѣюшъ Улиссово благоразуміе? Обольщеніе ваше еще непреодолимѣе и несомнѣннѣе. Я послушенъ вамъ, но съ пѣмъ, чшобы предразсудки не скрывали отъ меня свѣпа истинны, а самолюбіе не заславляло мечшашъ свѣше пѣхъ дарованій, какія отъ васъ получу я. Не славы отъ васъ испрашиваю, но единыхъ утѣшеній; не шово, чшобы переселяли духъ мой въ опдаленные вѣки для созерцанія гордаго памяшника, сооружаемаго иногда своенравіемъ народовъ; но чшобы въ настоющее время возвысили душу мою надъ пороками, и дали вкусить наслажденія сердца непорочнаго. О семъ единомъ умоляю васъ.

Пусть другіе имѣющіе болѣе права на благодарность попомковъ, или покмо ложными ослѣпленные дарованіями, пишущъ для славы: я спану писашъ для содѣланія пріятными минутъ моей жизни, кои, подобно водамъ Лепы имѣющимъ спасительное свойство приводить прошедшее въ забвеніе, да пропекающъ на испребленіе моихъ горестей. Я спану писашъ ни мало о помъ не помышляя, какія успѣхи и похвалы приписываютъ моему упражненію и извѣспны-ли мои писанія далѣе моей хижины. Ешъли они принесли мнѣ утѣшеніе, пакъ должно-ли помрачашъ его по представленіе, чшо они приняпы обществомъ не благосклонно? Ешъли они даровали мнѣ покой, пакъ должна-ли его возмушашъ безумная ревность, чшо мнѣ не оп-

дали справедливого одобренія, или, чпо дарованія другова приобрѣли ему болѣе уваженія и славы? Гдѣ же будетъ благодарносшь къ Музамъ? Все, чпо внушилъ мнѣ уединеніе или опытносшь, я оспавляю на бумагѣ и такимъ образомъ одушевивъ ее, поставлю ее судією дѣлъ моихъ. Человѣкъ, слабое игрище спихій и случая, не можешь на всякое время бышь полико швердъ и мужеспвенъ, чпо бы готовъ былъ шорже-спвовашь надъ внезапными бѣдспвіями и всегда съ мужеспвомъ опрѣвашь нападєнія злобы и зависпи. Иногда силы оспавляющъ его и неуспрашимосшь измѣняющъ ему въ самыя рѣшипельныя минушы раздраженной прошивъ него судьбины; шогда-шо лиспы сіи приведущъ мнѣ на памяшь собспвенныя мои правила, и въ видѣ друга, ободрящъ меня, и въ образѣ Судіи повелящъ мнѣ исполнить шо, чево шребуешъ чеспъ и совѣспшь, а паче чпо согласно съ прежними моими мыслями, наспавленіями и чувспвованіями. Иногда, прежде нежели ввѣрю бумагѣ мои размышленія, я углублюся въ уединенныя роци, гдѣ внушенія Музъ сольюшся со впечашленіемъ природы и шѣмъ удвояшся радости, ими доставляемыя моему сердцу. Тако переходя опъ Музъ къ природѣ и опъ природы къ Музамъ, я равно воспользуюся ихъ наспавленіями, и еспли судьба поставила меня въ соспоянія для ближнихъ полезнѣйшаю а для меня пріятнѣйшаго и спокойнѣйшаго, нежели какое нынѣ занимаю; шо пошщуся до крайней мѣрѣ наградишь сію шрапу усоверщєнствованіемъ нравспвенносши, и въ

пѣсноу и пѣмноу кругу жизни моеи научуся быти щасливому, ограничивая желанія, умѣряя склонности и преклоняя людей, менѣе меня опытныхъ, на добро и спремленіе быти полезными. Въ сихъ желаніяхъ укрѣпите, Музы, мои силы и дайте некосвенно приближаться миѣ къ вашему храму.

Я спану писавъ, но безъ приспраспія къ малому моему дарованію; возблагодарю просвѣщенныхъ ревнипелей опечесшвеннаго слова, когда они удостоятъ сочиненія мои благоразумнымъ судомъ, ни мало не превожась хулоу легкомысленныхъ чипапелей. Довольно для меня уже и пѣхъ наслажденій, кои я чувсшвовалъ писавши оныя.

Тако живя въ настоящемъ, не о безсмертіи имени, но о безсмертіи души помышляю я спану; ибо мысль о перьвомъ воспаляетъ спрасси и лишаетъ покоя, межъ пѣмъ какъ представленіе послѣдняго содержитъ ихъ въ предѣлахъ, вноситъ свѣтъ въ разумъ, водворяетъ спокойствіе въ сердца. Въ перьвомъ случаѣ должны бываемъ угождать прихотямъ людей, поработать себя ихъ своенравію и предрасудкамъ и чипитъ ихъ забужденія; а во второмъ благоговѣніе обѣмлетъ духъ нашъ и лучезарная истинна озаритъ блудяція во мракъ сей юдоли наши мысли. Сіе единое безсмертіе достойно того, чпобы мы посвящали дни помышленію о немъ, чпобы обращали въ немъ духомъ, склоняли къ нему слухъ, прельщали имъ зрѣніе, услаждали всѣ чувсшва и воспаляли имъ воображеніе.

Естьли чувспва мои въ семѣ случаѣ и не служашѣ орудіями славы, шо они равно находящяся въ дѣйствіи, поддерживающѣ бодрость духа и сообщаютѣ разуму силу наслаждаться душевными произведеніями; самыя Музы спановящяся отѣ шого любезнѣ. И пакѣ должно ли жалѣшѣ, чшо мысль о славы не плѣняетѣ меня пакѣ какѣ въ лѣпы беззаботной, неопытной и легковѣрной юности, пребующей по своей пылкости упражненій несравненно живѣйшихѣ, нежели каковы сущѣ занятія хладной, мрачной и въ самое себя погруженной опытности, дышущей единымѣ уединеніемѣ, извлекающей изѣ самой горести наслажденія, уклоняющейся отѣ блеску цвѣтовѣ скоропреходящихѣ радостей и любующейся шокмо плодами мудрости? Должно ли удивляшѣся, чшо всякое покушеніе отѣ меня далеко, всякое усиліе шягосно для доспиженія шой блестящей цѣли, коей ложные лучи играя въ глазахѣ юношей, преломляющяся и отбрасываютѣ опасный свой блескъ на мозговыя его нервы, попрясающѣ ихѣ, воспламѣняютѣ воображеніе, приводящѣ въ смятеніе всѣ чувспвованія и въ семѣ замѣшательствѣ душевныхѣ и шѣлесныхѣ орудій раждающѣ въ немѣ шѣ неправыя о всемѣ понятія, по кошорымѣ юношество шоль далеко отшпоитѣ отѣ зрѣлой возмужалости, сопровождаемая иногда оными даже до шпарости, когда не брежешѣ о своемѣ благополучіи, основывающемся на здоровѣ разумнѣй вещей его окружающихѣ? Не шшократно-ли, наспоющія мои наслажденія,

вѣрнѣе и продолжительнѣе? Я оставляю другимъ преселяшся въ дальныя земли для собиранія богатыхъ цвѣтовъ, но для меня довольно цвѣтовъ полей нашихъ; естли они не такъ пышны и великолѣпны, за то и получение ихъ не сопряжено съ такими затрудненіями и заботами. Не въ помѣ состояшъ искусство, что бы разнообразіемъ и часпоу вещей перемѣною развлекашъ свои мысли; но чтобы умѣшъ извлекашъ для себя ушѣшеніе изъ каждаго предмета, довольствовашъя шѣмъ, что получили на часть свою и обходишъся безъ того, въ чемъ судьба намъ опказала. Се первое и самое главное правило мудрости, начальной урокъ опытности, начатки познаній и шагъ къ вѣрному благополучію. Какъ бы развратно ни разсуждала о семъ толпа празднлюбцевъ, спрашающихся малѣйшаго напряженія ума, не сполько опѣ закоснѣлой въ нихъ привычки къ лѣности и бездѣйствию, сколько опѣ опасенія увидѣшъ и познашъ собственное свое безобразіе: благоуміе посрамишъ ихъ всегда, а время оправдаешъ надежду человека возлюбившаго путь истинны. Всевоже болѣе познается правда сія въ уединеніи, гдѣ ничто не развлекаешъ нашихъ мыслей, гдѣ личина припворсва упадаешъ съ лица нашего, обнаруживая всѣ безобразныя на немъ черпы, пороками проведенныя, гдѣ волненіе спраспей ушыхаешъ, самолюбіе дремлетъ, приспраспіе удаляешся и припупляешся языкъ кощунсва и клеветъ. Тамо пробуждаешся совѣсть, возношишся разумъ; они вспуая въ

права свои, наглостию и буйностию развраща у нихъ похищенные, раздирають завѣсу заблужденія и обращають наши очи на окружающіе насъ предметы, одной невинностию и незлобіемъ дышущіе. Невольное сравненіе насъ самихъ съ оными спановилося тогда единственней казнию, приугоповляемою намъ сими двумя внутри насъ пребывающими судіями. Тогда-то изнемогаемъ мы подъ тяжестью нашей слабости, и буде до шово уже развращенны спали, что ничто надъ нами невластно подѣйствовавъ, мы поспѣшаемъ въ мѣста развраща и тамъ предаемся опчаянію, обыкновенному спутнику порочныхъ, оставленныхъ людьми добродѣтельными, природою и Богомъ. Они ищутъ тогда смрадныхъ жилищъ распущства и уловляютъ неопытную юность для приуможенія клеветовъ въ своихъ исповствахъ; всякое такого рода приобрѣтеніе бываетъ шоржествомъ ихъ: ибо чувствуютъ, что по мѣрѣ распроспраненія ихъ ядоносныхъ правилъ и приращенія числа пресупныхъ ихъ сообщниковъ, они существовать лишь могутъ. Гдѣ-же укрываются они? Безспорно въ пѣхъ мѣстахъ, гдѣ адскія сіи скопища могутъ имѣть вѣрныя свои приспанища, гдѣ всякого рода прельщенія непрестанно содержатъ чувства въ сладоспращномъ упоеніи, гдѣ поминушной шумъ и разнообразіе предметовъ останавливаютъ дѣйствіе разсудка и усыпляютъ совесть, гдѣ такъ рѣдко встрѣчается зрѣлице семейнаго шастія, но гдѣ такъ часто видишь спражающихъ невинно, угнетенныхъ бѣдностию, и спе-

нающихъ опѣ руки сильнаго. Такихъ прискорбныхъ и плачевныхъ зрѣлицъ они ищущъ, пайно веселяся всемѣспному сему бѣдспвию. Сии мѣспя пріяпны имѣ. Природа одна имѣ чужда. О, роци! когда распускаюся лиспы роскошныхъ древъ вашихъ и приугоповляючъ сѣнолиственныя бесѣдки, вы приглашаеце насъ тогда не для шумныхъ пиршесствъ, но для мирнаго, душевнаго наслажденія и подобно чистому и прозрачному, въ вашихъ недрахъ кроющемуся испочнику, вы содѣлываеце и наше сердце испочникомъ свѣсплыхъ и ничемъ не возмущаемыхъ радоспей. Мирныя долины! гдѣ глубокая пишина царствуешъ, вы, будучи неудобны преклоняшъ насъ къ разсѣянiю, оспанавливаеце наши размышленія на насъ самихъ, и не прежде позволяеце наслаждашъся роскошiю задумчивоспи и мечпанія, пока совѣспть не оправдаешъ насъ предъ вами своимъ молчанiемъ. Тогда-то скорбь, подобно росъ прохлаждающей цвѣспы благоухающiя въ предѣлахъ вашихъ, спруишъ по лицу нашему слезы упѣшенiя, испоргающiяся изъ очей при предспавленiи о нещаспныхъ или въ соучастiе благонолучiя ближнихъ. Свѣсплыя рѣки! вы, пропекая спокойно между мрачныхъ дубравъ, не привлекаеце взоры любопытспва избыткомъ произведенiй роскоши спранъ чуждыхъ, но плѣняеце зрѣнiе мудраго блескомъ своихъ спруй, песпропною цвѣсповъ одѣвающихся берега ваши и свѣспей оныхъ зеленью, на подобiе ковровъ, песперпой для успокоенiя и оспдохновенiя спранника. Часто любимецъ Музъ посѣщаешъ васъ,

и прельщенный спройнымъ и согласнымъ, на подобіе спрунъ лиры его, шумомъ, не чувспвипельно углубляется въ размышленія, предается свободно пылкости воображенія, расширяетъ кругъ мыслей своихъ и вселенную вмѣщаетъ наконецъ въ своемъ поясіи. Тогда не примѣчаетъ онъ, что лира выпадаетъ изъ рукъ къ ногамъ его; не слышитъ болѣе журчанія водъ вашихъ, ни пріятнаго шопоба лисшьева деревъ возносящихся надъ вами, ни сладосипнаго пѣнія ппицъ, только упѣшавшаго его прежде; не радуется прохладному и полдневный зной ушопляющему Зефиру, ниже чувспвуетъ, что слезы упадаютъ градомъ изъ глазъ его. И тогда, когда всево болѣе наслаждается онъ жизнию, для глазъ проспыхъ и грубыхъ могъ-бы онъ показаться лишеннымъ уже оной. Такое дѣйспвіе производятъ надъ сердцами чувспвипельными уединенныя виды. Таково дѣйспвіе и признаки воспорга! И вы, благодатныя поля! не для порочныхъ душъ украшаетея изумрудомъ и элапомъ; и вы не дадите убѣжища поперявшему покой совѣспи и разврапившему свой разумъ. Мирный шолько гражданинъ и селянинъ просподушный, приходятъ къ вамъ наслаждаться общаемымъ вами благомъ, пипапъ свои надежды, или, вкушатъ уже плоды своего прудолубія. Радосипныя пѣсни жнецовъ и увѣнчанныя элаповидными классами жницы, не смягчаютъ сердецъ жестпокихъ, но усугубляютъ радосипи людей непорочныхъ. Тако предметы природы одушевляються для шѣхъ, коихъ невинностьъ приближаетъ, сопрягаетъ съ ними.

Такъ да пропекають дни мои, о Музы! да
 никогда не воспревожипъ меня мысль о помъ,
 чпо выходя изъ сего свѣта, не оставлю по се-
 бѣ имени, имущаго преипи въ опдаленные вѣ-
 ки. Обращая угасающія взоры на природу, чув-
 ствуя спокойствіе совѣсти, соберу въ послѣд-
 ня сіи минушы всѣ наслажденія, ею мнѣ когда
 либо дарованныя, всѣ прелести, коими она обо-
 гащала память мою и посреди сей душевной
 роскоши, предамъ духъ мой въ руки положивша-
 го край днямъ моимъ. Слава по мнѣ не оспанеп-
 ся, не вознесется куреніе ея надъ прахомъ мо-
 имъ; но сколько упѣшаетъ она нынѣ пѣхъ, кои
 плбють во гробъ и пребывають безчувствснны
 къ ея звукамъ и хваленію, коего при жизни, мо-
 жетъ быть, она не удостоила ихъ? И кто зна-
 етъ, колико Гомеровъ погибло, колико исчезло
 дарованій опъ угнешнїя рока! И чпо-же естъ
 слава?,.....

МОИ ЖЕЛАНИЯ

КЪ УЕДИНЕНІЮ.

Кто хочеть пощѣ любви всѣ шумныя забавы,
Блестящи поржества и горожанѣ успавы ;
Кто хочеть пощѣ кружись среди дневныхъ суешъ ;
Театры, маскарадѣ за первый спавъ предметѣ ;
Кто хочеть пощѣ и поѣ богатство, славу, часщи,
Пріятность роскощи, пронырства хитрой лести.
Уединенну жизнь я пѣлѣ и буду пѣшь.
Желаю для того свой уголокѣ имѣшь ;
Построить домикѣ шамѣ близѣ рощицы прекрасной,
На берегу рѣки пріятной, быстрой, ясной ;
Чтобѣ сельска простота вездѣ видна была ;
Невинность вѣ немѣ себѣ убѣжище-бѣ нашла.
Чешыре времена вѣ шекущи жизни годы,
Являли-бѣ силу мнѣ и чудеса природы.
А ты, надмѣнный градѣ! вмѣстилище заразы,
Со всѣми прелестями для любопытныхъ глазѣ,
Во вѣки-бѣ моего не обратилѣ вниманья.
А еслылибѣ о тебѣ вспомнилѣ вѣ часѣ гулянья,
То развѣ для того, чтобѣ сѣ большой красотой,
Явился средѣ полей мой домикѣ дорогой.
Ни крикѣ затворниковѣ на рабство осужденныхъ,
Ни вопли спраждущихъ подѣ бремемѣ золѣ согбенныхъ,
Ни безобразный видѣ ужасной нищеты,
Ни жершвы, жалкія развраша, суешы,
Не приступляли-бѣ чувствѣ всечаснымѣ уязвленемѣ.
Сѣ какимѣ разительнымѣ сравню уподобленемѣ ,

Ту боль и скорбь души, и муки шѣхъ часовъ,
 Какъ ближнихъ зрѣлъ бѣды и слышалъ спукъ оковъ?
 Я зрѣлъ и слышалъ то и слезъ пролилъ потоки...
 Лишь слезы я пролилъ! но раны ихъ глубоки
 Увы! не въ силахъ былъ къ оправдъ ихъ закрытьъ,
 Иль частію жопя ихъ жребій облегчитьъ:
 Межъ шѣмъ какъ шумъ - же зрѣлъ избытокъ, рос-
 кошь, нѣгу,
 Богатоубранныхъ коней гошовыхъ къ бѣгу.

Довольства прихопи являлися вездѣ,
 Никто - жь помочь не мнилъ несчастнымъ въ ихъ бѣдѣ.

Цвѣщущія поля, луга уединенны,
 Дубравы мирныя спокойству посвященны,
 О! естльи бы я могъ въ предѣлахъ вашихъ житьъ,
 И радостей среди о ближнемъ пошужитьъ:
 Тогда свидѣтели моихъ вы были - бѣ правилъ.
 Я - бѣ щастье, кое вы даеши намъ, прославилъ,
 Воспѣлъ - бы съ нимъ души и шихихъ роцъ покой,
 Являя издали градъ шумный суешой.

Ужасный видъ его покрытый черной цѣнью,
 Умножилъ бы вашъ блескъ сердецъ ко утѣшенью:
 Такъ шѣни облако, въ покрывшихъ часъ земли,
 Лишь множатъ солнца свѣтъ для нашихъ глазъ въ дали.
 Чшобъ служъ обворожитьъ, или, восхититьъ чувства
 Нѣ нужны вымыслы щеславнаго искусства;
 Текла бы просшо мысль, но плавно какъ ручей,
 Являя красоты и нравовъ и полей.

Бѣги отсель, бѣги любитель пышна града,
 И не мершви красотъ цвѣщовъ дыханьемъ яда.
 Развраща сѣмя внутрь себя скрывая пы,
 Напрасно ищешь здѣсь клеветшовъ суешы.

Безспорно долженъ ты бѣжать уединеня,
 Дабы не чувствовашъ душевнаго мученя.
 Защиты на поляхъ нигдѣ порочнымъ нѣтъ.
 Какъ грозный судя шамъ совѣсть власть беретъ,
 Суровый взоръ когда - ль любилъ веселы рожи?
 Преступнику - ли зрѣшь свѣшило пихой ножи?
 Врагу - ль невинности природой взоръ прельщашъ,
 И дни покрыты зломъ цвѣтами украшашъ?
 Всеобща пишина кичливый духъ смиряешъ,
 И мщеня страшный гласъ злодѣя успрашаешъ.
 Вездѣ является ему Карашель злыхъ.
 О! естли - бѣ смершны во время дней своихъ,
 Искали испинны въ свяшилищѣ природы,
 Престали - бы они сей крашкой жизни годы
 Теряшъ въ поль суешныхъ щеславя мечшахъ;
 Прямаго щастія воздвигнушъ храмъ въ поляхъ.

Но естли домика еще я не имѣю,
 И собшвенной землей свободно не владѣю,
 Не менѣ того хочу съ природой жишъ,
 Въ ней щастіе мое, упѣхи находишъ,
 Уединеніе вездѣ для челошва.
 Вездѣ можешъ онъ продлитъ блаженство вѣка,
 И горести смягчишъ. Куда - бѣ судебъ рукой,
 Я не былъ заведенъ, вездѣ найду покой.
 Въ сей жизни части злой несносна тяжешъ бремя,
 Несносиѣ еще для сердца скуки время.
 Спокойство въ насъ самихъ, и горе! кшо его,
 Мечшаешъ обрѣши внѣ сердца своего.
 И въ рощахъ, кои рокъ судилъ другога части,
 Хоша какъ спрашникъ въ нихъ, могу въ часы на-
 пасши,

Мечтать о щастіи, мечтати о свѣтлыхъ дняхъ,
 Подъ шумомъ лисивевъ въ прохладныхъ ихъ шѣняхъ.
 Еще любезна жизнь бываетъ въ тѣ мгновенья,
 Когда приводимъ въ мысль прошедши наслажденья:
 Такъ звуки соловья пріятность дляшъ еще,
 Когда въ забвеніи внимаемъ имъ вопще.
 Не рѣдко на чужихъ поляхъ я наслаждался,
 Когда владѣлецъ ихъ заботами шерзался;
 Не рѣдко щастіе я жизни пѣлъ на нихъ,
 Какъ сей въ богатствѣхъ клялъ бѣды минушъ своихъ.
 Противурѣчіе сразивъ меня шакое,
 Являло Промысла намѣренъе благое.
 Тогда я съ шайною ушѣхою сказалъ,
 Не право въ бѣдности на Промыслъ ты ропталъ.
 Смотри, какъ посреди шерзаются богатства,
 Но въ самой скудосши ты чувствуешь пріятства.
 Познай - же изъ того судъ Неба наконецъ,
 Что щастье не въ вещахъ, но въ чистотѣ сердецъ.
 О! шѣни мирныя, въ обѣщанія примите;
 Прохладю мой духъ весенней освѣжите.
 Ручьи текущіе зеленыхъ въ доль береговъ,
 Омышь смѣшите пыль, заразу городовъ.
 Пестрѣючи поля пусть взоры привлекаютъ,
 И члены запахомъ цѣлебнымъ укрѣпляютъ.
 Подъ шумомъ древъ густыхъ пріятно засыпать,
 Безъ страха, ужаса сонъ сладкій покидать.
 Нещастныхъ стонъ и вопль шамъ слуха не про-
 заетъ,
 Во смрадносши шемницъ никто не погибаетъ;
 Подъ конскою ногой нещастный не хрипитъ,
 И землю кровію раздавленъ не багрить.

Не видно гордость шамъ сіяніемъ надмѣнну ,
 Ни бѣдность спраждушу, подѣ бремемъ золъ согбенну,
 Вельможи грозный взоръ не страшень для меня ,
 Какъ сущій рабъ у ногъ не ползаю спеня :
 Богатствомъ надѣленъ, украшенный звѣздами ,
 Сіяньемъ окруженъ, обвѣщенный крестами ,
 Не больше онъ другихъ , и потѣ - же челоуѣкъ ,
 Спрадаешъ, мучитъся, кончаешъ въ вопляхъ вѣкъ.
 Какая рѣдкость здѣсь вельможей называешь ?
 Симъ случай насъ даритъ, онъ можетъ миновашъся.
 Будь Графъ и вѣстѣ Князь, ахъ! все не вѣченъ ты;
 Какъ твоей послѣдній рабъ умрешъ средъ суешы.
 Какъ волны тихія, такъ щастья дни опасны.
 Подуютъ вѣтры вдругъ, возстанутъ бури спрашны,
 И въ недрахъ погребутъ несчастнаго пловца ,
 Которой не видалъ желаніямъ конца.
 Прешанъ за суешой, о челоуѣкъ, гонянься,
 Коуь Богъ тебя создалъ, ему ты поклоняешья
 И долженъ чшшь душей; онъ вѣчно Богъ твой ешь.
 Напрасно, чшобъ себя надъ ближними вознесъ,
 Въ чершогохъ близъ Царей свой вѣкъ ты провож-
 даешъ ,
 Снося презрѣнія, колѣна преклоняешъ ;
 Улыбку заслужишь, готовъ невинность гнашь,
 И съ препеномъ его стопы и прахъ лобзашъ.
 Отъ бѣдной хижины до пышнаго здѣсь прона
 Предъ гласомъ всѣ равны мы Божьяго закона.
 Минешъ и власть Царя. Какъ Богу самому ,
 Днесъ поклоняюшя народы всѣ ему ;
 И жизнью своею пожертвовать готовы;
 На завшра же падешъ съ главы вѣнокъ лавровый,

Померкнешъ свѣтъ въ очахъ и смерть сразитъ его.
 Кто прежде властію велѣнья своего,
 Престола колебалъ, побѣдами дни числилъ,
 Для славы своея сей міръ бытъ шѣснымъ мыслилъ,
 Ково единый взоръ блаженство разливалъ,
 Иль грады пышные съ землю вновь равнялъ,
 Предъ коимъ склепанны народы шрепешали,
 И въ смертномъ Бога зря, взираши не дерзали,
 Во тѣмъ безчувственна лежащаго узрятъ,
 И скорбный взоръ на персть со вздохомъ обращятъ,
 Не вѣря истинѣ собывшейся предъ нами,
 Чтобы и потъ исплѣлъ, испоченъ былъ червями,
 Кто выше всѣхъ взнеся въ племенахъ земныхъ
 Держалъ и брани громъ и миръ въ рукахъ своихъ.
 Увы! коль скиптра нѣтъ, льстецы всѣ исчезаютъ,
 И тѣ въ единый ровъ мгновенно упадаютъ,
 Кошорыхъ случай, блескъ къ престолу привлекли,
 И гдѣ они покой шоль суешный нашли.

Се! сушь плоды минутъ спокойствію посвящен-
 ныхъ,
 Въ бесѣдѣ съ мудрыми къ оправдъ проведенныхъ;
 На лонѣ шишины, среди густыхъ лѣсовъ,
 Избавясь суеши и зависти оковъ.
 Я въ бѣдности рожденъ, отецъ мнѣ не оставилъ,
 Ни злата, ни серебра и родъ свой не прославилъ,
 Но жалость къ ближнему всегда разитъ мой духъ,
 И челоуѣчества на пользу клонитъ слухъ.
 Чтобъ жить щастливѣе, у ногъ не пресмыкался,
 Другихъ нещастію, бѣдамъ не восхищался;
 Доволенъ тѣмъ, что Богъ на часть мнѣ даровалъ,
 Я въ скудной жизни бытъ спокоенъ лишь желалъ.

Напрасно думаютъ, чтобъ бытъ щаспливымъ въ мирѣ.
 Въ блескѣ должно жить, иль бытъ въ чинахѣ, иль въ
 порфирѣ,

Въ черпogaхъ мраморныхъ, искусству гдѣ рѣзца,
 И зодчаго уму нѣтъ въ свѣтѣ образца;
 Гдѣ тканные ковры, богатые диваны,
 Трящи люстры гдѣ, злапыя испуканы;
 Гдѣ радужны огни играютъ въ хрусталахъ,
 И зримы комнашы въ огромныхъ зеркалахъ;
 Гдѣ роскошь съ праздношью забавы вымышляетъ.
 И шумны пиршества весельемъ наполняетъ.
 Не можетъ все сіе щаспливыхъ здѣлать насъ,
 Коль въ сердцѣ совѣсти не слышенъ строгій гласъ.

Напрасно Дидеротъ Руссо во оскорбленье,
 Сказалъ, что только злой бѣжитъ въ уединенье.
 Разбѣяная жизнь злодѣя есть душа;
 Онъ въ ней покоитъ спрасъ разсудокъ заглуша.
 Въ уединеньи же шворится духъ высокой,
 И образуется къ познаньямъ умъ глубокой.
 Въ немъ добродѣтели крѣплятся и цвѣтущъ,
 И недостойны ихъ пороковъ цѣпи рвущъ.
 Священна пишина лѣсовъ дремучихъ, мрачныхъ,
 В ушаешь мужество презрѣшь пирановъ алчныхъ:
 Но грады пышныя, пишая внутрь рабовъ,
 Гордятся узами опечесства сыновъ.
 Конечно всякой потъ бѣги уединенья,
 Кто здѣсь въ самомъ себѣ не сыщеть утѣшенья.
 Пріятныя луга и рощи не для тѣхъ,
 Пошребны коимъ въ нихъ избытокъ всѣхъ утѣхъ.
 Не къ шумнымъ шоржествамъ природа приглашаетъ;
 Но мысли ко Творцу она въ насъ возвышаетъ,

Раждаешъ нѣжность чувствѣвъ отъ сельскихъ видовъ
вкругъ:

Такъ рабъ - ли можешъ бытъ уединенья другъ?

Различенъ полкъ людей и склонности ихъ разны:
Имъ мысли шаковы покажущся не связны.
Вошще прославишъ имъ ты щастіе полей;
Ихъ щастье, властвовать надъ участью людей:
Богатство, идолъ ихъ; а почести ихъ слава;
Бѣды подобныкъ имъ ихъ пища и забава.
Такія правила шакъ можно испребишь,
Какъ водъ печеніе къ истоку обратишь.

Щаспливъ, кшо испышавъ непостоянство свѣша,
Фортунѣ не творитъ здѣсь болѣ обѣща.
Упрямые умы не щитяся научашъ
Той истинѣ, что внутрь себя спалъ познавашъ;
Оставля пышныя о щастіи ихъ пренья,
Имъ наслаждается среди уединенья.

Почшо и мнѣ угла судьба ты не дала?
Какъ шихая рѣка моя - бы жизнь текла.
Познавъ пристрастіе людей и судъ ихъ ложный,
Лицепріятіе, обрядовъ смыслъ ничтожный,
Поставилъ бы себя ихъ выше суеты,
И домика во кругъ рассыпалъ бы двѣшы;
Федону мудрому въ сей жизни подражая,
Какъ онъ мирскихъ суетъ заботы оплагая,
Ябъ въ сладкой праздности ошатокъ дней провелъ (*),
И въ мрачной участи утѣхи - бы нашелъ.

(*) Федонъ оставя всѣ заботы, провелъ остатокъ дней своихъ въ сей и толико пріятной для мудрыхъ праздности, кошорую можно назвашъ *здравымъ смысломъ всѣхъ добродѣтелей.*

Какая нужда мнѣ, что свѣтъ о мнѣбѣ не мыслилъ!
Ябѣ радости однѣ въ моемѣ жилищѣ числилѣ,
Распилѣ бы садикѣ свой, плоды сулящій мнѣ,
И жилѣ дѣйствительно - бѣ по сердцу въ тишинѣ.

Приди украсишь вѣкѣ, приди уединенье!
Да посвящу тебѣ мое я пѣснобнѣе.
Проходишь скоро жизнь оградѣ и бѣдѣ полна,
И въ морѣ вѣчности исчезнетѣ дней волна.
Да опыты владыкѣ, вельможѣ, увы! всечасны,
Не будутѣ для меня ученія напрасны.
Да пѣніе мое я съ правдой соглашѣ,
И ложна щаспія свѣшильникѣ погашѣ.

Къ Александру Александровичу Палицыну.

Уединенія и мѣстѣ пустынныхъ жилищъ,
Естественныхъ красотъ усерднѣйшій любитель!
Прекрасные стихи твои я получилъ,
Ты Душеньки творца, копорыми почшилъ (*).
Равно благодарю тебя за лестныя строки,
Мнѣ въ коихъ дѣлаешь ты дружески упреки,
Что будто тишину твою нарушилъ я,
Когда чрезъ тридцать лѣтъ заспавилъ вновь тебя,

(*). *Къ Творцу душеньки.*

Благодарю тебя, любимецъ Аполона!
Что ты съ вершины Геликона,
Меня въ пустынѣ не забылъ:
Ты душенькой своею опять меня плѣнилъ,
Котору музы вновь съ поборою украшали;
Гдѣ Клобъ похвалу онѣ-жѣ тебѣ внушали.
Какъ сладки мнѣ стихи твои въ поэмѣ сей,
Такъ дорогъ для меня знакъ памяти твоей.

Д. Полова

Александръ Палицынъ.

О т а в ѣ т ѣ.

Усердный читатель твой вызываетъ Аполона,
Взываетъ Музъ онѣ Геликона,
Сказашъ тебѣ въ отвѣтъъ сколько я тебя люблю.
Но естли рифмою то слабо изъявлю,
Пусть чувства мои замѣнятъ недостаткомъ,
Гдѣ слогъ мой будетъ слабъ и крапокъ;
И только тѣмъ не погрѣшу,
Что стихъ твой у себя я въ сердцѣ напишу.

Курскъ.

Иполитъ Богдановичъ.

Пишеть стихи и въ нихъ горѣшь Пермескимъ жаромъ;
 Но мнѣ-ль гордиться шѣмъ съ моимъ поль малымъ
 даромъ?

Уже-ли думаешь, что симъ я возгоржусь,
 И выше своего учителя внесусь?
 Предъ скромностью швоей я больше унижаюсь,
 И болѣе тебѣ лишъ полько удивляюсь.
 Довольно для меня шой слабости одной,
 Что въ свѣтѣ дерзнулъ мои стихи пускашь порой:
 Но примиришься бы не могъ я самъ съ собою,
 Коль не былибъ они одобрены шобою.
 О! сколько малы мы часы въ спихахъ губя,
 Когда вообразу, Пусшынникъ мой, себя,
 Какъ своего ума прекрасное шворенье,
 Жестокому огню шы предалъ на сожженье,
 Желая образца иль вовсе ничего:
 Почшо не держимся мы правила сего?
 Тисненію шогда не бывши запрудненьемъ,
 Не ушрашали бы и книжнымъ наважденьемъ.
 Не много былобъ книгъ и шоргъ не шакъ великъ;
 То правда, но за шо прекрасный нашъ языкъ,
 Остался бы шакоебъ, какъ предалъ Ломоносовъ,
 И комъ насъ плѣнялъ отецъ шеатра Россоебъ;
 Фон-Визенъ каковымъ, Херасковъ намъ явилъ,
 И коимъ душеньки шворецъ обворожилъ.
 Когда поль вышшіе умы изображали,
 Все шо, что мыслили, и все, что вображали,
 То что препяшшествовать и намъ бы въ шомъ могло?
 Во Франціи Расинъ, Корнелій, Буало,
 Мольеръ, Руссо, Волшеръ одйнъ языкъ имбли,
 Премѣны мыслей, чувствъ представилъ въ немъ умбли.

„Не новостъ словъ шворитъ ирекраенѣйшимъ
языкъ;

„Высокимъ будетъ онъ, коль чувствомъ кпо великъ;“
Говаривалъ ты мнѣ: „писменъ во всякомъ родѣ,
„Творецъ тогда хорошъ, коль ближе онъ къ природѣ;
„Коль простотою словъ смягчашъ умѣствъ насъ.
„Въ риторикѣ себѣ не ищетъ тѣхъ прикрасъ,
„Которы сердце, умъ должны ему доставить.
„Великихъ тѣхъ Творцовъ сей даръ лишь могъ про-
славить.,,

Вотъ правила твои не токмо въ писменахъ,
Но ты являешь ихъ намъ въ зданьяхъ и садахъ.
Высокій древнихъ вкусъ простой архитектуры,
Которой въ Греціи былъ занятъ ошъ нашуръ,
Единымъ образцомъ ты для себя избралъ,
И Грековъ по слѣдамъ ты въ вымыслахъ спупалъ.
Но ближе ихъ еще ты подражалъ природѣ,
Строеня сельскаго совсѣмъ въ другомъ ужъ родѣ,
Которому дано начало лишь побой:
Въ немъ зримъ неправильность съ плѣняющей кра-
сой (*).

(*) Въ семъ новомъ родѣ архитектуры, о коемъ здѣсь упо-
мянуто, совсѣмъ не видно симметріи; она проста съ
привлекательнымъ безпорядкомъ отличаетъ ее, и вмѣстѣ
украшаетъ. При совершенной свободѣ въ расположеніи
комнатъ, можно приравливать наружность одной къ ве-
сельнымъ, приятнымъ, торжественнымъ, уединеннымъ,
мрачнымъ и дикимъ мѣстоположеніямъ, обезображеннымъ
по нынѣ скучною, хладною и едиобразною симметріею,
произшедшую безсмыслия, по словамъ Жерарде а. отъ
лѣности и тщеслія. Строеніемъ сего рода можетъ
восхищаться просвѣщенный Европеецъ и дикій Америка-

Такъ въ сельскихъ зданіяхъ ты пышность испреб-
ляешь,
И симметрию зрѣшь лишь въ городахъ желаешь.
Пусть въ нихъ она блескитъ надмѣнной красотою,
Но въ селахъ бытъ должна пріятность съ простотою.

нець: первой нашель бы въ немъ превосходство простоты и согласія, совершенно соотвѣтствующія природѣ; а послѣдній нѣкое подобіе, хотя по красотамъ своимъ несравненно вышшее, простаго его сооруженія, сего слабого и робкаго начала искусства. Наипаче же прелестный видъ, или превосходство красоты оныхъ зданій, оптмѣнно согласуется съ шюю простотою, которая болѣе всего должна опличать, какъ спроенія, такъ и нравы сельскихъ жителей, живущихъ, такъ сказать, въ объятіяхъ самой природы. Не будучи архипекшоромъ, я не имѣю ни права, ни потребности для сего описанія способности, однако извѣлялъ свои чувствованія, мнѣ кажется, всѣмъ позволено. И какъ симметрия казалась мнѣ всегда скуднымъ источникомъ для изобрѣшательнаго воображенія художника, такъ на противъ шого сей родъ спроенія показался мнѣ обширнымъ для него полемъ. Г. Палицынъ испребилъ скучныя прямыя чершы, умягчилъ острокочаные углы, шoliko непріятныя для зрѣнія, даль лѣпообразнѣйшую и перебнчивую наружность своему спроенію, и словомъ, сокрушилъ ограду, раздѣляющую шoliko въковъ сіе искусство отъ всѣхъ прочихъ, долженствующихъ между собою бытъ въ тѣснѣйшемъ союзѣ. Шловесность, Поэзія, Живопись гордились многообразіемъ богатствъ своихъ; садоводство къ нимъ присоединилось; всѣ другія искусства и науки украшались, возвышались ими и составили между собою нѣкое дружеское сословіе; одно Зодчество не смѣло выйти изъ предписаннаго ему вѣками круга, и не дерзая заимствовать отъ нихъ для себя украшеній, пребывало въ одномъ состояніи и всегда отъ другихъ искусствъ отдѣленное. Сей-же родъ, о коемъ я говорю здѣсь, удобенъ ко всякаго рода измѣненіямъ; по крайней мѣрѣ въ селахъ онъ достоинъ бытъ принятъ, оставая симметрию для городовъ. Онъ сдѣлалъ

Надушой слогъ равно насъ скоро ушомляетъ,
 И сердца не плбнивъ, хладъ въ чувства вливаетъ.
 Что нудитъ слезы лишь какъ съ Геснеромъ сiju,
 Иль по лбсамъ когда съ Делилемъ я брожу?
 Конечно спруны чувствъ, сердецъ они познали,
 И ихъ касаяся вдругъ слезы извлекали.
 Вотъ даръ прямой пера великаго шворца,
 И кто зашмитъ его сіяніе вбнца?

ся нѣкоимъ стихотворствомъ, или, можетъ также, какъ оно, играть воображеніемъ художника. Вотъ впечатлѣнія, произведенныя во мнѣ рисунками спроеннй въ семь родъ; а для чего сочинитель заключаетъ ихъ въ своемъ кабинетъ, шого я не знаю. Можетъ быть, мы должны жаловаться не на него, но на время наше, шoliko хладное ко всему прямо полезному. Онъ сжегъ свои сочиненія; онъ можетъ сжечь и шѣ рисунки. Люди малыхъ дарованій такъ не поступаютъ; они дорожатъ своими произведеніями, можетъ быть потому, что никто другой не дорожитъ ими. Люди же вышшихъ способностей, какъ будто бы на перекуръ своеюравію несправедливыхъ почти всегда своихъ современниковъ, не дорожатъ своими шрудами, за которые дорого заплашило бы болѣе справедливое потомство. Г. Палицынъ, провождая дни свои въ уединеніи, кажется, не столько заботишся о своей славѣ, сколько о томъ, чтобы не потерять дня не наслаждаяся природою, для которой слишкомъ прищатъ лѣтъ посвятилъ уже онъ. Да простишъ онъ мнѣ нескромность дружества, и да простиашъ равно и всѣ Архитекторы, что я вошелъ не въ свое дѣло. Чувствовать превосходство красотъ въ природѣ, кажется, всѣмъ свойственно; поражаться изящностію въ искусствахъ также принадлежитъ не однимъ только упражняющимся въ оныхъ. Архитекторъ можетъ плбняться стихотворцами, какъ и сія прельщатся произведеніями Архитекторовъ. Безъ сихъ же соотношеній, чтобы были и самыя науки и художства?

Чтобъ зримы въ естество открытъ красоты шолки,
Удобны, кажешся, всѣ на земли языки.

Умѣи лишь чувствовашъ что хочешь описатьъ.

Такъ будешь словъ себѣ всегда на то спавашъ.

Напрасно станешь потѣ природою прельщашся,
Коль слезы у него изъ глазъ не покашатся;

Коль онъ не видитъ въ ней пріятныхъ видовъ самъ,

Напрасно предствляешь тогда ихъ будешь намъ.

Коль подлинникъ красотъ онъ зреть и не смягчишься,
То пѣснями его уже - ли кто плѣнишься?

Со всей огромностью и сборомъ новыхъ словъ,

Холоднѣи пѣсни шѣ Сибирскихъ будешь льдовъ.

Во всякомъ языкѣ довольно есть искусства:

Чтобъ оживишь его, побребенъ умѣи и чувства.

Россійской же языкѣ способенъ ко всему:

Въ немъ пища сердцу есть, въ немъ пища есть уму.

Къ стыду для Россіянъ, что имъ пренебрегаютъ,

Не зная силы въ немъ, безстыдно намъ вѣщаютъ,

Что онъ не такъ богатъ и что для чувствъ жестокъ:

Вмѣнимъ - ли языку незнанье ихъ въ пороки?

Германцы лучше насъ въ семъ дѣлѣ поступили;

Стараньемъ свой языкъ извѣстнымъ учинили.

Плѣняясь чужимъ, любили также свой:

Съ трудолюбною сръвнялись въ помѣ пчелой,

Тамъ Геллертъ, Лессингъ, Кантъ, Клоппштокъ,

Виландъ и Гелпе,

Прославишь свой языкъ имѣли лишь въ предметѣ,

И шѣмъ могли они безсмертье получить:

Такъ для чего и намъ того не учинишь?

Не кришикомъ себя здѣсь высъавишь желаю;

Я своего пера всѣ недосшатки знаю.

Желалъ я лишь о томъ напомнить и сказать ,
 Что Сумароковъ намъ старался такъ внушатьъ .
 И коль днесъ вредъ какой языку бышь я мыслю ,
 То преступленіемъ опчюдъ того не числю .
 Не знаетъ кто то го , что рѣдко мы своимъ ,
 Почтенье отдаемъ шаланцамъ ихъ однимъ ?
 Творительъ языка спалъ днесъ не безъ упрековъ ;
 Не значитъ ничего почти и Сумароковъ .
 Писали какъ они , такъ пишеть всякъ изъ насъ :
 Что школьникъ по Твер-цѣ ; что лай по сладкій гласъ .
 Презрѣніе сіе во всѣхъ вещахъ мы видимъ .
 Къ спыду , признаемся , мы часто ненавидимъ
 дѣла Россійскихъ рукъ и хулимъ пошому ,
 Что по взбрело на мысль Россійскому уму .
 Тотъ говоритъ , что вещь та Русскимъ духомъ пах-
 нешь ,

Та Русское узря наморщится и ахнетъ .
 Масперовой дуракъ , куп-цѣ великой плушъ ,
 За то , что съ насъ они дешевѣе берутъ .
 Поступки шаковы вседневно примѣчаемъ ,
 И ихъ хопя хулимъ , но все не премѣняемъ .
 Не нужно правду мнѣ доказывать сію :
 Ко смыслу своему опяшь я приступаю .

Хопя я чуждыхъ словъ въ языкъ свой не вмѣщаю ,
 Равно шѣмъ слабости моей не защищаю ,
 Что отдавашъ дерзнулъ въ печать свои стихи .
 Конечно спрасъ къ стихамъ питаю за грѣхи !
 Почто не пошъ же духъ меня воспламѣняетъ ,
 Которой насъ самихъ насъ выше поставляетъ ?
 Бездѣлки бы свои въ каминѣ сжегъ равно ,
 И спрасъ писать стихи покинулъ бы давно .

Тогда-бѣ съ черниломъ жизнь, какъ днесь, не исчезала,
И слава суешна меня - бѣ не иссушала;

Тогда - бѣ я крѣпкими руками заступѣ взявѣ ,
Зналѣ садѣ - бы украшашѣ не зная свѣща правѣ.

Не зналѣ - бы какъ шворцы между собой грызущся
Межѣ шѣмѣ какъ временемѣ ко смерти всѣ несущся;

Не зналѣ - бы бредить я о щастьи, какъ они,
А велѣ бы ужѣ давно благополучны дни.

Но слабостямѣ какой шумѣ смертный не причастенѣ?
Кшо спрогой мудрости пребудетѣ вѣкѣ подвластенѣ?

Взгляни на шронѣ, взгляни на хижину попомѣ ,
Увидишѣ шы людей во слабостяхѣ кругомѣ
Всѣхѣ самолюбіе , какъ классы вѣшрѣ , колеблетѣ ,
И вѣ семѣ вольненьи чувствѣ всегда разсудокѣ дрем-
летѣ :

Ахѣ! часто понетѣ онѣ вѣ волнахѣ шягчайшихѣ бѣдѣ.

Щасшливѣ , кшо ранѣ на мудрость набредетѣ !

Когда - же мнѣ писать назначено отѣ Феба ,

Такѣ стану я писать, но шолько не изѣ хлѣба ;

Пѣшь стану вѣ горестяхѣ и радостяхѣ моихѣ ,

Пѣшь стану иногда для дружбы , для родныхѣ.

Не бѣднось есть мой Богѣ, чшо пѣшь стихи внушаетѣ ,

Какъ нѣгдѣ о себѣ Горацій шо вѣщаетѣ (*).

Мнѣ истинна мой Богѣ ! и лиру я мою ,

Неправдой, лестію во вѣкѣ не посрамлю.

Нѣшѣ , нѣшѣ , пускай мои шворенія и мѣлки ,

Но вѣ нихѣ пришворства нѣшѣ и нѣшѣ равно поддѣлки.

Чшо чувствоваль писалѣ , и какъ я могѣ шакѣ пѣль ,

Невѣждѣ - же похваляшѣ опниудѣ вѣ нихѣ не умѣль.

(*) Еписстола 2. Книга II, стихѣ 51.

Бышь можешъ кшо нибудь стихи мои чипая,
 И подлой лести въ нихъ нигдѣ не обрѣшая,
 Со мной тогда мои снѣ чувства раздѣлитъ,
 И я которыхъ пѣлъ, хвалю тѣхъ почтитъ;
 Разсыплетъ дружеству цвѣшны воспѣшу мною:
 И гробъ потѣ ороситъ сердечною слезою,
 Надъ коимъ я сненалъ и плакалъ въ пишинѣ:
 Ахъ! можешъ-ли что бышь сего пріятнѣй мнѣ?

Простой мой будетъ слогъ, съ природой сходны
 чувства.

Пусть нѣтъ въ моихъ стихахъ опмѣннаго искусства,
 Высокопарныхъ одъ, вишійшвенныхъ похвалъ;
 Пускай я на подборъ словъ новыхъ не ковалъ;
 Словами чуждыми мой слогъ не украшался,
 И кудрявостью своей не опличался:
 При всемъ томъ не ропщу на мрачный свой удѣлъ,
 Равно, что славою еще не возгремѣлъ.
 Мнѣ въ жизни бѣдна часъ назначена ужъ небомъ:
 Знать участь въ писменахъ дана такая - жъ Фебомъ.
 Но воля шо Боговъ, покорствую я ей.
 Потщусь щастливымъ быть въ безвѣспности моей.
 Такая лучше часъ высокія степени,
 Вкругъ коей ложнаго блуждаютъ щастья тѣни.
 Чѣмъ съ большей славою достигнемъ вышины,
 Вѣрнѣе тѣмъ летятъ въ насъ стрѣлы клеветы.
 Цвѣшочикъ подъ горой шамъ вѣшрамъ не подвер-
 жень,
 Какъ кедръ, которой спалъ вдругъ бурю низвер-
 жень.
 Средину знашь во всемъ, вотъ щастіе для насъ!
 И для шого всползатъ не смѣю на Парнасъ;

Не смѣю возлестать на шаръ Монгольфьера ,
 Познавъ опасность въ томъ изъ бѣдственна при-
 мѣра (*).

Дедалу я равно не смѣю подражать ;
 Ни выше силъ себя чрезмѣру надувать .
 Бѣда и въ томъ , какъ по Езопъ насъ поучаетъ .
 Хилона я держусь : да всякъ себя познаетъ .
 Вотъ людямъ весь урокъ ; пускай его швердятъ ,
 И въ жизни для себя на пользу обрываютъ .

Прошу я девять Сестръ , прошу и Аполона ,
 Коль мнѣ не лзя достигъ вершины Геликона ,
 Позволишь иногда близь мѣстъ тѣхъ заблуждашь ,
 Гдѣ сладкому могу ихъ пѣнію внимать .
 Чпобъ отъ Каспальскихъ спруй мнѣ пить не воз-
 браняли ,
 Чпобъ вокругъ меня мечты пріятныя лешали ,
 Гдѣ шумъ пермскихъ водъ въ восторгъ приводишь
 тѣхъ ,
 Которые поютъ для истинныхъ утѣхъ .
 Блаждая въ доль береговъ усѣянныхъ цвѣтами ,
 Гдѣ Музы опдыхать подъ часъ изволятъ сами ,
 Я вспомню о друзьяхъ , имъ спану рвать цвѣшки ,
 Иль Клобъ за любовь я буду плестъ вѣнки .
 Когда-же въ райскихъ тѣхъ долинахъ безмятежныхъ ,
 Забьется сердце вдругъ бывъ полно чувствѣй нѣж-
 ныхъ ,

(*) *Пилатъ де Розье*, Профессоръ Физики, первый взлетѣлъ на воздухъ на шаръ Монгольфьеровомъ. Близъ Булочи хотѣлъ онъ перелетѣть чрезъ Каллеской проливъ, но его шаръ къ несчастію лопнулъ и онъ превратился самъ въ пепелъ.

И лиру окропихъ испоргшеюся слезой :
 Тогда возвышу я гласъ робкой , тихой своей ,
 И челоуѣчества друзей дѣла прославлю ;
 Вънутрь сердца моего имѣ жертвенникѣ поставлю :
 Тогда возженный имѣ на ономѣ еиміамѣ ,
 Пускай , о Музы ! въ вашѣ восходитѣ горній храмѣ .

Сего единого прошу отъ васъ я дара ,
 Коль не данѣ звучный гласъ мнѣ Росскаго Пиндара .
 Но естѣли вздумаю я спранныстѣю блистатѣ ,
 Сплешеньемѣ дикихѣ словѣ вкусѣ здравый повре-
 ждатѣ ,

Тогда прошу , хошя по сдѣлатѣ для забавы ,
 Прошу , о Музы ! васѣ , на мѣсто мнимой славы ,
 Ослиными ушми за дарѣ сей наградишѣ ,
 Какими Мидаса изволилѣ Фѣбѣ почтитѣ ;
 Чшобѣ брашя моя , (по связи Аполлона)
 Не выходила - бы изѣ должнаго закона :
 По чувствамѣ пѣла - бы , и пѣла какѣ могла ,
 А вздору языкомѣ не Русскимѣ не врала .

И Музы голоса всѣ шерпятѣ какѣ природа ,
 Лишѣ пѣлѣ - бы всякой пѣмѣ онѣ здѣсь какого рода .
 Родяся соловьемѣ , пусть свищетѣ и поетѣ ,
 По соловьиному - жѣ ворона пусть не вретѣ .
 Пускай шамѣ горлица въ любви сѣ дружкоймѣ ворку-
 етѣ ;
 Кукушка по лѣсамѣ дремучимѣ пусть кукуетѣ ,
 А воетѣ пусть сова лишѣ шолько по ночамѣ .
 Вотѣ птицѣ каковѣ ушавѣ , таковѣ онѣ данѣ и
 намѣ .

Всѣ сноено для ушей и сносно всяко пѣнье ,
 Когда сердечныхѣ чувствѣ оно естѣ выраженье .

Когда не будешь ты отъ всѣхъ превознесенъ,
 Покрайней мѣрѣ ты не будешь и смѣшенъ.

Поэтъ не можетъ быть властительнымъ Геро-
 номъ,
 Не можетъ онъ, какъ сей, свой гласъ имѣть зако-
 номъ;

Принудить пѣніемъ по сладкимъ называшъ,
 Когда изволишь онъ рычаньемъ слухъ пугашъ.
 Въ Лицбяхъ - ли когда, въ Театрахъ - ли Поэты,
 Всегда они должны отдашь свои опчешы.
 Всѣ обращающъ слухъ и взоры шамъ на нихъ,
 И хвалящъ и хулящъ лишь по твореньямъ ихъ.
 Поэту и желашъ мнѣ кажется не должно,
 Чтобъ по пристрастію его хвалили ложно.
 Тирана дѣло то, неправдой дышетъ онъ:
 Поэтъ - же долженъ чинить лишь истинны законъ.

Напрасно Дезульеръ Прадона выхваляешъ,
 И выше славнаго Расина поставляешъ;
 Останется Прадонъ извѣстнымъ для того,
 Чтобъ впредъ побереглись ищи пушемъ его.

Что въ ложной намъ хвалѣ, что въ громкомъ
 восклицанъ,
 Коль добрыхъ нашихъ дѣлъ то все не есть признанье?
 О, вы! что судите по блеску одному,
 Вы дайте дѣйствовать разсудку своему,
 Чтобъ шѣмъ узнать похвалъ всю разность нескан-
 занну,

Какія Мудрецу и воздаютъ Тирану:
 Сей страхъ вселяя въ насъ, шѣмъ нудитъ пѣшь
 льстеца;
 Но съ чувствомъ кротости возносящъ мудреца.

Довольно коль и то случается съ творцами,
 Что средственый талантъ почтенъ бываетъ нами,
 Межъ тѣмъ какъ истинный духъ творческій стѣс-
 ненъ,

И всякъ его язвить лишь только устремленъ.
 Посредственый талантъ въ покоѣ оставляютъ,
 За тѣмъ, что превзойти его безпрудно чаютъ:
 Но Геній вверхъ паря пространство зрѣтъ даещъ;
 Котораго изъ насъ никто не достигнетъ;
 Тѣмъ къ лютой зависии всѣ мысли распаляетъ,
 И поле клеветѣ обширно оставляетъ:
 Одна признательность его какъ должно чшмъ,
 И пользы отъ него отечеству гласитъ.

Такъ точно надлежитъ творцамъ взирать на
 славу,

И разумъ покорять едину смыслу здраву.
 Онъ есть наставникъ нашъ и славы на пути,
 Далеко можетъ Музъ любимцевъ провести.
 И словомъ наконецъ намъ должно согласиться,
 Что разумъ, сердце, вкусъ должны соединиться,
 И что лишь тамъ видна высока красота,
 Гдѣ освящаетъ слогъ и вымыслъ простота.

НА НОВЫЙ ВѢКЪ КЪ НЕМУ-ЖЕ.

Ужъ новый вѣкъ на землю
 Стремится къ намъ съ небесъ;
 Со ужасомъ я внемлю,
 Ошзыву сна колесъ,
 Огромной колесницы,
 На коей время Богъ,
 Съ блистаніемъ денницы
 Оставляя свой черпогъ,
 Во вѣчность пушь направилъ,
 Въ шуманъ облаковъ.
 Предъ нимъ ряды составилъ,
 Богинь и сонмъ Боговъ.
 Тамъ Марсъ вознесъ Перуны
 Да грады испребитъ;
 Блестящій зракъ форшуны,
 Какъ солнце шамъ горитъ.
 Дѣла шамъ Клію прубитъ,
 Румянцовыхъ другихъ;
 И славу ихъ сугубитъ.
 А шамъ въ рѣчахъ драгихъ
 Безсмертна Калиопа,
 Пожарскихъ память чшитъ.
 Угрюмая Апропа,
 Тамъ смертію разитъ,

И лавръ близъ кипариса
 Гробовъ возвращаетъ вкругъ.
 За нею Немезиса,
 Въ земный вступаю кругъ,
 Калласовъ смерть отмщаетъ,
 Тоня повсюду злыхъ
 Но добрыхъ награждаетъ,
 И послѣ смерти ихъ.

Въ такомъ порядкѣ спрогомъ,
 Всѣ ниши Боги шли,
 Предъ грознымъ онымъ Богомъ,
 Властипелемъ земли.
 Куда не кинувъ взгляды,
 Тамъ смертный хладъ люютъ;
 Иль свѣтлый лучъ опрады,
 Съ надеждой подають.
 Куда пр спрутъ лишь длани,
 Цвѣшетъ тамъ миръ драгой;
 Иль дымъ курится брани,
 И льется кровь рѣкой.
 Тамъ Рейнъ, Тигръ, По и Тага,
 Убивство слышатъ громъ;
 И Понша грозна влага,
 Кипитъ войны огнемъ.
 Тамъ горъ хребты Альпійскихъ,
 Людей лишь вторятъ стонъ,
 Въ странахъ прекрасныхъ Нильскихъ,
 Селимовъ гибнетъ шронъ.
 Но гордая Россія,
 Подъ взоромъ шѣхъ Боговъ,
 Верхи свои злая,

Несетъ до облаковъ.
 Въ коронѣ свѣшлой зрится,
 Соспавленной изъ звѣздъ;
 И паче веселился,
 Своихъ швердыней мѣстѣ.
 Такъ Боги назначали,
 Судьбину Царствій всѣхъ,
 Когда они свершали,
 Въ поляхъ воздушныхъ бѣгъ.
 Но будущее сокрыли,
 Отъ смертнаго очей;
 Ему не предъявили,
 Теченья жизни сей.
 Какая - жъ нужда въ ономъ,
 Кто здѣсь, какъ ты, живешь,
 Подъ мудрости закономъ,
 И правдою идешь?
 Не мнишь кто править свѣтомъ,
 Тому - ль спрашишь бышь,
 Вторымъ здѣсь Баязетомъ,
 И въ клѣшкѣ вѣкъ дожишь?
 Пустьъ Крассъ въ богатствахъ понетъ,
 Спаршака побѣдя,
 Иль самъ отъ Парфянъ стонетъ,
 Въ полкахъ ихъ смерть найдя.
 Пускай вѣнца алкаютъ.
 И Кесарь и Помпей,
 И оба погибаютъ,
 Въ кловратности своей.
 Въ хаосѣ семъ не видишь,
 Ты щастья быстрыхъ дней;

И славу ненавидишьъ ,
 Коль вѣтъ покоя въ ней.
 Но чщить небесъ уставы ,
 Для пользы ближнихъ жишьъ :
 Иной не знаетъ славы ,
 Чщобъ ею духъ плбнишьъ .
 Средь поприща шакова ,
 Тебя находить вѣкъ ,
 Чщо съ круга золотого ,
 На шаръ земный пришекъ .
 Онъ вѣтъвъ тебѣ вручаетъ
 Въ залогъ лишь пишины ,
 И спѣшно украшаетъ ,
 Щасливыя страны ,
 Куда приходятъ Музы ,
 Къ тебѣ златой спезей ,
 Храня въ нихъ дружбы узы ,
 И миръ швоихъ полей .
 Пускай Ерато славитьъ ,
 Въ лирическихъ стихахъ ,
 Того , кто свѣтомъ правитьъ ,
 Имѣя скиптръ въ рукахъ ;
 Хотя тебѣ сей чеси ,
 Она не придаетъ ,
 Но дружество безъ лести
 Хвалы тебѣ плешетъ :
 Съ тобой сей вѣкъ встрѣчаетъ ,
 Къ тебѣ въ любви горя ,
 И неба умоляетъ ,
 Вержховнаго царя ,
 Дабы въ щасливой долѣ ,

Здѣсь жизнь твоя шекла ;
 А Кюри - бы подолѣ,
 Твоихъ дней нашъ прятла.

В Ы Б О Р Ъ

Едва вступилъ въ большой я свѣтъ,
 Былъ первый мой предмѣтъ,
 Повавшийся на встрѣчу,
 Въ доспѣхахъ бранныхъ Марсѣ. Онъ звалъ меня къ себѣ,
 Являя славу, чести въ блистательной судѣбѣ.
 Твою кроваву сѣчу,
 Сказалъ я, не терплю ;
 И самого себя, признаться, не люблю.
 Попомъ явилася Фемида,
 Вѣсы вручая мнѣ,
 Но я сказалъ, какъ бы во снѣ,
 Страхуся своего угрюмаго я вида,
 И казни мечъ,
 Не можешь глазъ привлечь.
 Фортуна въ скорости явила мнѣ чертоги,
 Живущъ гдѣ Полубоги :
 Увидѣвши ее ужасну слѣпошу,
 Опкланялся учтиво,
 Сказавши ей не лживо,
 Чтѣ свѣтъ люблю, не шемношу.
 Но Муза только показала,
 Въкѣ обожашъ ее, душа моя поклялась.

Единое добро на свѣтѣ постоянно,
 Всѣ вещи видѣшь такъ, какъ здравый смыслъ велитъ.
 Смѣяясь про себя, что глупо несказанно;
 Терпѣшь какъ зло придетъ, хоть зло и пягошитъ.
 Адъ кроетъ часто шопъ, кто веселъ среди брашенъ.
 Философъ на словахъ есть шопъ же рабъ спрасней:
 И что въ шой мудрости, коль опытъ бѣдъ ей
 спрашенъ?

Юнгъ, Попъ, Руссо и Локъ, учили людей,
 Единымъ благомъ чли бышь выше горькой части.
 Вѣрь имъ, почтенный другъ, ихъ справедливъ совѣтъ.
 Стенашъ, я вѣдаю, есть доля всѣхъ въ напасти,
 Твердъ камень лишъ, но гдѣ-жъ найши намъ лучший
 свѣтъ?

А есть ли отвращишь не можно грозна рока,
 Философъ будь душой, здѣсь правду возлюбя.
 И шолько лишъ тогда, спавъ удаленъ порока,
 Едемски радости найдешъ во кругъ себя.
 Великъ кто сердцемъ, шопъ великъ на самомъ дѣлѣ!
 Испытанный въ бѣдахъ, умѣренъ въ щастьи онъ;
 Чтя правду, духомъ здравъ пребудешъ въ слабомъ
 тѣлѣ;

Усерденъ къ ближнему, хранишь Творца законъ.
 Счастливъ, кто могъ избрать во дняхъ сей родъ
 лишъ славы!

Такъ швердостью Сократъ смерть люту побѣдилъ,
 Ареопага судъ шѣмъ посрамилъ неправый;

Надежды лучь его часъ смерти озрашилъ :
 Есть Богъ, свидѣтель дѣлъ, онъ рекъ, и такъ
 скончался.

Вотъ истинный мудрецъ ! пѣмъ былъ въ нашъ вѣкъ
 Руссо.

И пакъ, коль насъ внутри гласъ разума раздался,
 Что щасье есть суешъ клоушатно колесо,
 Укроемъ жъ въ сѣни любви, дружбы, вѣры !
 Изыщемъ вѣрныя къ симъ Божествамъ пуши.
 Затѣи гордецовъ, надмѣнны ихъ примѣры,
 Не нужны, коль покой желаютъ обрѣсти.
 И споятъ ли они, чшобъ мучиться всечасно ?
 Земля есть человекъ и въ землю онъ поидетъ,
 Оставитъ золото, что онъ сбиралъ такъ спрасно.
 Великъ былъ на земли, но сей покинувъ свѣтъ,
 Что принесетъ Творцу онъ дѣлъ своихъ къ опчешу ?
 Творившимъ лишъ добро памъ плашится добромъ.
 О! ешди-бъ чаще мысль паря къ начальной Свѣшу,
 Блиспала сердца внутрь божественнымъ лучомъ,
 Людей бы жизнь тогда составила кругъ ясный,
 И зло. . . . . Но, ахъ! шу мысль глубокой вздохъ
 врачитъ. . . .

Закрыто все. . . . . Одинъ надежды лучь прекрасный,
 Сходя съ высотъ небесъ сквозь тѣмы временъ
 заритъ:

Увидимъ мы его въ близи какъ часъ приспѣетъ ;
 Мракъ скроемъ отъ насъ, настанетъ вѣчностъ
 намъ.

Счастливъ, кто взоръ тогда возвѣстъ къ Творцу
 посмѣетъ !

О, вѣра! судъ тогда рѣчешъ ты по дѣламъ.

Падемъ, падемъ, мой другъ, предъ сею дочерью
 Неба;
 Суемъ укроемся, въ покоѣ спанемъ жить.
 Любя здѣсь истинну, съ ней Дружесшво и Феба,
 А паче ближнихъ съ ней здѣсь спанемъ мы любить.

КЪ ТОМУ-ЖЕ.

У вядаетъ все въ природѣ;
 Гибнутъ въ полѣ красоты;
 Не такъ блещетъ лучъ на сводѣ;
 Съ древъ падутъ уже лисшы,
 И прохожихъ педъ ногами,
 Хрупнутъ, спонутъ и шумятъ,
 И мѣшаяся съ цвѣтами
 Духъ уныніемъ разятъ.
 Пусты нивы всюду зряся,
 Лишь подъ ихъ богатствомъ шамъ
 Колеса чудъ-чудъ вертятся,
 Радость принося жнецамъ.
 Все вѣщаетъ приближенъе
 Къ намъ суровыя зимы;
 Все стѣсняетъ вображенъе,
 Мысли, духъ, сердца, умы.
 Скоро огонекъ въ каминахъ,
 Запылаетъ для друзей;
 Имъ предшанутъ какъ въ картинахъ

Всѣ забавы прошлыхъ дней ;
 Ихъ бѣсѣды оживяшся ,
 Съ ихъ надеждами въ сердцахъ :
 Мнѣ лишь съ радостьми растапья ,
 Какъ съ цвѣтами на лугахъ .
 Въ чужбѣ , далеко отъ милыхъ ,
 Близкихъ сердцу моему ,
 Въ дняхъ суровыхъ и унылыхъ ,
 Будетъ скучно одному .
 Въ сей раз'укѣ будетъ скучно ,
 Скучно Д*** безъ тебя :
 Жилъ съ тобою - бѣ неразлучно ,
 Искренно тебя любя :
 Но судьбѣ знашь не угодно ,
 Души нѣжныя сближашъ ,
 Чшобъ могли онѣ свободно ,
 Чувства , мысли обнажашъ .
 О ! Чувствительность драгая ,
 Сколь горька ты и мила !
 Часто сердцемъ обладая ,
 Ты ему на казнь была .
 Ты шерзашъ духъ ужасно ;
 Но всѣ любяшъ жить съ тобой ;
 И хопя разишъ всечасно ,
 Все священъ залогъ намъ швой .
 Въ самыхъ мукахъ рай являешъ ;
 Ты нашъ Ангелъ среди бѣдъ ;
 Но тамъ адъ ты открывашъ ,
 Гдѣ изгладился швой слѣдъ .
 Пустьъ чувствительность небесна ,
 Наши сопряжетъ сердца ;

Ею пусть сїя жизнь слезна ,
 Усладится до конца.
 Съ ней узрѣлъ цвѣты весенни ,
 Съ ней я лѣто возлюбилъ ;
 Съ ней вслѣдчаю дни осенни ;
 Съ ней зимы мнѣ образъ милъ .
 Пусть съ родными я въ разлукѣ ,
 И себя не вижу здѣсь ;
 Пусть пребуду въ злостной мукѣ ;
 Пусть мнѣ Лира кладъ мой весь : ;
 Сердце нѣжное на радость ,
 Оспяется мнѣ еще .
 Съ Музами вкушу я сладость ;
 И гласъ дружбы не вошще ,
 Станешъ повшорять шѣ звуки ,
 Кои Лира издаешъ .
 Симъ наполню часъ разлуки ,
 Какъ зима въ поля придетъ .
 Духъ имѣя мрачный , скорбный ,
 Разложу я огонекъ ;
 Одолбю рокъ шѣмъ злобный ,
 Что мой бѣдной уголокъ ,
 Прешворю во храмъ покоя ,
 И друзьями населю .
 Скромну Лиру имѣ настроя ,
 Въ нихъ свой духъ возвеселю .

С Т И Х И

НА СМЕРТЬ

Владимира Андреевича Кондратьева,

Случившуюся сего 1806 года, Июля 22 дня,
въ С. Исторолѣ : къ Брату его.

Въ то время ны когда для время провожденья,
Печатаешъ сіи листы въ опраду мнѣ,
Не вѣдаешъ того, что пучи огорченья,
Воспали на швоей родимой сторонѣ;
Что грозная молва подѣ чернымъ покрываломъ
Лешитъ смущитъ твой духъ и брата швоего,
И уязвитъ какъ змѣй своимъ преострымъ жаломъ,
Что брата вы на вѣкъ лишились одного.
Въ то время ны когда надѣ Невскими берегами,
Пресвѣшла торжества встрѣчаешъ лишъ огни,
Не знаешъ, что швой домъ печальными огнями,
Спалъ нынѣ освѣщенъ для васъ въ прискорбны дни.
Въ то время какъ шебя веселія встрѣчаютъ,
Когда и самъ голювъ къ нимъ руки ны простеръ.
Не чувствуешъ того, что въ домъ всѣ рыдаютъ;
Что братья съ сестрами зря брата люшу смерть,
Слезами хладное его омывши шѣло,
Съ лобзаніемъ гласящъ ему, на вѣкъ прости!

Такъ щещно произвествъ мечшалъ ты мысли
въ дѣло,

Чтобъ съ нимъ оправды дни въ покоѣ провести;
Чтобъ послѣ всѣхъ заботъ и тяжкія разлуки,
Пріятной жизнію печали наградишь:

Вотще теперь къ нему ты простираешьъ руки. . . .
Лишь слезы горести надъ нимъ ты долженъ лишь,
Днесъ всѣмъ вамъ долгъ великъ и дружества и брат-
ства,

Свершить хоть скорбныя но сладкія мечты,
Отъ самой горести заемлющи пріятства,
Отъ самой смерти злой имущи красоты;
Мечты оправдыя хоть исторгающъ слезы,
Чтобъ урною почтить днесъ хладный прахъ его,
И сбшующія шамъ насадить березы,
Гдѣ гробъ его стоитъ: отъ васъ онъ ждетъ сего.
Сіи единныя мечтанья вамъ оспіались,
Чтобъ обращая къ предметамъ шоль драгимъ,
Воспоминаніямъ о немъ бы предавались,
И въ мысляхъ бы еще бесѣдовали съ нимъ.

Се! долгъ послѣдній вашъ: такъ все нетвердо
въ свѣтѣ,

Такъ ненадежно все! ни шѣла крѣпость силъ,
Ни прочно здравіе, ни юность лѣтъ во цвѣтѣ,
Не могутъ насъ спасти отъ пронасти могилъ;
Для смерти все равно; косою своей желѣзной,
Она равно разишь владыку и раба,
И образъ красоты блестящей и любезной:
Лишь неизвѣстностью для всѣхъ равна судьба.
Давно - ли и швой братъ природѣй насъ ждался,
При полномъ здравіи, во цвѣтѣ лучшихъ лѣтъ,

Имѣвъ веселый нравъ , въ заботахъ не шерзался ,
 Безпеченъ былъ о всемъ , не зналъ превогъ суешъ ,
 Ушѣхой былъ для всѣхъ и не скучалъ ни мало .
 При свойствахъ сихъ его казалось , что еще ,
 Лѣтъ много проживетъ : но , ахъ ! не по все стало :
 Пришла внезапно смерть и всѣ мечты вопще .
 Закрылся слухъ его для дружества и спона ,
 И прежде дышущи веселиемъ уста ,
 Сомкнулися на вѣкъ . Но коль судебъ закона ,
 Не придетъ здѣсь никто ; коль въ мѣрѣ всѣ мѣста
 Являютъ намъ одну лишь смерть въ различныхъ
 видахъ ,
 Въ свирѣдствѣ грозныхъ бурь и влажныхъ средь
 валовъ ,
 На свѣплыхъ торжествахъ и въ гордыхъ пирамидахъ ,
 И въ нѣдрахъ сей земли и въ лонѣ облаковъ ;
 Ушѣшся - же пока въ юдоли сей прискорбной ,
 И братьевъ и сестеръ своихъ пы успокой ;
 И стихъ читая сей печальной и надгробной ,
 Ты съ мужествомъ сноси ударъ сей роковой .
 Сей день его чреда , на завтра придетъ наша !
 При нѣжности имѣшь похвально швердый духъ ;
 Не придетъ никою здѣсь мимо смерти чаша :
 Вселенная она обыдетъ цѣлый кругъ ,
 Да всякой отъ ея шдѣшворнаго напитокъ ,
 Внушаетъ по чредѣ , какъ въ пиршествѣ какомъ ,
 И нищій въ рубищѣ и Царь среди избытка :
 Для всѣхъ законъ одинъ ; всѣ внидутъ смерти въ домъ .
 Дай шечь слезамъ на гробъ и долгъ сверца при-
 скорбный ,
 Смягчи жестоку боль и сердца не круши ;

И помня то, что всѣхъ ударъ разитъ подобный,
 Забоцы нѣжныя шы обрати души,
 На насажденіе при гробѣ дрезъ унылыхъ;
 Да въ ихъ тѣняхъ, когда луна прольетъ свой лучъ,
 Увидишь брашній зракъ драгой въ мечпаньяхъ ми-
 лыхъ,
 Подобно какъ луны зракъ видятъ изъ-за-шучь.

Н А Д Г Р О Б І Е.

Прости любезный братъ до шоль, пока и сами,
 Въ блаженнѣйшихъ странахъ обнимемъ съ покой;
 А днешь кропя швой гробъ сердечными слезами,
 По гробѣ нашъ будемъ жить съ тобою мы душой.

НАСТАВНИКЪ И ОТЕЦЪ.

О сынъ такъ опца наставникъ извѣщаетъ:
 Къ нещастію вашъ сынъ страсть къ картамъ по-
 лучаетъ. . . .

Отецъ на то; когда не станетъ ничего,
 Не будешь и мотать онъ въ карты опѣ того.
 По томъ наставникъ. томъ опять къ опцу такъ
 пишетъ,

Вашъ сынъ любовію уже постыдной дышетъ:
 Не станетъ у него здоровія когда,
 Оставишь и любовь позорную тогда:

Но пошатнулося опцово посшоянство,
 Какъ вѣсть къ опцу пришла, что сынъ пустился
 въ пьянство.

Тогда онъ съ горесью къ наставнику писалъ,
 Теперь-то моего я сына поперялъ.

МЫСЛЬ МОНТЕСКЮ.

Есть средства отвращать людскія злодѣянья;
 Тѣ средства суть лишь наказанья:
 Есть средство нравы исправлять:
 То средство есть собой благой примѣръ подать.

МЫСЛЬ Ж: Ж: О САМОУБИВСТВѢ.

Когда убить себя кому на мысль придетъ,
 Ахъ! прежде нежели оставитъ онъ сей свѣтъ,
 Пускай на время тѣ опложитъ мысли люты,
 И бѣдному помочъ ждеиъ сладкія минушы:
 Быть можетъ опложитъ мысли до ушра,
 Добро найдетъ себѣ посредствомъ онъ добра.

О Т В Ъ Т Ъ.

Мизонъ! ты такъ вѣщаешь:
 Что ты равно позабываешь,
 Когда добро творишь друзьямъ
 Иль что оцѣ нихъ получишь самъ,
 А я такъ правила инова:
 Что я шворю друзьямъ благова,
 Готовъ по позабышь и я;
     Но коль друзья,
 Добро мнѣ сдѣлаютъ какое,
     Добро шакое,
 Не позабуду я Мизонъ.
 Таковъ въ сей жизни мой законъ.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ.

Мизонъ меня винишь,
     И говоришь:
 Евстафій! ты причиною
     Единою
 Разрыва дружбы между насъ.....
 Никакъ Мизонъ; я всякой часъ
     Дышалъ побою прежде,
 Жилъ дружбы швоея въ надеждѣ. . . .
 Ахъ! лязяль тебѣ шакъ говоришь,
 И въ совѣсти спокойнымъ бышь? . . .
 Мизонъ! я въ совѣсти спокоенъ. . . .

Нѣтъ, нѣтъ, ты дружбы не достоинъ ;
 Клянуся небомъ я,
 Что виновенъ ты противъ меня....
 Мизонъ! по все бытъ можешь ;
 Но какъ все совѣсть не тревожишь ,
 Въ покоѣ сердца моего,
 Такъ мнѣ божиться для чего ?

ЕПИКТЕТОВА ЛАМПАДА.

Мудрецъ извѣстный, Епикшетъ,
 Оставя свѣтъ,
 Оставилъ по себѣ лишь славу, да лампаду,
 И больше ничего.
 Лампаду шу ево,
 Купилъ богацъ себѣ въ отраду,
 И денегъ далъ громаду.
 Давай писать при ней,
 Для славы онъ своей.
 Лампада, правда, ща свѣшила ;
 Но все худой молвы,
 Ни глупой головы,
 Богатова не премѣнила.
 Не отъ ее здѣсь вещества,
 Мудрецъ имѣлъ наукъ спяжанья ;
 Но отъ Верховна Существа,
 Трудовъ и прилѣжанья.
 Богатые! и вы,
 Безъ здоровой смысламъ головы,

ДЕРЕВО И ДРІАДА.

Валился дерево; не время,
 Ниже лѣшъ многихъ бремя,
 Ево лишаешъ красопы,
 Ахъ! гады ядовищы,
 То въ корени сокрышы,
 То влившиясь въ листы,
 Терзающъ дерево прекрасно.
 Прости, о! дерево нещасно,
 Валишься ты,
 Съ своей шоль грозной высоты:
 Но благотворная Дріада
 Рекла ему, постой,
 Цвѣсти и украшай собой
 Ты садъ прекрасной мой.
 Рекла! и вдругъ не спало гада.

* *

Ахъ! шакъ и нашъ языкъ,
 Обильный, сладкогласный,
 Въ часъ злобный и нещасный,
 Какъ древо шо уже поникъ:
 Но даръ Творца Россійска слова, (*)
 Ево въ паденьи удержалъ.
 И се! языкъ нашъ снова,
 Цвѣсти великолѣпнѣй спалъ.

(*) Смѣтри разсужденіе о старомъ и новомъ слоgъ Россійскаго языка.

УМИРАЮЩІЙ И СМЕРТЬ.

Смѣялся мудрости богачѣ и жилъ роскошно;
 Такъ слѣдственно онѣ жилъ оплошно.
 Онѣ денегѣ не берегѣ, но не берегѣ и дней,
 Хотя умѣренность друзья ему порою,
 И поминали въ жизни сей.
 Но смерть ему тогда казалась за горою:
 Такъ стойшь ли шово, чтобы щадить собою?
 Но, ахъ! ужасна смерть,
 Вдругѣ вершь,
 Пришла и безѣ призыву,
 Кѣ вельможѣ горделиву.
 Сѣ измалу - жѣ я слыхалѣ, не въ пору гостѣ какой,
 Сплошь хуже всякаго ташарина бываешѣ.
 Тогда вельможа мой,
 Смерть всячески надѣ нимѣ смягчилься убѣждаешѣ;
 Но смерть рекла
 Тому вельможе,
 Жить было - бѣ посмирѣй какѣ былѣ ты помоложе:
 Рекла и душу въ адѣ взяла.

 РУЧЕЙ И РѢКА.

Сошлась рѣка сѣ ручьемѣ,
 И говоришь ручью: мнѣ право люди чудны;
 Какѣ пѣсни хвалѣ кому у нихѣ всегда нетрудны!
 Ну! можешѣ-ли ручей въ печеніи своемѣ,
 Когда нибудѣ сравнишься,

Хоть мало въ чемъ со мной?
 Я цѣлы области довольствую водой,
 А онъ едва въ лужку спруишься
 Хвалами - же людей подобно мнѣ гердишься.
 То правда все, ручей рѣкъ шой говоришь,
 За то и больше зла швоя вода родишь:
 А я имъ благу хощя немного расшочаю,
 Но шакже имъ и зла собой не приключаю.

КАЗНЬ НА ЛЮДЕЙ.

Не любяшъ черши,
 До смерти,
 Веселья, пишины и шастія людей.
 Желали - бѣ черши всю вселенну,
 На вѣчну муку нашихъ дней,
 Преобразишь въ геенну.
 Едва здѣсь пягошу золъ сносишь человекъ,
 Чершямъ-же кажешся, что то шастливой вѣкъ.
 Гладъ, язвы, моръ, огонь, попопъ, и сами шпастии,
 И словомъ всѣ напашии,
 Какими бѣдный свѣтъ обилуешъ еще,
 Казалися чершямъ игрушкой одною.
 Вошце,
 Зевесъ брадой сѣдою,
 Трясешъ
 И на совѣтъ,
 Боговъ зовешъ,
 Да отвращашъ чершей впредь всѣ ихъ злобны мѣры.
 Ужъ фуріи, мегеры,

И весь соборъ чершей,
 Устроили бѣду лютѣйшу на людей;
 А чтобъ свершить свои ушавы,
 рѣшились погубить они людскіе нравы,
 И вѣки цѣлые спудилися надъ тѣмъ,
 Какимъ бы произвестъ вѣрнѣйшимъ по пушемъ,
 Хошя-бы были гдѣ и нравы даже Спаршы.
 Что-жъ черши сдѣлали? . . . . Послали черши каршы.

ПОДУШКА И ПЕРО.

О! какъ прецаспливѣ баринѣ мой,
 Перо въ восторгѣ восклицаешъ;
 Не знаетъ онъ, что есть покой,
 И день и ночь онъ воспѣваетъ,
 Какъ доброй соловей,
 Своихъ пріятность дней.
 Шушливѣ, забавенѣ, веселѣ,
 Свой славитъ вѣкъ злашой,
 И болѣе ему нѣтъ нужды никакой;
 И Царь другой,
 На шронѣ шакѣ, какъ онъ среди широкихъ креселѣ
 Не можетъ щаспливѣ бышь. . . .
 Ну! полно ужъ шакѣ льстимъ,
 Прервала шупѣ подушка;
 Шимъ швоему, въ спихахѣ,
 И все игрушка;
 Въ ночь-жъ совсѣмъ не шо его вѣщаетъ душка;
 Все охъ! да ахъ!

И самое меня беретъ великій страхъ.
 Я вѣдаю давно , Піиша на бумагѣ ,
     Всегда живетъ въ опвагѣ ;
     Послушай - ка его ,
     Когда ты одново ,
     Себя несчастивѣй никово ,
     Тогда не видитъ въ мірѣ.
 Онѣ часто не добѣтъ , онѣ часто не доспитъ ;
 А что на лирѣ онѣ бренчитъ ,
 За шо не плашатъ пошлинѣ лирѣ.

С В О Б О Д А .

Жилъ доброй человекѣ и жалоспливѣ онѣ былъ ,
     Не только что кѣ несчастнымѣ ,
     Или ему подвластнымѣ ,
 Но даже ппичекѣ онѣ любилъ ,
 Самѣ ихѣ лилѣялѣ и кормилъ :
 А жалость ко всему была ужѣ въ немѣ привычка.
 Однажды видѣвши какѣ бѣется въ клѣшкѣ ппичка ;
     И сжался ппички шой ,
     Надѣ участью презлою
     Пустилѣ ее въ покой ,
 За шѣмѣ , что было шо зимою.
 Хошѣ комнаша не шо , что наша обща машь ,
     Всещедрая природа ,
 Но естѣли участи намѣ лучшей негдѣ взятьъ ,
 Малѣйшая шогда прѣятна намѣ свобода.

Ну! крылышки свои та пшичка расправлять,
 Давай по комнатѣ лешать;
 Лешаютъ съ ней веселье, радость;
 И что свобода есть души прямая сладость,
 У пшички на глазахъ легко то всякой зрѣль.
 Но, ахъ! и пшичекъ знаешь свобода не удѣль,
 Равно какъ и людей несчастныхъ,
 То бѣдствіямъ земли, то бурямъ царствъ подвла-
 стныхъ,
 То спраждающихъ опъ рукъ Калигуловъ ужасныхъ.
 Казалось, въ комнатѣ какое пшичкѣ зло,
 Случиться бы могло?
 Нѣтъ гладна ястреба, ни коршуна лихова;
 Чево бы пшичкѣ шой бояться ужъ другога!
 Хошь носикомъ въ окно ударится когда,
 Но то еще вишь не бѣда.
 Топили печь тогда;
 Блеснитъ огонь въ печи; знашь хочешся и пшичкѣ,
 Диковинку сію;
 А новое вишь знашь и у людей въ привычкѣ;
 Хошь часто свой покой, когда не жизнь свою,
 На любопытство мы мѣняемъ:
 За любопытство то простились люди съ раемъ.
 Ахъ! пшичку шу нельзя опъ бѣдства остеречь:
 Лешитъ прямоохонько несмысленная въ печь,
 И такъ себя ожечь,
 Бѣдняшечка успѣла,
 Что съ жизнью вольности лишилась на всегда,
 И въ шой печи исплѣла,
 А избавишеля повергла въ грусь тогда.

ЧЕРВЫ И СТИХОТВОРЕЦЪ.

Донѣ! донѣ!

Печальный звонѣ.

Друзья, родные плачущѣ,

И надѣ покойникомѣ прегорьки слезы лющѣ.

Такѣ все идещѣ: кому печаль, а червы скачущѣ.

Вощѣ пища имѣ; ково на праздникѣ имѣ несущѣ?

Несущѣ шо стихотворца;

О! злобна вѣстѣ червямѣ, чемѣ поживищѣ шущѣ?

Вскричали червы всѣ, несущѣ шо червеморца.

Ту чоршву, червы, снѣдѣ никакѣ не угрызущѣ,

И сѣ голоду помрущѣ.

Книгопродавцы. ли шакѣ могущѣ позабыщѣ,

Чшобѣ червямѣ послѣ нихѣ было чемѣ поживищѣ?

СОЛОВЕЙ И СОРОКА.

Смѣящѣя вздумала сорока соловью,

Чшо шакѣ корошкое онѣ время воспѣваещѣ,

А я шакѣ цѣлый годѣ пою.

За шо шебя вишь всякѣ отвшюду и гоняещѣ,

Тогда-же соловей сорокѣ отшѣвѣчаещѣ.

ОБЕЗЪЯНА И ЧЕРНИЛИЦА.

Извѣстно подражать какъ обезьяны любящъ.
 Узнала шутъ одна, что въ свѣтѣ семъ сугубящъ
 Почщеніе къ тому,
 Кипо складно пишешъ.
 Вотъ обезьяна дышешъ,
 Достигнушь и сама къ почщенію сему;
 Но сколько ни писала,
 Лишь больше прежняго предметомъ смѣха сшала.
 Ну! обезьяна шу черницу ругашъ:
 Но обезьянѣ той черница сказала,
 Чернилъ тебѣ могу я дать,
 Но право про тебя ума мнѣ нѣгдѣ взятьъ.

 В О Л Г А.

Мы часто разсуждаемъ,
 О томъ, чево не знаемъ;
 И то нерѣдко оуждаемъ,
 О чемъ и знать намъ не дано.
 Поносящъ шакъ равно,
 Безумцы свой языкъ, хоть онъ богатъ, прекрасенъ,
 За шѣмъ, что часто и аза,
 Не вѣдающъ въ глаза.
 Но шолкъ невѣжъ во всемъ согласенъ.
 Случилось какъ то мнѣ,
 О Волгѣ слышашъ судъ каково-шо угара,
 Хошя и не безъ дара.

Бывалъ онъ въ споронѣ ,
Французской ,
Французски рѣки могъ на память всѣ сказать ;
Однако Волги лишь просокъ увидѣлъ узкой ,
Вскричалъ нашъ Руской ,
Ахъ ! можно - ль Волгу звать
Обширную рѣкою ?
Я вижу небольшой ручей лишь предъ собою .
Ну ! лъзя - ли съ Сеною когда ее сравнять ?

С Л Е З Ы .

Сюда ! другъ другу всѣ кричали ;
Не лъзя дешевлѣ продавать .
И опромѣшью всѣ бѣжали ,
Туда чево - то покупашь .
Съ деньжонками моими ,
Я бросился за ними ,
И чпожъ увидѣлъ ? . . . возъ ,
Родовъ различныхъ слезъ .
А ! а ! шворцы стиховъ и прозы ,
Узналъ и я шеперь ,
Гдѣ вы свои берете слезы . . .
Вошъ какъ ихъ чувствамъ вѣрь .

С Т Ы Д Л И В О С Т Ь .

Когда зря шьмы развратѣ земныхъ,
 Къ Богамъ стыдливость воспарила,
 Она одежду съ плечь своихъ,
 Тогда нечаянно сронила.
 Съ шѣхъ порѣ чрезъ множество вѣковъ,
 Земля ко щастью сохранила;
 Хотя стыдливости покровъ.

О С Е Л Ь .

Осель увидѣлъ въ кадкѣ,
 Какъ солнышко въ водѣ свой отражало зракъ:
 Осель смякнулъ въ своей догадкѣ,
 Чшо солнце изъ воды достать ему пустякъ.
 Нерѣдко такъ дуракъ,
 О невозможномъ помышляетъ;
 И научася кой-чему,
 По глупому уму,
 Доспичь къ тому,
 Гсѣ жилки напрягаетъ,
 Съ насаду естѣли онъ тогда не умираетъ,
 Такъ онъ посмѣшищемъ бываетъ.
 Осель подобно мой,
 Давай работать надъ водой,
 И выпиваетъ воду;
 Вотъ бѣднато осла раздуло такъ горой
 Чшо съ роду,

Ево не раздувало шакъ.
 Не снесъ осель никакъ,
 Такой ужасной пышки
 И къ верху онъ задраль,
 Тогда - жъ свои копышки,
 А солнца не досталь.

П Ъ Т У Х Ъ.

Пѣшухъ въ своей серали,
 Жилъ годы безъ печали
 Среди однѣхъ,
 Ушѣхъ;
 И чтобы пѣшуху въ сей сласти,
 По смерть шакъ жить да поживашъ.
 Увы! какъ часто здѣсь къ напаси,
 Ведутьъ спиропшвы спраши.
 Хотѣлось пѣшуху на спашъ,
 Вельможей спашъ.
 Бѣжитъ пѣшухъ къ Царю — Павлину,
 И какъ ведется у людей,
 Передъ вельможами гнѣшъ спину,
 И сладостью рѣчей,
 Въ коротко время,
 Пѣшухъ попалъ,
 Въ вельможеское племя.
 Пѣшухъ Павлину другомъ спалъ;
 Но дружба шущъ Царей опасна,
 И рѣчь въ шомъ всѣхъ согласна.

Въ немноги годы пѣшуху,
     Завидовашь всѣ сжали.
     И всяку чепуху,
 О немъ Павлину насказали.
     Павлинѣ, какѣ и Султанѣ,
     Шутить не любить,
 И естѣли онѣ головѣ не рубить,
     Такѣ шнуромѣ губить :
     Приказѣ тогда - же данѣ.
 Пѣшухѣ въ минушы тѣ престоги,
 Увидя смерть недалеку,
 Вскричалѣ, о, какѣ рѣку!
     О, какѣ рѣку вамѣ Боги,
     Въ мгновение сіе
     Безуміе мое,
 Что я покинулѣ мирну долю,
 И вашу милосерду волю,
     Неправедно винилѣ,
     Когда щасливо жилѣ.
 Ахѣ! пусть примѣрѣ сей тѣхѣ научишѣ
 Кто мирной жизнью на вѣку,
     Когда наскучишѣ,
 Что дворѣ не тѣшишѣ насѣ, но мучишѣ.
 О! какѣ рѣку, о какѣ рѣку,
     Весь ужасѣ и боязнѣ,
     Отѣ предстоящей казни.

С А Д Ъ

Послушай Капинька, тебѣ я помню нѣтъ,
 И десяти всѣхъ полныхъ лѣтъ;
 Такъ спало ты дѣтя, а дѣти любящъ сказки.
 Гошovy даже въ ночь не закрывашъ и глазки,
 Когда имѣ нянюшка во знакъ опмѣнной ласки,
 Калякаешъ про что. Тебѣ я услужу,
 Когда здѣсь сказочку сложу,
 Про садикъ расскажу:
 А сказки вишь полезны,
 Какъ естли ихъ,
 Послушны дѣти и любезны
 Читающъ для своихъ
 Забавъ, а больше наученья.
 Къ тому-жъ какъ на грѣхи,
 Ты любишь и стихи.
 Но вижу у себя не спало ужъ шерпѣнья;
 И такъ вошь дѣло я хочу заговорить.
 Желала маминька двухъ дочекъ подарить:
 Чемъ думаешь мой другъ? Игрушкой, виноградомъ,
 Иль сладенькимъ какимъ?
 Нѣтъ, нѣтъ однимъ
 Лишь садомъ.
 Ихъ маминька была умна,
 И никогда она
 Дѣтей не баловала;
 А давши садъ, сказала;
 Послушайте меня, вы дѣточки мои,
 Я садъ межъ вами раздѣляю;

Ошъ васъ шово желаю

Чтобъ садъ вы берегли....

Хотъ садикъ шотъ, я знаю,

Былъ садикъ не большой,

Однако для дѣшей шо садъ былъ золошой.

Да Капя и сама, я думаю, шо знаешъ,

Какъ весело бываешъ,

Когда она,

Ошъ маминьки своей игрушки получаетъ :

А радость у дѣшей одна.

И такъ сестрицы шѣ давай тогда спарашься,

Чтобъ садикъ ихъ былъ чистъ, пригожъ и цвѣлъ
всегда,

И безъ раченія не могъ опнюдъ ошашься.

Текла въ немъ и вода.

Вотъ дѣшамъ клѣдъ не садъ! и прыгаюшъ и скачушъ,

Почти какъ не заплачушъ.

Такъ было весело для нихъ!

И алые цвѣточки,

И милые кусточки!

Казалось празднику конца не будетъ ихъ.

Однако не прошло дней пяшь иль шесть какихъ,

Одна изъ двухъ сестрицъ скучать шѣмъ садомъ шала,

И принялась опашъ,

Въ игрушкахъ время убивашъ,

А садикъ болѣе и болѣ забывашъ.

Фіалка умерла, совѣмъ лилѣя свѣла,

И роза вся опала,

И пѣицы ягоды съ деревъ склевали всѣ.

Сестрица-жъ умница не покидала саду,

И маминьки въ опраду,

Держала садикъ свой въ опрятствѣ и красѣ.
 За что себѣ въ награду,
 Цвѣточки все рвала,
 И шакъ была
 Мила,
 Что всякой ею любовался,
 И садикомъ пѣнялся.
 Такъ лѣто и весна текли.
 Когда жъ осенни дни пришли,
 То красны ягоды она съ деревъ снимала,
 И пуще маминьку собою утѣшала.
 Вотъ разность двухъ сестрицъ: одна умна была,
 И всѣхъ прельщала;
 Съ игрушками она и садикъ сберегла.
 Другая же была шалунья лишъ пустая,
 И ничево не зная,
 Игрушки расперявъ и садъ стубила свой;
 Осталось дураю одной.
 Вотъ сказка, Катя дорогая!
 А слѣдовашъ изъ двухъ сестрицъ, мой другъ, какой,
 Сама узнаешь,
 Когда ты искренно быть доброй пожелаешь.
 Но помни всякое добро къ добру ведетъ;
 А худо кто въ своемъ робячествѣ живетъ,
 Тотъ и въ могилку шѣмъ пойдемъ.

Ц В Ъ Т О К Ъ И А Л І О Ш А.

Сесприць , Сашинька , швоей ,
 Вчера про двухъ сесприць сказалъ ; шеперь моей ,
     Я Сашинькѣ любезной ,
 Въ сей басенькѣ хочю податъ урокъ полезной .
     А' именно : цвѣшокъ ,,
     Быль розанъ шо , иль василекъ ,
 Нѣшѣ нужды никакой , спалъ только опушашься
     И началъ раскрывашься ,
     Чтобы плѣнить собой ,
     Своею красошой .
 Вдругъ червь подползъ и въ землю скрылся ,
     Потомъ и въ корешокъ ,
     Онъ врылся .
     Вошѣ вянешѣ мой цвѣшокъ .
     Никто помочь не хочешѣ ;
     Всякѣ о себѣ хлопочешѣ .
     Совсѣмъ цвѣшочикѣ бы пропалъ ,
     И свялъ ,
 Когда - бѣ прекрасное дитя , Аліюша милой ,
     Несжалился надъ нимъ шогда ,
     И своего искусства силой ,
     Не отвращилъ шого вреда .
 Тогда цвѣшочикѣ вновь какъ будшо народился ,
     Разцвѣлъ и оживился .
     Но какъ Аліюша удивился ,
     Когда увидѣлъ черезъ годъ ,
 Что сей цвѣшокъ ему принесѣ сугубой плодъ !
 Вошѣ , Саша , какъ добро Богъ щедро награждаешѣ !
 Щасливѣ , кшо доброму Аліюшѣ подражаешѣ .

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Книгопродавецъ мой однажды мнѣ сказалъ ,
 Что чѣмъ онъ болѣе въ законы самъ вникалъ ,
 Какими держится природа и вселенна ,
 Тѣмъ больше мысль его въ томъ спала ушвержденна ,
 Что въ естество вещей не гибнетъ здѣсь ничто .
 А я ему тогда отвѣщивалъ на то ,
 Къ чему намъ таинства природы всей и свѣта ?
 Книгопродавцы въ томъ неживая примѣна :
 Лишь споишь посмотришь на жирны лица ихъ
 И на писателей и пощихъ и сухихъ .

ОТКУПЩИКЪ И КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Одинъ изъ нихъ живетъ въ счетъ глупости люд-
 ской ;

Таланцовъ и ума на счетъ живетъ другой :
 А изъ того всегда послѣдствіе такое ,
 Тѣ чахнутъ , а они жирѣютъ только двое .
 Такъ умный по чему здѣсь больше чѣмъ глупецъ ,
 Коль участь ихъ одна , коль ихъ одинъ конецъ ?
 Играютъ ими здѣсь они , какъ въпры пухомъ .
 Гласитъ намъ откупщикъ : блаженны нищи духомъ !
 Книгопродавцы - же : блаженны только тѣ ,
 Что мудрость возлюбя живущъ здѣсь въ нищестѣ .
 Намъ обою сулятъ охотно рай небесный
 Оставя для себя единый шукъ тѣлесный .

КЪ СОЧИНИТЕЛЮ КНИГИ;

Le bon sens ou idées naturelles, opposées aux idées surnaturelles; то есть, здравый разумъ, или естественныя понятія, противуположенныя понятіямъ сверхъ естественнымъ.

(Въ сей книгѣ отвергаетъ онъ бышіе Божіе.)

Когда въ себѣ самомъ и въ чинѣ естества,
Не могъ верховнаго признашь ты Существа;
То какъ-же чаешь ты то утвердишь въ народѣ,
Что здравый смыслъ въ себѣ, а нѣтъ Творца въ
природѣ?

 Р О Н Д О.

Есть Богъ! рекъ въ сердцѣ я. Томимый лѣпнымъ
зноемъ,
Искалъ тѣнистыхъ древъ, гдѣ бѣ я укрыться могъ.
Ставъ въ силахъ укрѣпленъ прохладой и покоемъ,
Въ признаніи души я въ сердцѣ рекъ: Есть Богъ.

*

Есть Богъ! но жаждою жестокой изнуренный
Безъ силъ и мертвъ почти я на правѣ возліогу;
Узрѣвъ источникъ путь кустами осѣненный,
Я жажду ушолилъ и въ сердцѣ рекъ: Есть Богъ!

*

Есть Богъ! ахъ! чувствуя напасти въ жизни люты
Томился нуждой я средь ужасовъ, превогу;

Но ангелъ дружества снишелъ и въ пѣ минуты
Оспраду далъ вкусить. Тогда я рекъ, Есть Богъ.

*

Есть Богъ! я былъ когда во градѣ безъ призрачья,
Убѣжищемъ мнѣ рокъ судилъ узрѣть чертогъ,
Гдѣ ласки видѣлъ я, едины угожденья,
И гдѣ восставъ отъ сна, воскликнулъ я: Есть Богъ.

*

Есть Богъ! есть Богъ! гласящъ и сердце и вселенна,
Есть Богъ и для того, кто спраждемъ и убогъ;
Есть Богъ и для того, чья участь вознесена:
Для казни и для благъ, о смертныя! есть Богъ.

С Т И Х И.

изъ д. Поповки,

НА ОТЪѢЗДЪ МОЙ ИЗЪ УКРАИНЫ.

Для чего ты оставляешь,
Тихой нашъ пріятной край,
И на шумну жизнь мѣняешь,
Сельской жизни сладкой рай?

*

Что въ Москвѣ тебя прельщаетъ?
Почести, богатство знаешь?
Сердце мнѣ твое вѣщаетъ,
Что ты скучишь ихъ искашь.

*

Славы-ль шамъ Парнасской хочешь?
На нее Москва скупа.

По пустому прохлопочешъ:
Муза льсшишь твоя шупа.

*

Любишь пѣшь она природу,
Благодарность, дружбу, честь,
Добродѣшель, миръ, свободу,
А не вздориды плесшь.

*

Нужно-ли исканье славы,
Лесны-ль плески для шово,
Кто находить всѣ забавы,
Въ недрахъ сердца своего?

*

Городъ любишь бриліаншы,
Красошой шамъ дорожатъ;
Но сердца, умы, таланшы,
Часто брошены лежатъ.

*

Ни рогами, ни перстнями,
Ты не можешь украшашъ:
Такъ и лучше бы съ друзьями,
Жизнь покойну проведашъ.

*

Лирою швоей прельщались,
Здѣсь любители стиховъ,
Коей звуки раздавались,
По лѣсамъ Псельскихъ береговъ.

*

Часто эхо повшоряло,
И въ моей пустынь ихъ;

Страсть къ стихамъ напоминало ,
 Мнѣ прошедшихъ лѣтъ моихъ.

*

Соловей весной пріятной
 Въ лѣсъ тебя мой привлекалъ ,
 Иль цвѣтъ липы ароматной,
 Ты со мной тогда бывалъ.

*

Часто птицы или бѣлки
 Чшо я къ окнамъ прикормилъ;
 Насъ прельщали всѣ бездѣлки,
 И ты сельску жизнь любилъ.

*

Ты любилъ меня конечно !
 Но на по-ли ты любилъ ,
 Чтобъ со мной распахься вѣчно,
 И чтобъ я всегда шужилъ?

*

Въ деревняхъ сердца нѣжныѣ ,
 Въ городахъ истощены;
 Другъ, любовникъ здѣсь вѣрнѣе,
 Тамъ они развлечены.

*

Такъ и ты разбѣявъ будешь,
 Какъ влюбленный господинъ,
 И меня равно забудешь,
 Какъ забылъ уже одинъ.

*

Гдѣ съ тобою мы ходили ,
 Гдѣ ты Музамъ сшавилъ провъ ,

Что чипали, говорили,
То изъ мыслей выйдешъ вонъ.

*

Лишь во мнѣ не переспанушъ
Чувства длился никогда:
Тѣ-жѣ предмѣшны здѣсь вспомянушъ,
Тѣ-жѣ и чувства мнѣ всегда.

*

Молви-жѣ нынѣ Аполону,
Чтобы онъ меня простилъ,
Что опять я къ Геликону,
Прежнюю шопку прослѣдилъ.

*

Побожись, моей ужѣ дудки,
Не услышишъ впредь Парнасе;
Я игралъ на ней изъ шушки,
Для себя въ послѣдній разъ.

*

Ни Московскіе Мароны,
Не взманяшъ меня шуда,
Ни Парнасскіе вороны,
Наша братья никогда.

Александръ Палицынъ.

О Т В Ъ Т Ъ.

Какъ не жалко съ шѣмъ расшаться,
 Кто такъ дорогъ для меня,
 Съ кѣмъ бы вѣчно наслаждаешься,
 Могъ природой, дружбой я.

*

Но Владыка грозный смерсныхъ,
 Рокъ жестокой повелѣлъ,
 Послѣ всѣхъ усилій щещныхъ,
 Мнѣ оставишь сей предѣлъ.

*

Такъ, я долженъ покориться,
 Гласу спрогьму судьбы,
 И въ мѣстахъ шѣхъ поселишься,
 Гдѣ Форшуну чшущъ рабы.

*

Противъ воли я вступаю,
 Въ путь исполненный суетъ:
 О чинахъ не помышляю,
 Хошь гордился ими свѣтъ.

*

Всѣ вельможески узоры,
 Будущъ только мнѣ смѣшны;
 И естественны уборы,
 Имъ въ душѣ предпочтены.

*

Кто природой наслаждался,
 Блескъ пово-ли обольстишь?

Кипо паланшомъ восхищался,
Томъ - ли знашь невѣжъ почпштъ?

*

Здравый смыслъ и сердце нѣжно,
Сохраню я навсегда:
Въ нихъ мнѣ щастіе надежно;
Ихъ покину - ли когда?

*

Ахъ! не мысли, Мужъ почтенный,
Чтобъ я могъ тебя забыть;
То фортуны рабъ презрѣнный,
Только можетъ учинишь.

*

Дружбы вѣрною рукою,
Образъ пвой на сердцѣ снятъ;
Часы временной косою,
Въ немъ его не истребятъ.

*

Мчѣ природа вспомянетъ,
Гдѣ - бѣ я ни былъ, о тебѣ;
И печальны дни тѣмъ шанетъ,
Облегчашъ въ моей судьбѣ.

*

Гдѣ - бы ни былъ, къ Аполону,
Не престану я взыватьъ,
Чтобъ онъ шпроку къ Геликону,
Не велѣлъ тебѣ кидашъ.

Чтобъ по чаще Лиру спройну,
 Для друзей тебѣ вручалъ;
 Да ихъ жизнь ты безпокойну,
 Такъ по чаще - бѣ услаждалъ.

С Т И Х И.

изъ д. *Половки.*

Сердце нѣжное свое знашь о томъ желаетъ,
 Какъ въ пустынѣ хворой другъ осень провождаетъ:
 Я скажу тебѣ на то съ благодарнымъ чувствомъ,
 Вѣдшимъ, какъ я самъ стихомъ, и вѣдшимъ иску-
 ствомъ (*),
 Что я движусь въ тишинѣ, безъ шуму, безъ стону,
 Какъ часы мои идутъ старые безъ звону.
 Элоису иногда снова поправляю,
 Иногда въ лѣсу уже увядшемъ гуляю.
 Осень вѣкъ мой пожилой памѣ напоминаетъ;
 Но невинна жизнь всегда скуку прогоняетъ.

(*) П. П. Послѣ Прокоповича и Кантемира, а современни Ломоносова и Сумарокова, опцевъ нашихъ стиховъ, вѣрно нигдѣ кромѣ Семинаріи не писали у насъ такими стихами. Тебѣ легко примѣтишь, что и я пишу ими первой разъ отъ роду. Конечно это спосложение старо, тяжко, протяжно, единообразно, прудно, однако въ немъ есть нѣчто древнее, Руское, унылое, и кажешся сходное съ нашимъ характеромъ и языкомъ. Но чтобъ оно было приятно, то безъ сомнѣннѣ должно быть стихамъ лучше моихъ.

Кто не сдѣлалъ зла, тому не страшна могила.
 Не она и мнѣ страшна.... а старость уныла!...
 Скоро, скоро пролетишь крылатое время!
 Скоро жизнь мнѣ обратитъ въ несносное бремя!
 Все погибнетъ для меня, что въ ней занимало;
 Все что мрачную мою участь улаждало.
 Музы, Дружество, любовь, съ старикомъ про-
 саясь,
 И для пустихъ будущъ мукъ мнѣ воспоминашься.
 Обожаемая мной красота природы,
 Сладость сердца моего полъ многие годы;
 Прелестъ полевыхъ картинъ!, лѣсъ, луга, горы...
 Не увидятъ ужъ и васъ угасшіе взоры!
 Не услышу хоровъ птицъ опупѣвшимъ слухомъ;
 И не освѣжусь цвѣтовъ и травъ сладкимъ духомъ.
 Что-же мнѣ останется?... о друзья любезны!....
 Не покиньте старика въ тѣ минушы слезны.
 Вспомните, что онъ имѣлъ всегда сердце вѣрно;
 Вспомните, что любилъ васъ нелицемѣрно;
 Что вся жизнь его была друзьямъ посвященна,
 И что дружба для него вѣкъ была священна;
 Что стиховъ онъ не писалъ никогда для славы,
 А писалъ ихъ для друзей и своей забавы.

Александръ Палицынъ.

7. Октября 1802 года.

О Т В Ъ Т Ъ .

Я во хижинѣ моей для покою милой ,
 Получилъ твои стихи , коихъ звукъ унылой ,
 Въ сердце глубоко прошелъ всѣхъ расстрогавъ чувства ;
 Нѣжна горестъ въ нихъ видна безъ всево искусства ,
 Какъ чиналъ я ихъ , въ глазахъ слезы появились ,
 И какъ тихая роса на письмо скапились ,
 Скорбь наполнила мой духъ и душа смягченна ,
 Быть казалось въ самое себя погруженна .
 Какъ - бы движимыя чѣмъ руки простирались ,
 И какъ будто что обнявъ дружески стѣснялись :
 Ахъ ! не ты , по воздухъ былъ , и печальны взоры ,
 Лишь встрѣчали падшій листъ , черной боръ и горы ,
 Мрачной осени ты видѣ живо такъ представилъ ,
 Что почувствовать ее лѣтомъ бы заставилъ .
 Но поблекши красоты больше стѣмъ сразили ,
 Что къ сравненью лѣтъ твоихъ скорбный стихъ
внушили .

Не круши сердецъ друзей , не давай лишь слезы ;
 Въ зимни , скучны дни тебѣ ихъ готовы розы .
 Музы , дружество , любовь и уединенье ,
 Въ хижину твою внесутъ счастье , утѣшенье .
 Все останется съ тобой хоть наступитъ старость .
 Часто старости скучнѣй намъ бываетъ младость .
 Щастливъ тотъ , кто здѣсь , какъ ты , зимни дни
встрѣчаетъ :

Непорочность съ тѣмъ въ душѣ къ славѣ обитаетъ .
 Естьли-жъ дерево весной зеленью гордится ,
 То не менѣ имъ взоръ и зимой лѣнится :

Могъ - ли кто когда воззрѣшь не съ восторгомъ чистымъ,

Какъ одѣнется оно инеемъ пушистымъ,
 Въ коемъ солнечны лучи зыблются, играютъ,
 Яхонтѣ, бисерѣ, изумрудѣ съ златомъ расплояютъ?
 Кто весеняя цвѣты вспомнитъ въ тѣ мгновенья?...
 Такъ и въ старости найдешь новы утѣшенья;
 И для сердца какъ швое вѣкъ цвѣстетъ природа:
 То блаженство внутрь себя, а другога рода,
 Щастія не можешь быть, хоть живи два вѣка....
 Добродѣтель на земли слава человѣка!
 Ты давно ужъ ей себя посвящилъ на службу.
 Въ хижину привлекъ давно Музъ, любовь и дружбу;
 Будутъ всѣ онѣ, съ шбой въ жизни неразлучно:
 Ахъ! шакъ въ старости шebb можешь ли быть скучно?

КЪ НЕМУЖЕ.

(При посланіи книги, подѣ заглавіемъ: *Разсужденіе о старомъ и новомъ слоgѣ Россійскаго языка*).

Пустынникъ дорогой! шebb я шлю шворенье,
 О Рускомъ языкѣ прекрасно разсужденье.
 Безцѣнный даръ шакой,
 Плѣнитъ, я знаю, разумъ швой.
 Въ сей книгѣ ты найдешь жаръ чувства, мыслей
 важность,
 И силу истинны и опыта шважность,
 Разсудка швердосшь всю и здрава смысла власшь.
 Языкъ гошовой пасшь,

Великолѣпствуя главу подѣмлетъ снова.

О, коль прекрасный даръ для Росскаго по слова!

Ты все найдешъ по въ немъ,

Чего желали мы въ двоимъ.

Но радуешъ меня шѣмъ больше по шворенье,

Что я провижу въ даль прямихъ Россіянъ рвенье,

Языка своего возвыситъ красосу,

Покинувъ наконѣцъ поспыдну слѣпосу,

Къ языкамъ иноземнымъ;

Не спанемъ болѣ пишашъ языкомъ темнымъ,

Писателей блажныхъ,

Отшавшихъ въ наши дни отъ образцовъ своихъ,

Вотъ было что по днесъ препяшпшвомъ,

Языка своего умѣтъ владѣтъ богащпшвомъ.

Любовь къ отеческву внушитъ къ языку вновь,

Привязанность, любовь;

А спрасть опять къ языку

Вселитъ къ отеческву взаимно спрасть велику,

Я умѣшаюся сей мыслию одной,

И чувствую, что ты въ томъ сходствущъ со мной,

Прочши скорѣй сіе швореніе; и скуку,

И даже муку,

Какую прешерпѣлъ отъ новыхъ ты шворцовъ;

Отъ сердца удали ты силой правды словъ.

К Ъ С О Ч И Н И Т Е Л Ю,

Разсужденія о старомъ и новомъ слоgъ Россійскаго языка.

Отъ книги швоея, Ш...! о Рускомъ слоgъ,
 Ты видишь всѣхъ въ шревоgъ;
 Одни себя благодарятъ;
 Другіе - же язвятъ;
 А кто изъ нихъ на то имѣетъ больше права,
 Рѣшитъ въ потомствѣ по швоя нешжива слава.
 И солнышко когда выводитъ красный день,
 Не шакъ-ли мгла и тѣнь
 Ему противятся съ начала?
 Но солнышко взошло, и мгла уже пропала.

Ц О К А Я Н І Е.

О, чудо изъ чудесъ! въ болѣзни смертоносной,
 Прешолстой ошкупщикъ въ раскаянье пришелъ;
 Но, ахъ! къ погибели его не меньше злосной,
 На томъ онъ, говорятъ, съ ума шеперь сошелъ,
 Въ горячкѣ бредитъ все и въ сонѣ глубокой грезитъ,
 Что ради швоея ужасной шолстошы,
 Здѣсь шнисканной на шчетъ нешчашья, нищеты,
 Онъ царствія небесъ въ дверь райску не пролезитъ.

Люди не упускають нічого, о чьомъ бы они не спорили. Справедливо можно уподобитъ жизнь сію нѣкопорою брани, гдѣ все въ непрестанномъ движеніи, въ волненіи, борьбѣ междуособной. Покой не есть удѣлъ сего міра; силы душевныя равно какъ и шѣлесныя опѣ него спрадають. Все уподобляється здѣсь стихіямъ. Тишина и свѣшлые дни продолжаясь долгое время, обрапились бы землѣ въ наказаніе. Громы и бури, наводящія спрахъ и ужасъ, способствують благораспворенію воздуха, приносятъ съ собою плодородіе и испребляють язвы въ самомъ ихъ зарожденіи. Таково есть соспояніе земли; оно - же есть и нашего разума. Разумъ погда только являється свѣшпозарнымъ, когда по многихъ его усилияхъ, издаетъ опѣ себя искры познанія и попомъ озаряетъ ими вселенную. Трудъ и упражненіе принадлежатъ разуму шакже, какъ и шѣлу. Какъ сему послѣднему пошребны движенія для укрѣпленія мышцъ своихъ, шакъ и ему, непременно нужно работашъ въ приумноженіе своего богашства и чрезъ часпныя шолько опышы научашъ различашъ заблужденія опѣ истинны. О! ешпыли бы разумъ нашъ менѣ препыкался на семъ поприцѣ ежечасныхъ испытаній; спраданія наши были бы погда при постоянномъ его свѣшѣ, не шакъ

болѣзненны. Но, ахъ! и онъ блуждаетъ во шмѣхъ предразсудковъ; восходитъ на самую лучезарную высоту своего назначенія и вдругъ упадетъ на ту послѣднюю степень ничтожества, гдѣ онъ едва-ли чѣмъ отличаетъ отъ грубаго побужденія живописныхъ. Въ семъ еже-часномъ прѣбываніи силъ душевныхъ и шѣлесныхъ, удивительно-ли, что люди вертящіяся около заблужденій, какъ около непрѣмной какой либо своей оси. Удивительно-ли что они не вѣдаютъ, гдѣ имъ остановиться и на чѣмъ утвердить свои мнѣнія? Въ семъ состояніи мы находимся еще въ разсужденіи нашихъ полковъ о щастіи. Въ чѣмъ состоитъ оно и гдѣ найти его? Всѣ спорятъ о сихъ двухъ вопросахъ, всѣ полагаютъ, что уже рѣшили ихъ, но равно всѣ въ томъ заблуждаются. Поставьте въ нѣкоторомъ отдаленіи какуюнибудь цѣль, столбъ-ли то или дерево, или что иное; равно поставьте въ довольномъ отъ нее разстояніи нѣсколько людей, имѣющихъ зрѣніе одаренное не одинакою проникаемостью; всѣ они, не вѣдая прямо своей цѣли, будутъ видѣть ее различно, смотря по совершенству или недостатку ихъ зрѣнія, и отъ того составятся у нихъ различныя о той цѣли понятія, хотя она для всѣхъ ихъ будетъ одна и та же и въ равномъ отъ каждаго разстояніи: иному она покажется ближе, другому далѣе; тому представится она кустомъ, а другому инымъ чѣмъ. Пусть тогда имѣющій въ совершенствѣ орудіе зрѣнія начнетъ вѣрять другихъ въ томъ, что онъ подлинно

видитъ; никто ему не повѣритъ. Для убѣжденія ихъ, нужно имъ видѣть ту цѣль на мѣстѣ. Предположимъ, что подойди къ ней нѣтъ возможности; тогда всѣ они разойдутся, споря между собою, сами не вѣдая о чемъ. Вотъ образъ понятія и состоянїе споровъ нашихъ о щастїи, съ такою разноспїю, что спорящіе о цѣли ничего незначающей, не оспариваются въ наглядѣ, а разсуждающіе ложно о щастїи, жертвуючи нерѣдко таковому мнѣнію своимъ спокойствіемъ и даже жизнью.

Какая нужда, говорятъ, кто-бы въ чемъ не полагалъ свое щастіе; если мечта его утѣшаетъ, то сего уже довольно. Но такое разсужденіе недостаточно. Своенравіе и прихоти, какъ въ нашихъ склонностяхъ, такъ и во мнѣніяхъ не могутъ и не должны бытъ нашими правилами, устроющими нашу участь. Рабенокъ можетъ веселиться съ безопасноспїю лѣтъ своихъ игрушками и полагать въ нихъ все свое удовольствіе; ибо наслажденія его достаются ему безпрудно, а будущія заботы не управляютъ ихъ. Можно сказать, что онъ живетъ для одной настоящей минутой. При такой беззаботливости его о своей жизни, при невинности сердечной и при щастливомъ невѣденїи о коловращенности свѣта и жестокости людей, безъ сомнѣнїя, онъ можетъ всемъ наслаждаться; къ сему еще болѣе способствуетъ и живость его возраста. Сверхъ того вещь доставляющая ему такое увеселеніе не имѣетъ никакого рѣшительнаго дѣйствія на его у-

частъ (*), а пѣмѣ менѣе на окружающихъ его. При семѣ пріятномѣ упражненіи онѣ самѣ спановишя еще забавою для людей взрослыхъ, ищущихъ разсѣянія въ своихъ заботахъ, облегченія въ своей печали. Люди совершеннаго возраста будучи кладны ко всѣмѣ почти вещамѣ, свойственнѣмѣ уже ихъ лѣпамѣ, коихъ обладаніе сопряжено съ какою-то для нихъ горечью, любуются, утѣшаются дѣльми, припоминая себѣ пѣже щасливья года, когда и они подобно имѣ утѣшались такими-же бездѣлками. Горестъ вкрадывается иногда въ ихъ сердце и воображеніе заимствуя отѣ ней свои краски, изображаетъ имѣ все прошедшее какъ бы въ плѣняющей ихъ картинѣ, гдѣ нѣпѣ ни мрачныхъ пѣней скорби, ни свѣпныхъ цвѣпныхъ обманчиваго щасія. Но такія-ли впечатлѣнія оставляютъ въ насъ суешныя наши умствования о способахъ, имѣющихъ доставитъ намъ благоденствіе? И уже-ли главная и самая важная частъ въ нашей жизни, каково есть спокойствіе оной, останецся на произвольное свое нравіе и не будетъ имѣть своихъ швердыхъ правилъ, коихъ надлежитъ держаться; ни непроложныхъ законовъ, коимъ должны мы быть подвластны? Какъ! и безумецъ, дѣлающій все по слѣпому побужденію, предающійся безъ всякаго

(*) Сіе предполагается въ той мысли, что гдѣ родители имѣютъ хотя маое попеченіе о своихъ дѣтяхъ, шамъ бывають и игрушки сдѣланы съ выборомѣ, приличныя невинному дѣшею возрасту; равнымъ образомъ какъ и удалено все то, что могло бы поселитъ въ нихъ худья склонности.

соображенія испорченнымъ своимъ желаніямъ, имѣетъ такое-же право, какъ и мудрецъ, сказать, что онъ благоденствуетъ. Какой здравый разсудокъ можетъ утвердить сіе? Если по безумію нашему мы согласимся на оное, то должны признавать, что и злодѣй также щастливъ. Все имѣетъ свое назначеніе и конецъ свой. Живописные управляющія необманчивымъ побужденіемъ, управляющимъ всѣми ихъ дѣйствіями и склоняющимъ ихъ къ единой цѣли: человекъ-ли оставитъ свой разсудокъ? Онъ-ли одинъ уподобится слабому былію, коего вѣпръ по произволу во всѣ спороны наклоняютъ? Нѣтъ, щастіе имѣетъ вѣрные свои признаки; свѣтъ его подобенъ тому благопворному свѣту, который въ мрачные часы ночи высвѣтляется въ пристани, для показанія надежнаго убѣжища несчастнымъ мореплавателямъ, соврапившимся въ обширности океана съ праваго своего направленія; или, постигнутымъ угрожающею имъ кораблекрушеніемъ бурей. Свѣтъ сей есть здравый разумъ, предъ коего спрогимъ судилищемъ должны исчезнуть всѣ мечты, какъ дымъ разсѣвается въ воздухъ, и пасъ всѣ умствования и заблужденія, какъ древлъ постыдное изображеніе божества, во образъ пельца, пало отъ руки Фараонова побѣдителя. Дѣйствительно, всѣ наши ложныя о чемъ нибудь понятія, происходятъ отъ нашихъ предразсудковъ; а сіи отъ спрасшей толико многообразныхъ, когда сердце, источникъ ихъ, не поставляетъ мѣры своимъ желаніямъ, и толико

неправильныхъ и спроптивыхъ, когда разумъ не управляеть ими. Когда-же спраспи рѣдко бывають вѣрными указапелями пуши испиннаго, когда предразсудки вводятъ насъ изъ одного заблужденія въ другое; шо какъ могутъ и соспавленные изъ нихъ понятія бытъ пвердыми и неложными правилами нашего щаспія? А на пакихъ началахъ люди основываютъ почти всегда объ ономъ свое мнѣніе. Видя распупнаго челоуѣка, вдавшася спраспямъ необузданно, заключаемъ о немъ чпо онъ распроиваетъ чрезъ шо свое здоровье, приутопояляетъ для себя ужасныя бѣдспвія и печали, какія впредъ отъ болѣзней произойти могутъ; мы печемся о немъ, изыскиваемъ надежныя средства къ оппращенію отъ него шоль пагубныхъ послѣдспвій, спараемся возврапитъ ему нѣкопорымъ образомъ прежнюю чистопу его нравовъ, дабы онъ получилъ опяшь склонность къ жизни непорочной, а съ сею оппращеніе отъ пороковъ. Видя равно челоуѣка соспавившаго о щаспіи неправыя понятія, не должны-ли мы употребитъ всѣ свои усилія къ испребленію въ немъ оныхъ, яко вредныхъ не шокмо ему самому, но и шѣмъ, кои имѣють съ нимъ какія нибудь связи? Можетъ бытъ онъ предспавитъ, чпо онъ щаспливъ совершенно, хотя всѣ пагубныя слѣдспвія отъ шакого ложнаго заключенія о щаспіи на самомъ себѣ испытуеть: но не довѣряя словамъ его, мы должны продолжатъ наши о немъ спаранія съ шоликимъ искуспвомъ, съ какимъ врачъ обращаетъ съ немощными.

До чего не доводитъ насъ упорное самолюбіе? И не довольно-ли еще извѣстна несчастная слабость чловѣковъ, спояшь непоступно въ своихъ мнѣніяхъ, хопя-бы то было сопряжено и со вредомъ ихъ жизни? Лучше соглашаются они упорствовать до закоснѣнія въ грубыхъ своихъ умствованіяхъ, нежели признаются въ своей ошибкѣ, или въ своемъ заблужденіи. И такъ, неполагаясь никогда на одни слова ихъ, надлежитъ восходить къ простымъ и неложнымъ чловѣческой природы началамъ, которые въ каждомъ изъ насъ одинаковы, но кои въ послѣдствіи отъ различныхъ смѣшеній обстоятельствъ, перемѣняющся въ насъ до того, что ихъ несходство удивляетъ насъ и содѣлывается самою глубокомысленною наукою для философа. Изъ сего слѣдуетъ, что чѣмъ ближе къ простотѣ сихъ началъ, тѣмъ ближе пошъ и къ самому щасію. Равно какъ и то, что въ комъ спраши многообразіе, смѣшеніе, въ помъ и понятія сбивчивѣе, неправильнѣе; слѣдственно пакой чловѣкъ и заблужденіямъ болѣе подверженъ. И можетъ-ли онъ судить здраво о щасіи, когда орудія, способствующія дѣйствіямъ разума, повреждены въ немъ? Пусть щесплюбивый говоритъ, что онъ щасливъ, и жертвуетъ ежедневно мечпамъ всѣмъ своимъ временемъ и спокойствіемъ: обратимся къ начальнымъ чловѣческимъ свойствамъ; пропивупоспавимъ ихъ свойствамъ чловѣка спремещагося непрерывно къ почеспіямъ, и разберемъ безъ всякаго предубѣжденія, могутъ-ли сіи по-

слѣднія возбуждають наши страсти не повреждая ихъ. Буде сіе можно согласить, тогда честолюбець оправданъ; а ежели нѣтъ, тогда всево убѣжденія, что онъ щасливъ, какъ ни пышны будутъ, уподобятся тѣмъ воздушнымъ явленіямъ, кои соспаваясь въ воздухъ изъ разнородныхъ частицъ веществъ лепучихъ, блестящъ заимственными опъ солнца цвѣтами до полъ, пока случайное и удачное ихъ соединеніе продолжится. Свойство человека таково, что оно уклоняетъ его опъ всякаго принужденія, и обращаетъ къ лѣноспному какому-то соспоанію; или что будетъ все поже, заспавляетъ его желать, искать покоя. Еспли - бы можно было, онъ пребылъ бы всегда бездѣйственъ: однѣ еспеспвенныя потребности выводятъ его изъ сей щасливой безпечности, описаніемъ которой такъ восхищаютъ насъ пѣснопѣвцы, прославившіе прелеспные мѣста и золотыя времена прародителей человеческого рода. Все народы, какъ просвѣщенные, такъ и пребывающіе въ самомъ глубокомъ мракѣ невѣжества, соспавляли понятія о лучшей жизни, гдѣ дни ихъ спанутъ прошекать по цвѣтамъ утѣхъ и радостей, никогда не увядающимъ опъ зноя спрапей и не погибающимъ опъ хлада спароспи; гдѣ грома брани не возмущаютъ болѣе ихъ спокойспвія, ни другія бѣдспвія не помрачатъ свѣпила щаспія. Человекъ недовольный всегда наспоющею жизнью, жаждетъ испить воды забвенія, алчетъ вкусить блаженство рая, ищетъ благополучнаго пристанища, какъ нѣка-

кой себѣ награды за всѣ понесенные имѣ здѣсь пруды, за всѣ претерпѣнные имѣ огорченія и бѣдствія: шако мудрый вельможа, упомянутый несколько долговременною и для опечесства понесенною службою, какъ непреспанными происками царедворцевѣ, удаляется отъ двора не благодарнаго, оставляеиъ равнодушно суешныя почести и водворяеиъ въ уединеніи для окончанія въ спокойствіи дней своихѣ. Но оставимъ мечшы сіи, и посмотримъ на шѣхѣ мужей, которые наиболѣе опличили себя своими обширными познаніями: не всѣ-ли они спремелися къ покою? И не доспойно-ли примѣпишь пого, что въ комѣ душевныя способности болѣе раскрывались, кпо болѣе покорялся разуму нежели спраспямъ, шомъ болѣе другихѣ искалъ уединенія, гдѣ бы могъ онъ свободно предаваться своимъ размышленіямъ (*)? Чшо - же

(*) Изъ сего слѣдуетъ, что ешлы разумъ господствуетъ надъ дѣйствіями шѣла, или, когда силы душевныя, будучи въ непрерывномъ упражненіи, превосходятъ силы шѣлесныя, тогда человекѣ дѣлаеиъ существомъ болѣе духовнымъ нежели вещественнымъ, и болѣе приближаеиъ къ своему Создателю. И шакъ миѣніе шѣхѣ философѣ, которые одному шѣлу приписываютъ склонность къ бездѣйствію не совсѣмъ справедливо; или, по крайней мѣрѣ надлежитъ раздѣлить на два рода сіе бездѣйствіе; одно происходящее отъ отъ шука или ослабленія шѣлеснаго, когда пресы-

выводитъ челоѣка изъ сего покоя? Собственныя его нужды: ибо пошребно челоѣку оросить поля своимъ попомъ для прозябенія на нихъ пишущаго его былія; пошребно ему обратиться въ дѣло хипрое искусство рукъ своихъ, для содѣланія шканій, прикрывающихъ нагошу его шѣла и шoliko надежно защищающихъ его отъ неблагопріятспвующихъ ему бурь и вѣтровъ. Едва онъ себя удовлетворилъ въ сихъ начальныхъ и необходимыхъ пошребностяхъ, по снова уже помышляетъ о наслажденіи сими шрудами и обращается къ покою, не зная иныхъ удовольствій кромъ шѣхъ, кои доставляетъ

щенный, упишанный сласшями челоѣкъ, или ослабленный болѣзнями, или изиѣженнымъ воспитаніемъ лишенный крѣпости шѣлесной, ищещъ покоя а другое, когда разумъ, убѣждаетъ, шакъ сказать, наше шѣло къ покою, дабы самому ему чрезъ шо болѣе бытъ въ дѣйствіи. Почему весьма несмысленны шѣ умшвовашели, возникшіе во времена недавные, кошорые желая возвыситься надъ другими людьми своимъ безбожіемъ, извѣяляли свое недоумѣніе, что будетъ дѣлать душа наша по преселеніи своемъ въ другую жизнь? Спросите у Сократа, спросите у Невіона, Жанъ-Жака, что чувствовали они шогда, когда душа ихъ размышляла, соображала, дѣйшвовала, созидала: или лучше сказать, послѣдуйте имъ, и шогда вы успыдитесья своихъ умшвованій и найдете въ самихъ себѣ шу истинну, о коей узнать желаете.

ему природа, ни другихъ упражненій кромѣ нужныхъ для продолженія бытія его. Самыя заботы его, бывшія до того времени источникомъ его спреховъ и опасеній, спановящяся для него новыми ушѣшеніями, новыми радостями: ибо прежде не доставало ему мѣрила его блаженства, а трудъ шаковымъ для него содѣлался. Способность сравнивать спала пріобрѣтеніемъ его разума, а надежды не изчерпаемымъ источникомъ его благополучія. Долго пребываетъ онъ въ семъ щасливомъ состояніи, которое дикимъ мы именуемъ; долго не вѣдаетъ онъ иныхъ забавъ кромѣ тѣхъ, кои сама невинность ему доставляетъ. Спраспи его покойны, желанія правильны и постоянны, упражненія пріятны и полезны; разумъ его свѣшелъ, ибо никакія заблужденія не омрачили его; сердце непорочно, ибо никакія пороки не попрясли сего мирнаго убѣжища совѣсти: нѣтъ у него иныхъ замысловъ и предпріятій, кромѣ благопріятствующихъ общему спокойствію его ближнихъ; ибо никакія еще вражды и несогласія не раздѣлили выгодъ его съ ихъ пользою и благомъ. Въ сей простотѣ жизни и чистотѣ нравовъ, умъ его, подобно свѣпилу дня, сіяетъ собственнымъ веществвомъ своимъ и лучи его не имѣя на пуши облака предразсудковъ, безпрепятствененно озаряютъ окружающія его вещи и показываютъ ему оныя въ настоящемъ ихъ видѣ. Успремленный къ наслажденіямъ настоящего времени онъ не вѣдаетъ своей крѣпости и мужества; не вѣдаетъ, пакъ сказать, сво-

его собственнаго неизчерпаемаго сокровища добродѣтелей, въ коихъ избранныя люди имѣють шолікую нужду во времена разврата и паденія общаго благоденствія; не имѣеть онъ сей гореспной обязанности испытывать своей швердоспи для привиденія въ ужасъ псрочныхъ, ниже дерзаетъ на жалкой опытѣ, пребующій отъ насъ для славы добродѣтели, для блага чловѣчества, для поддержанія зыблющейся испинны совершеннаго самимъ собою пожертвованія и симъ шокмо добровольнымъ спраданіемъ посрамитъ поржесство нечеспивыхъ, а себѣ снискать чрезъ шо удивленіе свѣта и наименованіе великаго: ибо душа его будучи ограждена отъсюду невинностію, подобно покоющемуся въ приспани кораблю, не спрашится изъ внѣ пагубныхъ дуновеній спраспей многоразличныхъ, ни бурь общеспвенныхъ, и якорь ея не знаменуеть уже непостоянной, обманчивой надежды, но ееть залогомъ ненарушимаго шасія, покоющагося на общемъ благоустройствѣ. Вотъ положеніе чловѣка испинно благополучнаго въ начальномъ его соспоянніи. Мудрый не можетъ правильнѣе мыслишь, ни оспорожный и опытный быть благоразумнѣе въ своихъ распоряженіяхъ; ибо что имъ доспается великими шрудами и непрестаннымъ приращеніемъ познаній, шо онъ имѣеть безшрудно и получаеть изъ рукъ самой природы, какъ бы въ награду за его къ ней приверженность и вѣрность. Скажутъ, что такого чловѣка нѣтъ и не было на свѣтѣ: пусть будетъ и такъ, од-

нако не лѣзя шого опровергнушь, что такой человекъ долженъ служишь намъ какъ бы цѣлю, къ коей должны мы стараться приблизиться, какъ къ нѣкоему существу совершенному и слѣдственно благополучному. Естли отрица существованіе сего щасливца, спросяшь, какъ можно пому слѣдовать чего нѣтъ въ природѣ? На сіе отвѣтствую, не отрица существованія такого Небомъ избраннаго человека, убѣждаюсь собственнымъ сердцемъ, что отъ человека зависить бытъ совершеннѣе и слѣдственно бытъ ближе къ сему, положимъ, хотя умственному образцу всѣхъ совершенствъ человѣческихъ. Во времена разврата власныя принята всѣ добродѣтели за однѣ блестящія мечы и бытъ неимовѣрными, ко всѣмъ убѣжденіямъ совѣсти, непрестанно вопіющей прошиву нашихъ жестокыхъ спростей и соблазновъ; но всѣ такія отрицанія не суть еще доказательства истинны. Справедливо-же всегда будетъ то, что чѣмъ простѣе правила наши, чѣмъ менѣе будетъ вещей возбуждающихъ наши спрости, тѣмъ справедливѣе будетъ наше обо всемъ понятіе, спремленіе сердца правильнѣе, желанія невиннѣе. Таковы суть главныя свойства и примѣты человека простаго, добраго, здравомыслящаго, а по сему и щасливаго. Упѣшаяся своимъ сердцемъ, послѣдуя внушеніямъ чистаго разума, довольствуюся малымъ, онъ презираетъ снѣдающія душу почести и не щиптся богатѣшь въ злато на то только, дабы самому попомъ содѣлаться его жертвою.

Противупоставимъ шеперь сему изображенію описаніе челоуѣка честполюбиваго. При самома-
лѣйшемъ вниманіи на сію часпъ, увидимъ, чпо
какъ не необходимо уже сдѣлалось успановленіе
почеспей, не менѣ шого испочникѣ ихъ зло-
вреденъ; ибо сіи самыя почеспи свидѣпель-
ствуюшъ намъ о поврежденіи челоуѣковъ, для
коихъ шoliko нужнымъ уже содѣлалось силь-
ное возбужденіе, дабы совкупимъ, успре-
мимъ всѣ силы на пользу общую. Но коликаго
быспроумія пошребно главному обществѣ вош-
дю, дабы умѣли искусно владѣти симъ шoliko
опаснымъ въ рукахъ челоуѣческихъ орудіемъ; ка-
кая крѣпость разума, какое присущствіе духа, ка-
кое знаніе нужно ему для шого, дабы всегда и всю-
ду имѣли одинакое дѣйствіе надъ умами подвласт-
ныхъ ему и обняти соопшвѣпшвующія благошвор-
ному его намѣренію послѣдствія! Малѣйшее его
небреженіе можетъ ввергнути цѣлыя области въ
напаси, вѣками не награждаемыя. Коликаго раче-
нія, коликихъ неимовѣрныхъ шрудовъ пошребно
народоправителю для содержанія въ должныхъ
предѣлахъ повиновенія умы людей честполюби-
выхъ? Коликой мудрости пошребно равно шому,
кшо будучи обольщенъ блесками почеспей, шпре-
мится къ онимъ, какъ къ нѣкому предмету
своего благополучія? Да и чпо значимъ въ су-
ществѣ челоуѣкѣ честполюбивый? И ештли из-
бранный имъ путь для досшиженія своей цѣли
шопъ самый, который препровождаетъ насъ къ
щаспію? Выше сего изображеніе челоуѣка бла-
гополучнаго было просто, но не менѣ шого

пріятно ; щастіе его не было пышно , но отъ того оно казалось прелестнѣе ; спокойствіе его не уподоблялося пишинѣ пошій вѣроломной спихіи , коея влажное лице сіяетъ всѣми убранствами дневнаго свѣтила на шо только , дабы тѣмъ вѣрнѣе погубить корысполюбиваго мореходца . Посмотримъ шаково-ли будетъ изображение честолюбиваго , коему шоль многіе завидуютъ , когда форшуна кѣ нему благосклонна ? Неопытность есть первый шагъ его , молодость первое его право : ибо человекъ опытный скупаешь уже почестями , а имѣющій при опытности (*)

(*) Здѣсь разумѣтся та опытность , которая научаетъ насъ мудрости ; иначе-же можно-ли будетъ назвать того опытнымъ , кто , при всѣхъ встрѣчающихся съ нимъ непріятностяхъ , слѣпо послѣдуетъ начальному своему побужденію , переходитъ отъ заблужденія кѣ заблужденію , отъ нещастія кѣ нещастію ? Такой человекъ и подъ сѣдыми волосами все еще будетъ младенецъ , съ шою шокмо разностію , что дитя своею неопытностью лишь болѣе плѣняетъ , а младенецъ сѣдой внушаетъ кѣ себѣ одно презрѣніе . Города наполнены шаковыми младенцами , которыхъ никакія превращенія , никакія униженія не научаютъ и научить не могутъ . При всемъ избыткѣ своего состоянія , подобно младенцамъ , они ушѣшаются блескомъ почестей , сими игрушками суетнаго божества щастія , которое съ тѣмъ умысломъ прельщаетъ ихъ ими , дабы удержатъ при себѣ и не

зрѣлость лѣтъ презираетъ ими. Спрасити суть душеводители его, терзанія и скорби повседневные его соповарищи; пресмыкають предъ вышшими себя становившися его обязанностію; подлость его средствомъ; пронырства его орудіями; презрѣніе къ самому себѣ послѣдствіемъ; уничиженіе оныхъ другихъ его наградю; а не рѣдко однимъ злодѣяніемъ бывають онѣ обязанъ за свои успѣхи, и чѣмъ сіи блистательнѣе тѣмъ поступки и дѣла его ужаснѣе. Вошъ по состоянію, въ какое поставляешия честолюбивый; по естѣ, такой человекъ, который мучитъ себя приобрѣтеніемъ почестей. Тогда-то, чѣмъ несообразнѣе бывають сіи почести съ простыми законами природы, тѣмъ болѣе и болѣе уклоняетъ оныхъ оной честолубецъ; тѣмъ быспрѣе впадають онѣ изъ одной крайности въ другую, тѣмъ неминуемѣе доходятъ до послѣдней степени разврата, какъ и почести до самаго ужаснаго злоупотребленія. Но

оставишь пустыми своихъ храмовъ: ибо трудолюбіе и мудрость убѣгаютъ ее какъ божества недостойнаго сердецъ ихъ. Празднолюбцы составляютъ пышную его свиту; а чтобы опытность не пробудила нѣкогда усыпленныхъ нѣгою ихъ чувства, то оно придаетъ имъ въ соповарищество легкомысліе, уклоняющее ихъ искусно оныхъ пути мудрости и сопровождающее въ объятія безумія, которое по большей части встрѣчаетъ ихъ старость и заключаетъ предѣлы ихъ жизни, едва-ли жизнью именоваться доспойною?

такое положеніе не естъ-ли самое тяжкое и мучительное, а попому и самое опдаленное соспояніе опѣ щастія? Перехожденіе изѣ одной степени вѣ другую почестей не естли поликокранкое-же переходеніе изѣ одного заблужденія вѣ другое, изѣ одного порока вѣ другой? Такѣ по испиннѣ, такое соспояніе души показываеѣ совершенное опчужденіе опѣ нея покая, сего нелицемѣрнаго свидѣшеля блаженства нашего, сего прелестнаго сопущника не возмущенной совѣсти, доставляющей намѣ взаимно за принесенныя ей жершвы сладкую и ничемѣ не замѣняемую награду, заключающуюся вѣ хорошемѣ о самомѣ себѣ мнѣніи. Посмотрите на шрудюлюбиваго земледѣльца, сѣ какой пріяшностію опдыкаеѣ онѣ по шрудахѣ на муравѣ благовоной; еще Зефирѣ не осушилѣ его пошу, украшающаго лице его паче всѣхѣ суетныхѣ и часто споль несправедливо раздаваемыхѣ украшеній почестей; еще грудь его не успокоилась опѣ сильнаго и напряженіемѣ крѣпкихѣ мышцѣ произведеннаго воздыманія. Посмотрите на дѣшней его, шупѣ-же играющихѣ подѣ своей матери, соучавствовавшей предѣ шѣмѣ вѣ шрудахѣ попечительнаго опца ихѣ; какое согласіе царствуетѣ между ими, какое веселіе блистаеѣ на ихѣ лицахѣ, какое удовольствіе показывается вѣ ихѣ разговорахѣ! Беззаботныя малюпки, предѣ коими будущее являетѣся вѣ непрестанныхѣ радостяхѣ, подобно украшающимѣ луга ихѣ цвѣшамѣ, кои срываютѣ они для своето убранства и ушѣхи, играющѣ со

всею безпечностію невинности, между шбмб какв упомянутые ихв родители, любяся ими, моляшб Творца о ниспосланіи благословенія на ихв нивы. Посмотрите такв-же и на мудреца, сб какимб спокойспвіемб и самодовольспвіемб онб заблуждаешб по роцамб, сб какимб веселемб и купно сб какою благодарностію ко Всевышнему онб воспоминаешб о помб щасливомб днб, когда вознесся выше всбхв предразсудковб, онб удалился вб мирную свою обитель, гдб позналб чистыя и дополб вб шумб и разбвннн града неизбвспнныя ему радости. При сей мысли слезы капающя по ланншамб его, лице его озаряешя нбкимб божеспвеннымб свбшомб, онб переноснтся на крылахв воображенія изв одного рая вб другой, мечпы рисуютб ему прелестныя карпны пропекшнхв дней его вб щасливомб уединеннн, карпны, гдб свбшб упбшненія отдбляешся отб шбней скорби, причиненной вб сердцб его помышленнмб о злополучнн свонхв ближннхв. Послбдуйте за ннмб на брегб свбшлой рбкн, полко плбняющей его взоры своими легкнми изгнбамн; и буде возможно, вселншеса самн вб его душу, дабы почувствоватб все то, что онб самб ощущаешб вб шб мгновенн, когда устремя свои очн на спокойныя волны, сидншб безмолвенб; самое вншнспвенное описанн его чувспвованнн будешб тогда слабое только младенческое лепешанн. Вселншеса вб его душу, говорю я, ибо не иначе можете вы соспавншб себб понятнн о благополучнн сей жнзнн и уббдншся вб испнннб другой.

Обратитесь теперь на мнимаго, во всей славе блистающаго щастливца; послѣдуйте за нимъ въ опдаленные покои его чершюга, гдѣ онъ одинъ пребываетъ и гдѣ не нужно уже ему принимая на себя лице свѣтлое. Тутъ надлежитъ его видѣть. Куда дѣвалась радость предшествовавшая ему на пути его, когда со всею пышностію Государева наперсника шелъ онъ среди тѣснившейся вокругъ него толпы народной, когда одной своей улыбкою онъ оцедрялъ просящихъ его милостей, однимъ словомъ содѣлывалъ щастіе друзей своихъ? Гдѣ сіе спокойствіе, коего наружностію хотѣлъ онъ заставить другихъ вѣрить, сколь онъ самъ благополученъ? Отъ чего вздохи вырываются изъ груди его, обремененной шюликими знаками почестей, служившими предъ симъ предлогомъ зависти къ нему приближенныхъ? Едва удостоиваетъ онъ быспрымъ возрѣніемъ блестяція во кругъ его вещи, напоминающія ему прошедшія поклому муки и подлыя средства, упопреленныя имъ для спяжанія оныхъ. О! koliko пакія прискорбныя воспоминанія далеки отъ тѣхъ, кои возбуждаются въ насъ присудспіемъ вещей драгоцѣнныхъ нашему сердцу, нашей памяти. Вотъ то дерево, которое было свидѣтелемъ младенческихъ игръ моихъ; вотъ та хижина, гдѣ получалъ я ласки нѣжныхъ родителей; вотъ то зданіе, гдѣ образовался мое юношество; здѣсь получилъ я первый, непорочный, пламенный поцѣлуй моей возлюбленной, увѣнчавшей чиспыя мои желанія щастли-

вымъ соединеніемъ Гименея; тамъ раздаются сладкія увѣренія друга; шумъ вспрѣваю съ пайнымъ удовольствіемъ умѣренное пріобрѣтеніе прудолубія. О! коль прещасливъ пошъ, кто все сіе сказаць себѣ можеть. Не такіе предметы окружають гордаго сего щасливца, и пошому-то отвращаетъ онъ отъ нихъ поспѣшно сухые свои взоры и популяя ихъ въ землю, предается всему отчаянію малодушія. По сему соображенію мы должны судить о людяхъ: ибо такъ только можно разбирать понятія каждаго о щастіи. Богачъ переспанетъ тогда гордиться грудями своихъ сокровищъ, когда быстрое око испытателя природы человеческой проникнувъ во глубину души его, раздробитъ всеобъемлющимъ умомъ своимъ его спрашны, паче перзающія его при обладаніи оными сокровищами, нежели радость и удовольствіе ему приносящія; внимательное ухо изчислитъ всѣ его воздыханія, раздающіяся во время ночной пишины по пространству обширныхъ его покоевъ. Равнымъ образомъ и сластолубивый Сапрашъ полагающій въ сладоспрашны верьхъ своего благополучія не сокроетъ помительнаго своего бѣдствія; унылый взоръ, болѣзненный видъ лица, частые припадки въ цвѣтущемъ его возрастѣ, изобличатъ лживыя изрѣченія усъ его, въ пайнѣ отвергаемая его сердцемъ. Всѣ они не ушашъ вдоха излепающаго изъ спѣсенной груди ихъ при возрѣннн на единообразную жизнь поселянина, живущаго шолико крашъ благополучнѣ въ простотѣ и шем-

ной своей участи; ибо всѣ желанія и всѣ нужды его ограничиваются одной природою. Весьма остроумно сказалъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей, говоря о щастіи человѣка просвѣщеннаго и дикаго: спросите каждаго изъ нихъ, говоритъ онъ, щаспливъ-ли онъ? Ихъ отвѣтъ рѣшитъ задачу о щастіи. Безсомнѣнія, дикой, будучи шолико близокъ къ природѣ, имѣетъ менѣе нужды, спрасти его правильнѣе, желанія ограниченнѣе и соотвѣтственнѣе его попребностямъ. Пища и здравіе суть главныя орудія его щастія; первая удобно награждаетъ шруды его; а второе, сохраненное имъ посредствомъ дѣятельной жизни, позволяеть ему наслаждаться въ полной мѣрѣ всѣми благами природы. При сихъ двухъ пособіяхъ, онъ называетъ себя щаспливымъ и естъ шаковымъ дѣйствительно. Состояніе земледѣльца просвѣщеннаго, болѣе удаленнаго отъ простоты естественной, не такъ уже удобно для щастія, однако все оно несравненно къ нему ближе, чѣмъ того, кто въ вышней своей участи еще болѣе его удаленъ отъ онаго. Безспорно, можно положить средину въ щастіи заимствуя нѣчто отъ наслажденій состоянія человѣка дикаго, отпметая въ немъ все грубое, и приложивъ къ тому выгоды просвѣщеннаго Европейца: то естъ, не прапя здравія и чистоты нравовъ перваго пользоваться удобностію жизни послѣдняго; усладивъ дни свои нѣкоторыми полезными и пріятными знаніями и имѣть участь свободною: но коль рѣдко найши сего щасплив-

ца, въ комъ бы все то соединено было и что-бы онъ не желалъ ничего болѣе? Народы дикіе, по нашему понятію, лишены способствъ бѣшещасливыми; они съ своей стороны дѣлаютъ о насъ подобныя заключенія и въ то время, когда мы сожалѣемъ о нихъ, что они не имѣли всѣхъ тѣхъ выгодъ, коими наслаждаются Европейцы, они смѣются напрошивъ того надъ нами, не понимая какъ могъ человекъ одаренный болѣе ихъ разумомъ, поспавить себя въ такую опъ всѣхъ его окружающихъ вещей зависимость. Европейецъ гордится великолѣпнѣмъ палатомъ своихъ, укрывающихъ его опъ жестокости непогодъ; но дикій Американецъ желаетъ лучше подвергнуться всѣмъ ужасамъ бури чѣмъ лишиться своей свободы, и жизина сохраняющая ему оную для него драгоценнѣе самаго великолѣпнаго чертога. Первый, содѣлавшись законнѣлымъ рабомъ всѣхъ вещей и всѣхъ спихій, безсомнѣнія не можетъ почувствовать всей сладости свободы, и презираетъ человека опметпающаго гордо блестящія его игрушки; а послѣдній видя до какого постыднаго униженія доводитъ человека избытокъ вещей бесполезныхъ, гнушается ими, или паче спрашивается ихъ, какъ пакихъ вещей, кои имѣютъ пагубнѣйшія еще на нравспвенность дѣйствія, чѣмъ самыя смертоносныя заразы на тѣло. Европейецъ щеславится своимъ просвѣщеніемъ, дарующимъ ему шолико надъ всѣми другими народами преимущества и расширяющимъ общеспвенныя его удовольствія; но ди-

кій испишуя надѣ самимъ собою еѣ жестокость и неправды, и видя какъ онѣ со всѣмъ мнимымъ превосходствомъ своихъ познаній заблуждаешъ и съ какою лютою, даже свирѣпостю пигра превышающею, успремляется на разперзаніе себѣ подобнаго, благодаримъ Творца, что Онѣ, оспая ему здравый разумъ, удалилъ отъ него всѣ тѣ суепныя науки, копорыя, неводворяя между народами дружелюбія, согласія и спокойствія, возжигаютъ еще ихъ страши и одушевляютъ умы на изобрѣшеніе средствъ грозящихъ скорѣйшимъ покло разрушеніемъ человѣческому роду. Европейцѣ вмняешъ въ славу своего просвѣщенія и челолюбія способствовашъ просвѣщенію дикихъ народовъ, а сіи ничего такъ не имѣютъ на сердцѣ, какъ чтобы управляющая ими невидимая десница заградила къ нимъ путь свирѣпымъ Европейцамъ. Дикій никогда не завидовалъ соспоянню Европейца и никогда не охудалъ своего: Европейцѣ часпо завидовалъ дикому и нерѣдко порицалъ образъ своей жизни. Вотъ истинное понятіе о щаспіи. Но такъ какъ мы слишкомъ удалилися отъ первонаачальныхъ правилъ еспества, когда возвращеніе къ нимъ сдѣлалось почти невозможнымъ для насъ, когда самое сіе понятіе о первобытномъ щаспіи народовъ походилъ болѣе на мечпательное нежели на шакое, копорое могло бы произведено бытъ въ дѣйствіе; тогда мы должны избиратъ средіну. Изыскивая-же ее необходимо нужно, буде уже не возможно возврапитъя совершенно

кѣ первоначалной проспошѣ, знашь по крайней мѣрѣ опдѣляшь истинну опѣ заблужденія, и посредствомъ соображенія восходишь по возможности кѣ тѣмъ проспымъ законамъ природы, изъ копорыхъ испекаешъ щаспіе, какъ то выше было сказано. Тогда не будемъ мы увлечены ни обольщающимъ гласомъ честполубія, ни уловленіями корыспи, ни очарующими прелеспьми сладострастія. И еспьли жизнь наша не будетъ подобна жизни дикаго, по наши мысли будутъ шакже проспы какъ его. Мы тогда шолько назвашься можемъ щаспливыми, когда никакія суешы не испоргають у насъ вздоховъ, когда домъ нашъ служишь убѣжищемъ пишины и спокойсвія. Таково еспь щаспіе человѣка проспаго нравами и добраго сердцемъ. Наслаждающіеся симъ щаспіемъ по большой часпи сами шого не вѣдаютъ, будучи тѣмъ одолжены щаспливому расположенію обстоятельствъ, согласію души и тѣла и своимъ ограниченнымъ желаніямъ; но лучше наслаждашься имъ и не знашь его, нежели выступая изъ его круга, перяшь оное. Симъ щаспіемъ обладать всего удобнѣе, но оно должно уступитъ щаспію друтова рода, несравненно его вышшему, хошя несравненно и опаснѣйшему.

Щаспіе сіе еспь шопѣ высочайшій даръ Неба, копорый весьма не многимъ кому изъ смерпныхъ вѣ удѣль доспается. Оно еспь вмѣстилище всего на земли лучшаго и совершеннаго. Природа и небеса ему содѣйспвуютъ, и еспьлибы Ангелы могли причастны бышь какой

либо страсти, но они позавидовали - бы пресладкому соспоянiю такою смертнаго, копорый содблываяся имб подобенб соумбщаепб вб себб земныя и купно небесныя наслажденiя. Я разумбю здбсь о щаспiи мудраго, предб коимб обладанiе всбми землями и сокровищами спольже маловажно колико червь предб челобкомб. Воспитанный подобно другимб вб заблужденiяхб, принявши вб неопытныя лбпы новыя предразсудки, будучи прежде узникомб спраспей и предуббжденй, онб исчезнулб бы челобкомб обыкновеннымб; но вдругб искра разсудка возгараепся вб немб, пробуждаепся совбспь, сердце восшаепб пропиву злоупотребленiя правб своихб. Онб удивляепся внезапной такою вб себб перембнб, углубляепся вб размышленiя и переходя отб одной мысли кб другой, обрбтаепб наконецб нишь природы и помощю ее выходяпб изб мрака неизвбспности и невбжеспва. Новый свбпб поражаепб его разумб, иные предметы удивляющб его не шаинспвеннымб уже знаменованiемб своимб, но проспымб, яснымб и правдивымб изображенiемб своего назначенiя вб природб. Словомб, онб вспупаепб вб область испинны, вспрбчающей его сб небесною улыкою уже при самомб рубежб своего благополучнаго владбнiя. Вб семб райскомб жилищб нравспвенности онб перерождаепся для новыхб и прежнихб несравненно сладспiю превосходящихб радоспей: тако выброшенный волнами мореплаватель на неизвбспный ему берегб, поражаепся ужасомб при видб проспирающихся

предъ нимъ на необозримое пространство мрачныхъ лѣсовъ; съ препешомъ онъ, въ нихъ входитъ, заблуждаетъ долгое время пребывая между спрахомъ и надеждою; наконецъ къ нескланному своему обрадованію усмаприваетъ узскую спезю, послѣдуетъ ей и выходитъ на прекрасный лугъ, блестящій множествомъ различныхъ и ему дополь неизвѣстныхъ благовонныхъ правъ и цвѣшовъ, гдѣ встрѣчаетъ гостепріемныхъ жипелей, награждающихъ его щедро за всѣ претерпѣнныя имъ бѣдствія. Тогда мудрый сокрушаетъ всѣ преграды поставленныя людьми между имъ и природою; озаренный свѣпильникомъ испинны онъ разсвѣиваетъ окружающія его мраки заблужденій, торжествуетъ надъ самимъ собою, смиряетъ желанія, обузываетъ спраспи, побѣждаетъ людскіе обычаи, пользуется богатствами знаній, шoliko во зло употребленныя имъ прежде, и сими высокими шокмо добродѣтелями достигаетъ шого шастія, о коемъ весьма немногіе имбютъ понятіе. Шастіе его есть шоже, чшо и добродушнаго вышеупомянушаго селянина, съ шою шолько разностію, чшо сей наслаждается имъ и его невѣдаетъ, а мудрый изчисляетъ его сладость по мѣрѣ шрудностей, опасности, поползновеній и побѣдъ, съ какими оно ему доспалося. Торжество его есть торжество героя, побѣдившаго со славою враговъ своихъ, увѣнчаннаго лаврами рукою своего опечешпа, предающагося въ объятіяхъ родшпа и дружбы шѣмъ еще живѣйшимъ воспоргамъ,

чѣмъ свободнѣе его воображеніе опѣ представленія новыхъ опасностей и чѣмъ воспоминація о прошедшихъ сильнѣя. Мирный оспровишянинѣ непокидавшій никогда мѣстѣ своего рожденія хощя наслаждается спокойно дарами земли своей, хощя утѣшается по среди удовольствія красочами природы и можешѣ назвашѣся щасливцемѣ; но избѣгнувшій всѣхъ опасностей мореплаванія несравненно живѣе его кувсвуетѣ удовольствія при возрѣвнїи на шѣже мѣста, на шѣже самые дары природы; ибо есть нѣкая пайная прелестѣ и вѣ самыхъ напастяхъ. Пока не испытуешѣ ихъ, благодаришѣ Творца за удаленіе опѣ шебя оныхъ, а испытавши благодаришѣ Его опяшѣ за низпосланіе ихъ, получая, какъ бы вѣ награду новое чувсво для наслажденія до полѣ шебѣ неизвѣспными радостями; чувсво, коего не достаешѣ для обладанія совершеннымѣ щаспїемѣ всегда благополучному селянину; сіе оспрое, пыльное, живое, пламенное чувсво, жадное кѣ наслажденїамѣ при всемѣ его спремленїи кѣ покою; одаренное нѣкою непоняшною, дѣяпельною силою, и подобно силѣ електрической быспро сообщающее свое дѣйствїе, свой огонь другимѣ чувсвамѣ, кои, будучи шогда имѣ оживлены, наполняюпѣ все быпїе наше прїяпно согрѣвающимѣ пламенемѣ, приводяпѣ всѣ нервы вѣ движеніе и симѣ образомѣ разширяюпѣ кругѣ нашего благополучїя. Слухѣ спановишя шогда нѣжнѣе, зрѣнїе проницапельнѣе, осязаніе вѣрнѣе, вкусѣ острѣе и обонанїе усладительнѣе. Тогда

сѣ новымъ щастіемъ новая жизнь для насъ наступаетъ, новое убѣжденіе входитъ въ наше сердце, что есть другая жизнь по ту сторону гроба, и что сіе самое чувство, бѣдствіями и злополучіями приобрѣтенное и изощренное, есть нѣкій тайный предвѣспникъ, посылаемый въ сей міръ благимъ Промысломъ для предваренія несчастныхъ, что есть ожидающая ихъ въ Небѣ награда и чтобы они сносили терпѣливо свою долю. Тако печется Творецъ о несчастныхъ. Благополучнымъ довольно одного великолѣпія природы, дабы убѣдился въ своемъ Создателѣ; но несчастнымъ пошребно спало какого-то внутри ихъ сердца пребывающаго утѣшителя. Гонимые людьми, опчужденные отъ всѣхъ радостей сего свѣта, они не дерзали, кажется, опстановлять помныхъ своихъ взоровъ на шоліко свѣтломъ для слабаго ихъ зрѣнія позорищѣ, какова есть вселенная; они мнили, что для однихъ благополучныхъ она великолѣпствуетъ: изнеможенные въ чувствахъ, они не смѣли крикаться къ избыткамъ природы, ибо чаяли, что для однихъ любимцевъ форпуны они созданы. Все представлялося имъ въ мрачномъ образѣ шѣмъ болѣе, что вникая въ причину своихъ напастей, они часно усмапривали, что одна любовь къ добродѣтели довела ихъ до такой крайности. Скоро сіи несчастные могли бы сдѣлаться первыми Божества оприцателями; но по особому о нихъ попеченію Создателя они спали первыми Его благоуспѣшными. Когда не оставалось имъ ничего утѣшительнаго

цѣломъ мірѣ, тогда въ самыхъ ихъ нещастіяхъ указалъ имъ Творецъ спасеніе; далъ имъ сіе новое чувствво, помощію коего могли-бы они уже на земли возноситься къ пѣмъ духовнымъ наслажденіямъ, въ помышленіи о коихъ испытанный мудрецъ полагаетъ все свое щастіе. Тогда-то вселенная преобращается для мудраго въ торжественное зрѣлище сугубо убѣждающее его при свѣтлозарной о будущемъ надеждѣ въ бытіи Бога. Земля преобразуется для него въ Едемъ и чистыя радости снова наполняютъ его душу. Такъ, онъ чувствуетъ свое щастіе, наслаждается имъ въ полной мѣрѣ, и для большаго своего блаженства присоединяетъ къ нему познанія опыта и умѣхи наукъ. Суетное величіе свѣта, виденное имъ въ близи, еще мечтается ему и оставляетъ въ душѣ неопи- санное удовольствіе, производящее опъ сравненія щцещы онаго съ пріятностію проспой и единообразной жизни. Познавши превратность міра, ввергнушый неопытностію въ напасти и благоразуміемъ опъ нихъ освобожденный, онъ дорожитъ каждою минутою въ новомъ своемъ состояніи, и со всею жаромъ сердца чувствительнаго, повергается въ объятія природы, съ копорою толико лѣтъ былъ въ разлукѣ. Онъ клянется никогда не покидать ее болѣе, любитъ ее со всею непорочностію младенца, со всею вѣрностію спрашнаго любовника. Таково есть щастіе мудраго. Нужды его спановяпся споль же проспы и невымышленны какъ и сѣянина; жизнь его спакже едино-

образна; но за шо воображеніе его богатѣе предспавленіями суеты міра, разумѣ обширнѣе пріобрѣтеными познаніями, сердце пламеннѣе къ наслажденіямъ природы, какъ бы желая наградити въ наспоющемъ прошедшее, въ безумныхъ утѣхахъ попереянное. Каждая былинка, кажешся ему, дышетъ, дѣлаешся его собесѣдникомъ, поварищемъ, другомъ; научаешъ его познанію Творца вселенной и собспвеннаго его щаспія. Все приводитъ его въ умиленіе и упоеваешъ восторгамн, шолнко-же пріятными его сердцу, колнко запахъ цвѣтовъ окропленныхъ упреннею росою сладокъ его обонанію. Онъ повергаешся на землю, окропляешъ ее слезамн радоспн и признанія къ Создашелю, и не взирая на бѣдную участь свою, почитаешъ себя щаспльнѣйшнмъ на земли человѣкомъ.

Щаспіе шакого человѣка не ештъ вымышленное и нмѣ могли бы наслаждашся люди, ештн бы онн болѣе рачнли о существенныхъ своихъ выгодахъ: нбо удаленіе ихъ отъ онаго не отъ чего ннаго, кромѣ невѣжества, производншъ. Мудрый нмѣешъ подробное, ясное, совершенное и правое понятіе о всякомъ друго-ва рода щаспіи, нспытавшн его во всѣхъ перемѣнахъ. Пошому-шо онъ не пожелаешъ промѣнншъ наспоющаго своего благополучія, шолнкнми опышамн, заблужденіямн, нещаспіямн, пожертвованіямн пріобрѣтенаго, нн на какое другое щаспіе. Да н всякой другой, ештн бы шочно позналъ сладоспъ шакого соспоянія, опспалъ- бы немедленно отъ своихъ исканій и шребованій, пре-

небрегѣ бы почести, прибрѣшаемыя подлостію, и богатства на счѣтѣ покоя получаемыя, и тогда-же бы избралъ путь мудраго. Ибо и опѣ единого уже мгновеннаго на него обращенія своихъ мыслей, завидуютѣ его долѣ. Такѣ, одно невѣденіе наше о прямомѣ щастіи бываеиъ причиною всѣхъ нашихъ напастей. Однако просвѣщеніе одно, по естѣ, снабженіе себя познаніями наукѣ, не доставляеиъ еще намѣ щастія; равно какѣ не прибрѣшаеиъ оно одиѣми почестями и богатствомѣ. Для полученія сего рода блаженства попребно нѣчто болѣе. Попребно изѣ смѣшенія нашихъ чувствѣ составиѣ нѣкое особое чувство, названное мною выше сего новымѣ чувствомѣ, которое полезно и нужно, кажеиъ мнѣ для того, дабы пѣлесныя или чувствами доставляемыя намѣ удовольствія пѣсенѣ сопрягалися сѣ душевными, и чѣобы оно служило какѣ-бы нравственнымѣ звеномѣ соединяющимѣ пѣло сѣ душою: но оно подобно золопу не иначе можеиъ составиѣся какѣ по очищеніи, по опѣбленіи опѣ него всѣхъ постороннихъ и кѣ нему не принадлежащихъ частницѣ; горнило его естѣ испытаніе, мудрецѣ-же естѣ оный искусный веществоеиспытатель, который познавши начала доставляющія душу и пѣло, содержиѣ ихѣ между собою вѣ такомѣ согласіи, колико попребно для взаимнаго ихѣ содѣйствія кѣ его благополучію.

Разсуждая такимѣ образомѣ о щастіи мы никогда не ошибеиъся вѣ выборѣ онаго и спанеиъ

гораздо вѣрнѣ судить о тѣхъ, кои возвѣщаютъ намъ оное. Щастіе не есть Божество своенравное, принимая его не въ помѣ смыслѣ, какъ обыкновенно понимающъ его въ свѣпѣ, но заключающая его въ понятіи мудраго. Щастіе сіе подобно лунѣ постоянно совершающей свое печеніе; лице его подобно зраку сего свѣпила, отъ свѣша коего разсѣваются ночные мраки и коего лучи поoliko усладительны для душъ нѣжныхъ, охотно предающихся при прихотѣ ея сіяніи мечтаніямъ, облегчающимъ ихъ горести и питающимъ ихъ задумчивость. Раздробляйте щастіе мудраго по желанію вашему, спарайтесь сами вникнуть въ начала онаго не вѣря словамъ мудраго, напрягите всѣ свои усилія для изобличенія его во лжесвидѣтельствѣ, не щадите его, какъ и онъ не щадилъ васъ при разсмотрѣніи вашего щастія; но вы пребываете въ недѣйствіи, безъ всякаго покушенія на шаковое дѣло. Для чегоже вы медлите испровергнуть сіе зданіе или вниши въ него? Въ немъ вы не найдете ни ложнаго блеска богатства, ни суетнаго величія почестей, но увидите во всѣхъ украшеніяхъ одну простоту, поoliko соотвѣтствующую простотѣ нравовъ и правилъ мудраго, коими онъ руководствовался на пути препровождавшемъ его ко щастію. Тогда познали бы вы истинну, что чѣмъ болѣе вникаешь мудрый въ щастіе, кое вы для себя угоповляете и коимъ вы поoliko щеславитесь, тѣмъ ничтожнѣ оно ему кажешся. Напротивъ того, чѣмъ внимательнѣ кто вникнетъ въ щастіе мудраго, тѣмъ величественнѣ оно пому пока-

жеться, шѣмъ болѣе привязанности и даже спра-
 сши онъ въ себѣ почувствуешь при размашри-
 ваніи онаго. Для того-то мы должны судить о
 щастіи не по своенравію и заблужденію нашему,
 но по вѣчнымъ законамъ природы, которые од-
 ни истинны, вѣрны и непреложны. Мы не дол-
 жны пакъ же управляться мнѣніями каждаго изъ
 извѣстныхъ по своимъ талантамъ мужей, кото-
 рыхъ правила равно могутъ быть многосложны,
 темны и несправедливы, а слѣдовать внушенію
 здраваго разсудка и движенію сердца добраго : ибо
 всѣ великіе люди образовали себя не по какому ино-
 му образцу кромѣ самой природы. Правда, мож-
 но предпочитать одного другому смотря по
 господствующей въ насъ склонности, какъ-то,
 иной можетъ приспираситься къ Сократу,
 другой къ Епаминонду, а тотъ къ Невпону и такъ
 далѣе; но хотѣвъ достигнуть до совершенства
 образца своего входя въ самыя подробности его
 жизни, значивъ никогда къ нему не приближись-
 ся: ибо какъ можно примѣнить другому нѣсколь-
 ко вѣковъ и хотѣ бы нѣсколько лѣтъ только послѣ
 пакого знаменитаго человѣка живущему, шѣ со-
 кровенныя пупи, коихъ онъ и самъ едва-ли при-
 мѣнить могъ? Мы можемъ избрать его, какъ
 бы для своей цѣли, но не должны желать иш-
 ти за нимъ шагъ за шагомъ. По сему-то оши-
 баются многіе желающіе оплечить себя подра-
 жаніемъ великому человѣку и чая уподобиться
 ему, дѣлающія худыми лишь списками образцовъ
 своихъ. Такимъ образомъ мы никогда не напа-
 демъ ни на истинный путь, по коему они шли

ко храму славы, ниже соспавимъ, подобно имъ, правльнаго суда о щаспїи. Мы будемъ вѣчно заблуждашь вѣ ложныхъ мнѣнїяхъ, и не находя вѣ самихъ себѣ того упѣшенїя и спокойствїя, какїя даруются истиннымъ щаспїемъ, мы впадемъ наконецъ вѣ шу крайность, что перестанемъ вѣришь, чтообы и тошъ, кого ради щаспливой и мудрой жизни мы избрали за образецъ себѣ, былъ дѣйствительнo щаспливъ. Утверждаясь болѣе и болѣе вѣ сихъ догадкахъ, мы примемъ его убѣжденїя за одно припворство, и не вѣря вѣ сердцѣ своемъ никакому щаспїю, мы не упустимъ однако случая проповѣдывать его людямъ, думая также вѣ свою очередь обмануть ихъ, и также содѣлашься предметомъ обожанїя у попомства. Ложное упованїе, щещное суемудрїе! Истинна надѣ вами вѣ послѣдокъ воспоржествуетъ и всѣ ваши блистательныя предпрїятїя разрушатся. О! еспли бы вмѣстѣ рабскаго сего подражанїя, мы спарались, подобно симъ великимъ людямъ, соспавишь главные свои правила по тому-же образцу, котораго они сами держались вѣ соспавленїи своихъ, тогда бы нашли мы вѣ самихъ себѣ всѣ шѣ средства, кои попребны для содѣланїя насѣ благополучными. Великіе люди достигаютъ къ одной цѣли различными пушями, шакъ почно какъ вѣ математикѣ сложенїемъ различныхъ количествъ получаютъ одинакое. Руссо и Сократъ могли имѣть различные нравы по различїю обстоятельствъ, вѣ кои случай поспавлялъ ихъ; по разности времени, вѣ кои родилися они; по не-

сообразности обычаевъ, предразсудковъ, вѣры и воспианія, какія получили они въ землѣ своей; по несходству климатовъ и правленія на нихъ дѣйствовавшихъ; но они равно могли бытъ щасливы, достигая къ шому каждой своими путями. Какъ шому шакъ и другому природа могла бытъ пушеводипельницею, и Руссо избравши Сократа своею цѣлю, не на шо обращалъ свое вниманіе какъ дѣйствовалъ Сократъ въ разныхъ случаяхъ, дабы и самому поступить шакже; но онъ старался прежде всего вникнуть въ источникъ, откуда почерпалъ Сократъ свои наспавленія, дабы и самому ему онъ шуда-же заимствовашъ свои правила. Легко могло случиться, что Руссо надлежало стараться о испребленіи или послабленіи шѣхъ худыхъ склонностей, коихъ у Сократа или не было или хоща и были, но шакъ слабы, что не могли мѣшашъ главному его дѣйствію обращенному на уничтоженіе шѣхъ, кои болѣе угрожали его спокойствію. Главное-же обоихъ попеченіе соспоало въ познаніи господствующихъ спраспей своихъ; они подобно искусному, дальновидному и всеобъемлющему полководцу дѣйствовали шакъ, что вредныя спраспи обращали одна на другую и одну другою послабляли или уничтожали; и между шѣмъ, когда сіи какъ будшо во враждѣ находилися и воюя другъ на друга, испощались въ своихъ силахъ и ослабѣвали чрезъ шо въ своихъ дѣйствіяхъ, они умѣли дать время другимъ къ дружескому ихъ соединенію и ушверженію владычества ихъ въ

сердцѣ для совершеннаго подавленія склонностей, благополучію ихъ непріязненныхъ. Подражая такимъ образомъ, нашъ разумъ и сердце неоспанулся безъ упражненія; они познающъ свои ошибки и научашся изъ опытовъ легчайшимъ способамъ исправлять ихъ: первый сдѣлается прозорливѣе и дѣятельнѣе; второе шерпѣливѣе и необманчивѣе въ своихъ предначинаніяхъ, а оба они познающъ сколь совокупныя ихъ силы полезны для каждаго изъ нихъ въ особенности. Напрошивъ того, поспуая такъ какъ большая часть людей поспуаетъ, мы оспавляемъ разумъ въ недѣйствіи а сердце безъ опыта; и будучи съ тѣмъ, коего избрали мы себѣ за образецъ, разныхъ склонностей и поспавлены въ различные обстоятельствова, мы дремлемъ со всею безопасностію шамъ, гдѣ другой бодрспвовалъ и сражался. Привычками и спраспями раждающія обстоятельствова, но никогда сіи не производятъ ни спраспей нашихъ, ни привычекъ, хопя мы и полагаемъ, что случай въ иныхъ людяхъ раждаетъ ихъ. (*) Человѣкъ жившій въ безпечности

(*) Мы говоримъ, что несчастія довели таково-то до пьянства, но еспылибы онъ не имѣлъ прежде къ нему расположенія, или еспыли бы онъ мерзилъ худыми отъ онаго послѣдствіями, то вѣроятно никакія несчастія не могли бы его подвигнуть на такое постыдное дѣло. Мы кажется похвальнѣе всегда бытъ въ образѣ челоѣка благонаравнаго нежели унизить себя до того, что едва-ли заслуживаемъ бытъ сравнены съ живош-

и не имѣвшій случая вредить другому, или помогавшій еще ближнему при своемъ доспапкѣ, получаетъ отъ насъ названіе добраго: но при малѣйшемъ оборотѣ щаспія, онъ перемѣняетъ наше о себѣ мнѣніе и заспавляетъ заключаешь, что добродѣтель спакже подвержена перемѣнамъ. Такое ложное заключеніе происходитъ въ насъ не отъ инаго чего, какъ отъ не привычки размышляешь, равно какъ и мнимо добрый человекъ не отъ чего другаго спалъ злонравнымъ, какъ отъ бездѣйствія, въ коемъ разумъ и сердце его коснѣли. Добродѣтельнымъ ни кто не можетъ назваться пока не испытаетъ силъ своихъ, можетъ-ли онъ бороться съ начаспіями, и пока не пожертвуетъ добротѣ многими своими спраспіями, многими своими привычками, кои предъ тѣмъ онъ щадилъ и лилѣялъ. Добрай - же человекъ есть любитель добродѣтели, готовый ей всемъ пожертвовать. Въ спакомъ случаѣ думаетъ, чтобы онъ могъ сдѣлаться худымъ есть поже, что полагаешь, будто добродѣтель можетъ быть порокомъ. Когда - же мы видимъ, что злодѣй дѣлается Героемъ добродѣтели, то сіе ничего другаго

ными. Впрочемъ я говорю здѣсь о спраспіяхъ и привычкахъ, а не о склонюспіяхъ, кои служатъ симъ начальными, спакъ сказать, спепеніями. Общюспельства могутъ сдѣлать насъ склонными къ мрачности, но не жестокими и споевравными, а буде они насъ спакowymi дѣлають, то уже и прежде сего мы были къ спому спововы.

не показываешь кроме того, что злодѣй такой былъ изъ числа пѣхъ людей, коими ни обспояпельства, ни случаи не управляютъ, но страсти. Обспояпельства или случаи могутъ ускорить въ насъ возникеніемъ добродѣтели или порока, но не раждаютъ ихъ. Они и въ злодѣе могли ускорить минушую, въ которую крившаяся въ немъ искра добродѣтели могла внезапно возгорѣться, равно какъ дасть возникнуть пороку въ неопытномъ, слабомъ сердцѣ, коего потрясенія онъ ожидалъ почти для полученія надъ нимъ своей власти. На сихъ правилахъ мы должны основывать наши мнѣнія о людяхъ и судя о ихъ нравахъ, судить и объ ихъ щастіи, которое также служитъ знакомъ чловѣка добродѣтельнаго, какъ добродѣтель сама есть неложное знаменованіе чловѣка щастливаго. Тогда вздохи чесплюбиваго, изнеможеніе корысполубца, расслабленіе сласполубиваго, увѣрили бы васъ въ ихъ бѣдности, не взирая на всѣ ихъ убѣжденія въ проповномъ и во преки всѣхъ ихъ преимуществъ, каковы суть знанность и богатства: но веселое лице поселнина и глубокое спокойствіе мудраго показали бы вамъ върнѣе, гдѣ искать щастія. Щастіе перваго надежнѣе, но за то ограниченнѣе; щастіе послѣдняго есть также безпредѣльно какъ и сама природа, но за то полученіе онаго труднѣе и опаснѣе. Будучи мудрецомъ я не презирлъ бы щастія поселнина, но не будучи имъ, я-бы предпочелъ его всякому другому на земли щастію.

О! колико благополученъ потѣ, кто получивъ въ удѣлѣ наслѣдственныя поля, нелѣбносно воздѣлываетъ свои нивы, приумножаетъ плучныя спада свои, возвращаетъ плоды и насаждаетъ цвѣты для своего удовольствія. Не споря ни съ кѣмъ, въ чемъ состоиптѣ щастіе, онъ оправдываетъ свое мнѣніе непорочной жизнію. Душа его спановишся погда зеркаломъ природы, въ которой изображаются всѣ красоты и совершенства ея какъ изображаются въ чистой и вѣпрами не возмущаемой поверъхности водъ, всѣ около ихъ береговъ видимые предмѣты. Медленно приближается онъ къ своему предѣлу, къ сему общему людей назначенію и не испускаетъ ни единого воздыханія, свидѣтельствующаго о раскаяніи въ шунѣ попереяныхъ или въ ложныхъ забавахъ проведенныхъ лѣтѣ, онъ съ радостною еще улыбкою повергаетъ въ обвѣтія смерпи и засыпая вѣчнымъ сномъ, оставляетъ на охладѣвшемъ лицѣ своемъ черпы священнаго умиленія, ясно знаменующія, колико жизнь его была непорочна, прекрасна, а слѣдственно и благополучна.

О Д А

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ

на случай

МИЛОСТИВЫХЪ МАНИФЕСТОВЪ.

Прославишся сей годъ отъ нынѣ
 Въ грядущихъ на всегда вѣкахъ ;
 И Сѣверъ въ щастливой судьбинѣ
 Благословишь его въ сынахъ.
 Послушной вѣспницы устами
 Межъ дальными земли спранами
 Промчатся о Царѣ молвы ,
 Что милости Его въ народѣ ,
 Какъ солнечны лучи на сводѣ ,
 Когда блестятъ въ струяхъ Невы.

*

Повѣдайте , о вы ! что годы
 Вѣковъ такъ щипшеса познашь ,
 Какіе намъ равно народы ,
 Могли такъ ревностно желашъ
 Монарха видѣшь на престолѣ ?
 Какихъ на шо доводовъ болѣ ,

Смотря на зрѣлицѣ свѣтлый кругъ!
 Въ края полночны взорѣ вперите,
 По сердцу своему скажите,
 Что чувствуешь тогда вашъ духъ?

*

Считая то за чародѣйство,
 Дадише-ль вѣру симѣ словамъ,
 Что Россы суть одно сѣмейство
 А Царь, отецъ своимъ сынамъ.
 Что ОНЪ отъ нихъ напасти гонишь,
 И власть къ тому, и волю клонишь,
 Чтобъ все порядкомъ содержишь.
 Управой СВОЕГО покоя,
 Блаженство подданныхъ устроя,
 Желаетъ славу въ томъ стяжать.

*

О день прекрасный! день блаженный!
 Намъ давший АЛЕКСАНДРА зрѣть;
 О! день на вѣкъ благословенный,
 Какъ сталъ престоломъ ОНЪ владѣть.
 Пѣвецъ Царей преславныхъ Россовъ,
 Проснисъ безсмертный Ломоносовъ
 Вновь лирой улаждать швоей;
 Ты красоты обрѣлъ - бы новы,
 Вѣнки похитилъ - бы лавровы!
 Какой днесъ къ славѣ подвигъ ей.

*

Какъ Пиндаръ вдохновенный Фебомъ,
 Ты пѣлъ ПЕТРА, ЕЛИЗАВЕТЬ;
 ЕКАТЕРИНУ данну Небомъ;
 Ихъ мудрость, славу, знанья свѣтъ.

ЕКАТЕРИНЫ - бѣ нынѣ Внуку
 Высоку ону Музѣ науку,
 Сѣ усердьемѣ правды посвятилъ;
 Но коль почилъ сѣ своимѣ ты даромѣ,
 Вдохни шалантѣ пѣшь сѣ равнымѣ жаромѣ;
 Твоихѣ Героевѣ Царь явилъ.

*

Веселья вѣ воздухѣ несутся;
 На крылахѣ радости лешяшѣ;
 Пріятны звуки раздаются,
 Какѣ щастіе свое гласяшѣ.
 Тамѣ нѣжный другѣ спремится къ другу!
 Вѣ слезахѣ жена бѣжитѣ къ супругу,
 Не чая прежде зрѣшь его!
 Тамѣ матеръ сына лобызаетѣ!
 Родитель вѣришь не дерзаетѣ,
 Что вѣ нѣдрахѣ дома своего.

*

Премѣнѣ всѣ такой чюдятся!
 Не Богѣ - ли сѣ Неба то низшелъ?
 Причину блага зрѣшь спремятся;
 Кого - жѣ, кого ихѣ взорѣ нашелъ?
 То АЛЕКСАНДРѣ вѣ порфирѣ чшится:
 Вѣ НЕМѣ духѣ ЕКАТЕРИНЫ зришя;
 Ея и милоснѣ сѣ правашой:
 То ИМѣ отверзлась дверь шемницы!
 И влажные опѣ слезѣ зрѣницы
 Осушены ЕГО рукой.

*

Печаль на радость преложилась,
 И скорбный плачь на свѣшлый смѣхѣ;

Природа мнишся обновилась
 Съ возвращомъ жизни и ушбхъ.
 Но всѣ - ли здѣсь блаженства роды?
 О, вы! ликующи народы,
 Предавшись радости сердецъ,
 Я чаю горестъ вы забыли;
 Сей день забавамъ посвятили;
 Онъ будетъ нашихъ дней вѣнецъ.

*

Воскресла намъ ЕКАТЕРИНА;
 Надъ нами духъ ЕЯ парилъ;
 О! коль прекрасная година,
 Для Россевъ въ будущемъ блеспитъ.
 Что есть священнаго въ обѣтѣ,
 Имѣя АЛЕКСАНДРЪ въ предметѣ,
 На сердцѣ положилъ СВОЕМЪ.
 Въ отечествѣ любимъ ОНЪ будетъ;
 И поздний свѣтъ не позабудетъ,
 Вѣщаши въ радости о НЕМЪ.

*

Какъ къ западу пушь солнце правя,
 Гдѣ легку тѣнь наводитъ мракъ,
 И щедрыя дары ославя,
 Скрываетъ лучезарный зракъ;
 И бышь хопя престанетъ съ нами,
 Но крошкими въ зарѣ лучами,
 Межъ облаковъ злпыхъ горя,
 Восходитъ паки съ луннымъ свѣтомъ:
 Имѣя пользу такъ предметомъ,
 Не есть - ли образъ шо Царя?

По дняхъ ЕКАТЕРИНЫ видимъ,
 Подобны дѣйствія щедротъ!
 И въ АЛЕКСАНДРѢ по предвидимъ;
 Смотри на свѣтлый лучъ добротъ.
 Уже ОНЪ мудрыми стопами,
 Идетъ первѣйшей межъ женами,
 Хотя по имени второй.
 Ея ОНЪ зданье украшаетъ;
 И паче, паче утверждаетъ,
 Въ вѣкахъ сей памятникъ драгой.

*
 *

Соименишому Герою,
 Неудя убившвенной пропой;
 ОНЪ успремитъ свой духъ къ покою,
 Даруя миръ намъ съ пишиной.
 Дѣйствительнѣе пошъ Царь несчастенъ,
 Когда спраснямъ своимъ подвластенъ,
 Незнаетъ жизни сей цѣны;
 Отъ всѣхъ онъ смершныхъ удалясь,
 И въ мрачныхъ мысляхъ обращаясь,
 Не терпитъ сладкой пишины.

*

Утѣхъ домашнихъ убѣгаетъ,
 А скуки прочь не отженетъ;
 И бытъ себя несчастнымъ чаеъ,
 На гибель странъ войну ведетъ.
 Гордяся Марсовымъ Трофеемъ,
 И спавъ вѣнчаннымъ лишь злодѣемъ,
 Идетъ Ахиллы по слѣдамъ.
 О! естли - бѣ Тишу подражали,

Цари! вы больше - бѣ не желали,
Какъ щастія подвласныхъ вамъ.

*

Прискорбно ополчати къ бою
Владыкамъ вѣреннѣй народъ;
Когда - же смертныхъ по судьбою,
Чтобъ цвѣлъ войны межъ ними плодъ;
Опирь, о АЛЕКСАНДРЪ! шокъ слезный,
И жезлъ опечеству любезный,
Въ знакъ брани къ воинству склони:
Увидишь какъ оно опмщаетъ,
Тому, кто нарушаетъ дерзаетъ,
Спокойствіемъ цвѣшущи дни.

*

Увидишь какъ Монархи сильны,
Бывающъ милостью своей;
Въ Герояхъ какъ они обильны,
Коль знаютъ жизнь щадить людей.
Какъ въ грозный часъ народъ пѣснися,
Иль побѣдитъ иль пастъ спремиша,
Любя Опечество, Царя.
Однихъ скрываютъ смертны тѣни;
Другіе пади на колѣни,
Творятъ мольбы у олшаря.

*

Да ихъ опечество драгое
Спокойно будетъ отъ враговъ,
И время бранію презлое,
Не возмушитъ его сыновъ.
Да Царь тѣла ихъ видя мершвы,
Позналъ, что нѣтъ такой шумъ жертвы,

Какой - бы Россѣ во знакѣ любви,
 Царю бы не принесѣ любиму,
 Ошечеству во благѣ чшиму,
 Въ союзѣ дружбы и крови.

*

Владѣшь собой не давши страху,
 Кто жизнь Царю не принесетѣ?
 Подобно Курцію съ размаху,
 Для пользы въ бездну не падетѣ?
 Пусть шрехѣ Гораціевѣ намѣ славяшѣ,
 И Коклеса примѣромѣ спавяшѣ;
 Пускай дивитѣ Сцевола свѣтѣ:
 И АЛЕКСАНДРЪ въ своей державѣ,
 Ревнивыхѣ шакже Россовѣ къ славѣ,
 И къ Трону СВОЕМУ найдетѣ.

*

Прейдутѣ кипящія пучины,
 На поражение враговѣ;
 И уравниютѣ горѣ вершины,
 Для жашвы Марсовыхѣ вѣнковѣ.
 Падутѣ надмѣнные злодѣи,
 И страшны хипрости зашѣи,
 Въ началѣ мечѣ нашѣ испребитѣ:
 Разсѣетѣ полчища противныхѣ;
 И мирѣ въ шѣни деревѣ оливныхѣ;
 Тронѣ АЛЕКСАНДРА осенишѣ!

*

Преспанъше - же враги народа
 Внушашѣ, сколь можетѣ бышѣ вредна,
 Монархамѣ подданныхѣ свобода:
 Она зашѣша имѣ одна.

Рабы любви не питаютьъ ,
 И вѣрности къ Царямъ не знаютъ ,
 Всегда гошovy шрепешать .
 Пусть придуть воинства къ нимъ чужды !
 Блюсти Царя имъ нѣшу нужды :
 Ихъ участь все одна , спрадась .

*

Но шамъ, гдѣ Царь народомъ править ,
 Даруя вольности залогъ ,
 Онъ шѣмъ любитъ себя заспавить ,
 И сокрушитъ кичливыхъ рогъ .
 На что намъ дальныхъ лѣшъ примѣры ?
 Ларга , Турно , Кагуль , Бендеры ,
 Лепаншъ , Макри , Чесма , Барушъ ,
 Мой голосъ оправдали прежде .
 И днесъ, о АЛЕКСАНДРЪ! въ надеждѣ ,
 Опцемъ ТЕБЯ народы чшуть .

*

Водимый мудросью единой ,
 И купно благосью свяшой ,
 Сравнисья пы съ ЕКАТЕРИНОЙ ,
 Ума и сердца красой :
 Простря къ народамъ щедры руки ,
 Ты облегчишь ихъ шяжки муки ,
 И щаспливъ будешь щасъемъ ихъ .
 Предѣль своей посшавя власти ,
 За коимъ слѣдуютъ напаси ,
 Рѣки ТЫ строгій судъ на злыхъ .

*

Красуясь славы на престолѣ
 Со крошкою ЕЛИСАВЕТЪ ;

Творца сообразуясь волѣ,
 Пролей со Трона новый свѣтъ
 Блаженства, мудрости на Россювъ,
 На мѣсто мраморныхъ колоссовъ,
 Свой знакъ остави внутрьъ сердець.
 Не побѣдителя Евфрапа,
 Но крошкаго яви Сократа,
 Стяжавъ сердечныхъ хвалъ вѣнецъ.

*

Да Тронъ украситъ добродѣтель,
 Прямое качество Царя;
 И свѣтъ ТВОИХЪ щедротъ свидѣтель,
 Къ ТЕБѢ любовью горя
 ТВОЮ Державу да прославитъ,
 И храмы въ честь ТЕБѢ поставитъ,
 На память всѣхъ грядущихъ лѣтъ.
 Цари бытъ страшны въ жизни мяшся!
 Какъ скорожъ дни ихъ прекращашся,
 Ихъ всякой по дѣламъ зовешъ.

*

Орды злаяшя побѣдитель,
 Великъ войною ІОАНЪ;
 Но бывъ народа ушѣснишель,
 Онъ спалъ Отечества пиранъ.
 На что Царю вѣнки лавровы,
 Коль подданныхъ стяжатъ оковы,
 И слышишся ихъ скорбный стонъ?
 Прилично Государю свойство,
 Блюсти ихъ щастье и спокойство.
 Се! АЛЕКСАНДРЪ и ТВОЙ законъ.

Хотя подъ skipепромъ желѣзнымъ,
 Послушна кажется спрана,
 И средствомъ для Царя полезнымъ;
 Но та опасна пишина!
 За ней находить буря съ ревомъ,
 Ломая съ яростью и гнѣвомъ,
 Плывуще судно по волнамъ:
 Такъ стонъ на ропотъ преклоняясь,
 Молчанье въ ярость обращаюсь,
 Идешъ раздора по слѣдамъ.

*

Услыште всѣ предѣлы міра
 Веселы клики нашихъ спранъ;
 Дыханьемъ сладостнымъ зефира,
 Струится щастье Россіянъ:
 Лѣса и горы повторяютъ,
 Поля, луга то представляютъ,
 И шепчутъ воды въ берегахъ.
 Душа во всѣхъ едина зрится!
 Съ сердечнымъ рвеньемъ всякъ спремится,
 Восторгъ запечатлѣшь въ устахъ.

*

Иной оковы низлагая,
 На знаки ранъ еще смотря,
 И дряхлость силъ пренебрегая
 Спѣшимъ къ стопамъ унасть Царя.
 Иной увидя свѣтъ прекрасный,
 Зашворовъ вспомя мракъ ужасный
 За милость А Л Е К С А Н Д Р А чпимъ.
 Иной колѣни преклоняетъ;

Отъ сердца глубины взываетъ ,
 Да Вышній вѣкъ ЕГО продлишь .

*

Тамъ нѣжны матери желаютъ ,
 Себя усердемъ опличить ;
 Вкругъ дому рощи насаждаютъ ,
 Чтобъ память дней благихъ продлишь ,
 Чтобъ съ ними дѣти ихъ възрастятъ ,
 Въ шѣняхъ ихъ юныхъ дѣтъ играя ,
 Святилищемъ мѣста шѣ чли .
 Опцы ко Олшарю приходятъ ,
 И къ клятвамъ сыновей приводятъ ;
 По вѣрѣ - бѣ Царской Тронъ блюди .

*

О! коль преславно гдѣ шакъ любятъ ,
 Народы своего Царя ,
 Гдѣ рвеніе къ нему сугубятъ ,
 Неложной вѣрностью горя .
 О! коль Монархъ достоинъ славы
 Хранящій истинны уставы ,
 Въ народѣ вѣренномъ ему ;
 И свято соблюдая льгошу ,
 Съ судомъ спрягающій щедрошу ,
 Подвластный здоровому уму .

*

О, А Л Е К С А Н Д Р Ъ ! надежда Россовъ ,
 Давно пишавшая сердца ,
 Какихъ Т Е Б Ъ еще колоссовъ ?
 Какого на главу вѣнца ?
 Какого смѣло вопрошаю ,
 Какъ о Т Е Б Ъ мольбы внушаю ,

И вижу всѣхъ къ ТЕБѢ любовь.
Конечно пошлѢ ТЕБѢ неравенѢ,
Кто лаврами побѣдѢ лишь славенѢ:
Ихъ обагрила смерсныхъ кровь.

*

ВеликѢ ТЫ пѣмѢ, что на престолаѢ,
ВѣнцемѢ украшенный златымѢ!
Но ты спократѢ пѣмѢ щастливѢ болѢ,
Что Благосшью ТЕБЯ мы чшимѢ.
ВѢ ТЕБѢ зря Ангела вѢ коронѢ,
И добродѣтели на ТронѢ,
БлагословляемѢ часть свою.
МонархѢ! ТВОЕЙ душой плѣненный,
НароднымѢ кликомѢ восхищенный,
ТВОИ доброты здѣсь пою.

*

Свершай преславное печенье
ТВОИХЪ безцѣнныхъ РоссамѢ дней;
ЗаславѢ благословляшъ правленье,
Державы щедрыя ТВОЕЙ.
Твори для важной сей причины,
По сердцу все ЕКАТЕРИНЫ;
Да какѢ ТЫ началѢ, кончишѢ такѢ.
Да тѢ надежды не исчезнушѢ,
ВѢ сердцахѢ воспорги не замерзнушѢ,
Которы вѢ насѢ родилѢ ТВОЕЙ зракѢ.

*

О, АЛЕКСАНДРѢ! ТЫ самѢ свидѣтель,
Колико добрый Царь любимѢ,
Сладка колико добродѣтель,
Когда ее на ТронѢ зримѢ.

Не ослабляй СВОИХЪ ТЫ правилъ,
 Которыми уже заставилъ,
 Въ началъ Царства ТВОЕГО,
 Благословляшь ТЕБЯ спокрашно.
 Такъ только царствовать пріятно:
 И жить пріятно для сего.

*

Еще ТЫ младъ и можешъ много,
 Для подданныхъ добра шворишь.
 Царей народы судяшъ строга,
 Чшобъ съ большимъ жаромъ ихъ любитьъ.
 Льстецы - жъ щекопяпъ слухъ хвалами,
 И путь Царевъ покрывъ цвѣтами,
 Опасну сѣшь скрывающъ въ нихъ,
 Да въ ней погубяшъ добродѣтель:
 Тому попомство есть свидѣтель;
 И ТЫ брегись льстецовъ такихъ.

*

Брегись, и буде знать желаешъ,
 ТЫ судъ народный о СЕБѢ,
 Какъ днесъ ТЫ ихъ хвалы внимаешъ
 Лешяци въ радостяхъ къ ТЕБѢ,
 Коль тѣжъ и впредь услышишъ звуки,
 Тогда подвемля къ Небу руки,
 Возвеселись въ душѢ СВОЕЙ,
 Чшо образа Творца вселенной,
 Въ С В О Е Й особѣ освященной,
 Не помрачилъ ТЫ въ жизни сей.

П О С Л А Н І Е.

К Ъ * * *

Философамъ шеперь ешь въ правду чѣмъ
заняшья;

Европа въ новый вѣкъ явила новый свѣтъ.

Другіе нравы зримъ, права иные чпяшья;

Оставивъ старое всякъ къ новому лишь льнешъ.

Ругашья стали днесъ прошедшими дѣлами;

Умъ мыслишь иначе и видишь глазъ не шакъ.

Французы всемъ вершашъ какъ будшо бы щепами;

Европу покорить имъ кажешья пустякъ.

Девяшый надесять вѣкъ слишкомъ громко славяшъ,

Оснадцашый спремья умалишь передъ нимъ;

Рѣшишельно сей вѣкъ впередъ Великимъ спавяшъ (1);

Однако подождать съ рѣшеньемъ было - бѣ симъ.

Великіе дѣла велики не въ началъ.

Извѣстнымъ вѣкъ талантъ Акпера не шворитъ (2)

Чшо было видѣли; еще чшо будетъ далъ,

Увидимъ мы и шо, иль поздный свѣтъ узритъ.

(1) См. Вѣстникъ Европы Но 17, стр. 50.

(2) Во многихъ періодическихъ листкахъ выхваляють ше-
апральные дарованія людей, занимающихъ во Франціи ва-
жнѣйшія мѣста: великія ихъ на шеапрѣ дарованія не
помрачаютъ еще славы прошедшаго вѣка, въ кошоромъ при
великихъ Государяхъ, мудрыхъ вельможехъ, и знамени-
тыхъ полководцахъ были и славные актеры; но никогда сіи
не заступали перьвыхъ въ Государствѣ мѣстѣ, а шѣ умѣ-
ли ошдавать имъ справедливость, ободряшъ ихъ дарованія
не унижая мѣста, званія и лица своего. Ушѣхи и заняшя
ихъ были инаго роду.

Братъ сполькожѣ на себя на хвастовство похоже.
 Ъзжали умники и прежде рысью пожѣ,
 Лишѣ неудача ихѣ была видна на рождѣ;
 Яснѣ солнца ихѣ тогда являлась ложѣ.
 Возрѣимѣ мы на дѣла великихѣ сихѣ Героевѣ;
 Сравнимѣ сѣ прошедшими мы наши времена:
 Кто днесѣ сѣ Румянцовымѣ сравнится среди боевѣ,
 Отѣ коего меча тряслась враговѣ спрана?
 Мы зримѣ ли Конде днесѣ? Гдѣ Морицы, Тюренны?
 Усердный Кейсѣ гдѣ? Гдѣ Малборугѣ, Лаудонѣ?
 Великій духѣ полки Царямѣ поработенны,
 Могѣ сильными пворить, имѣ давѣ войны законѣ.
 Огонь - ли вольности воспламенялѣ ихѣ брани?
 Спремились - ли они попрашѣ престолѣ Царей?
 Когда жѣ могли они рабамѣ дашѣ мощны длани,
 Вѣщай, чшобѣ сдѣлали средѣ грозныхѣ нашихѣ дней?
 У ногѣ бы ихѣ враги иль жизнь иль смерть прѣяли;
 Сѣ оливой лавра бы для нихѣ вездѣ цвѣли.
 Твердыни новыхѣ царствѣ изѣ праха бы воспали,
 Ознаменованы побѣдами земли.
 Лилася вѣ наши дни народовѣ кровь рѣками,
 И также свѣтѣ гремѣлѣ Героевѣ похвалою;
 Цари сражаяся сѣ прошивными полками,
 Упрашой правѣ своихѣ снискали свой покой,
 Робѣя, у враговѣ просили лишь пощады,
 Оставя вѣ робости свои богатства имѣ.
 Спремительно тогда Владыкѣ упали грады;
 Со скипетромѣ вѣнцы вѣ пыли лежащи зримѣ.
 Изѣ края вѣ край лешя, вѣщала звучна слава,
 Ироевѣ Франціи великія дѣла.
 Посмотримѣ, чшо виной Царей погибша права,

И зависть между ихъ какъ Францію спасла.
 Соперничества духъ распоргнулъ ихъ союзы;
 Австрійскія Князья спрашась враговъ своихъ,
 Но рабства не спрашась, ослабили тѣ узы,
 Отъ коихъ происпечь могла - бѣ вся польза ихъ.
 Въ Италіи равно зримъ слабыхъ и припворныхъ,
 Цѣлющихъ Кокардъ какъ шуфель передъ симъ.
 Аддиджъ, Арколь и По побѣговъ слѣдъ позорныхъ,
 Республиканцамъ путь открыли въ гордый Римъ.
 Смущенный Албіонъ среди побѣдъ и славы,
 Твердъ пребылъ, сохраняя Филипова совѣтъ:
 „Въ войнѣ даютъ серебромъ какъ силою ушавы.“
 Однако онъ не могъ купить имъ цѣлый свѣтъ.
 Велики замыслы онъ оставлялъ безъ дѣйства,
 А наконецъ и онъ фортунѣ уступилъ.
 Не рѣдко намъ шеапръ войны являлъ злодѣйства,
 И ихъ по временамъ геройствомъ всякой чшилъ.
 Единъ отважный духъ Европы взвѣсилъ силы;
 Афинянь нозыхъ онъ лишъ въ битвахъ хвалъ искалъ;
 Летяще щасіе умѣлъ поймать за крылы;
 Единымъ угождалъ, другихъ онъ поражалъ.
 Какъ АЛЕКСАНДРЪ другой принявъ полетъ ор-
линый,
 Съ профей на профей спупалъ какъ нѣкій Богъ.
 Алкая - же доспичъ верховныя судьбины,
 Надмѣнный духъ гражданъ смягчишь онъ миромъ
могъ.

Дая мечшами имъ пока играютъ по волѣ,
 Республикѣ онъ зналъ какъ дать Монархій видъ;
 А тѣмъ Наполеонъ Бурбоновъ на престолѣ,
 Подъ властью Консула власть Царскую хранилъ.

Едина Галламъ тѣнь осталася свободы;
 Разрушены древа, слезѣли шапки вdrugъ,
 Въ которыхъ вольности знакъ видѣли народы:
 Ахъ! знашь для вольности еще ихъ низокъ духъ.
 Гордыня, пышность, блескъ и роскоши забавы,
 Отъ вольности прямой, какъ свѣта мракъ, бѣгутъ.
 Раченье, простота и истинны усавы,
 Одни пр свѣшлый тронъ ея, какъ львы, спрегутъ.
 Слѣпшъ лучъ Вольности глаза, какъ наши, бренны;
 Сіюшъ Ангелы ея лучемъ, не мы.
 Кричатъ, я слышу: вотъ свободы плодъ безцѣн-
 ный!....

Адъ внутрь ея кипитъ, она, есть царство тьмы.
 Гласили намъ ея Руссо, Рейналь какъ Бога!....
 Отъ нихъ - то столько золь, отъ нихъ толико бѣдъ.
 И подлинно у насъ ихъ добродѣтель спрога,
 Мечтой пребудетъ въкъ: ихъ свѣтъ рабамъ во вредъ.
 Почшишь кто указалъ вамъ буйство за свободу?
 Ехидны злодѣи ставъ, ея-ль тѣмъ стали чпшшь?
 Разсудокъ разврашя ей лили кровь въ угоду,
 А крошосъ. . . гласъ ея, вы щцились заглушишь.
 Такія люшости съ свободой несомѣстны.
 О! коль сей переломъ ужасенъ можетъ бышь.
 Ругательствы тебѣ, о Вольность! повсемѣстны:
 Ашшилъ всѣхъ варварствомъ хопятъ тебя язвись.

Вотъ плодъ побѣдъ, и лишъ измѣнъ и крамолъ
 Обязанъ славой Галлъ, обязанъ бышiemъ.
 Вѣнчанья главы когда бы на престолъ
 Тѣснѣ выгоды блюли въ кругу своемъ;
 Ослабленны тогда - бѣ Французы устрашились;
 Разсѣянны, бѣжа, признали - бѣ вновь Царя.

О! вѣрно-бы тогда Герои ихъ сокрылись,
И вольность бы еще сіяла какъ заря.

Гдѣ слава истинна, сопутница Тюрена,
Отъ коея вѣнца сіялъ бы чистый лучъ?
Дадимъ-ли верехъ мы той, гдѣ взоръ разитъ измѣна?
Ея-ль прекрасенъ зракъ во тѣмѣ кровавыхъ пучъ?
Гласъ истинны святой раздастся у потомковъ;
Онъ ошдѣлитъ дѣла геройства отъ крамолъ.
Возникшій Тронъ среди Бурбоновыхъ обломковъ,
Сравнитъ, дабы явишь всю разность бѣдствъ и
золъ.

Теперь мы зримъ уже, какъ сей щаспливецъ свѣта,
У чуждыхъ согражданъ спремится власть опнять (*),
Претишь свободно имъ внутрь мыслишь кабинета,
Лишая выгодъ пѣхъ, что могъ законъ имъ дать.
Еще, еще пождемъ и не умедлимъ рабство,
Надежды пѣ сковать, для коихъ кровь лилась.
И все по узряшь шамъ, гдѣ равенство и братство,
Явились, вольностью къ опрдѣ сѣдинясь.

Нѣтъ, вѣкъ осмнадцатый пребудетъ вѣчно сла-
венъ,

А настоящій вѣкъ лишь въ поприще вступилъ:
Посмотримъ, будетъ-ли ему когда онъ равенъ;
Равняйся-жѣ сѣ нимъ пускай пока бы не спѣшилъ.
Еще мы щасптивы довольно въ наше время,
Среди опасностей, что людямъ предсоятъ,
ТЫ АЛЕКСАНДРЪ - имъ щипъ и рабства шяжю
бремя

(*) Французское Правительство пребывало отъ Англинскаго двора запрещенія писать его журналистамъ на счетъ Буонапарте и Франціи.

Опклонишь, и ТЕБЯ языки всѣ почтять.
 Любезенъ Сѣверу, священъ народамъ станешь.
 Раздоры усмиря, почпишь права людей;
 Отдавъ свободу имъ ТЫ громомъ мести грянешь,
 Сторукихъ злобы чадъ повергнешь передъ ней.
 Симъ вышше всѣхъ Владыкъ явишся на престолъ,
 И Музы въ будущемъ благословятъ ТВОЙ вѣкъ;
 Языки вознесутъ его во сладкой долъ:
 Надежда не умретъ и щастливъ человекъ.

Вотъ мысль моя тебѣ, Белявскій, сокровенна.
 Оснадацатый вѣкъ былъ и будетъ знаменитъ.
 Въ немъ истинна была на шроны вознесенна;
 Разсудокъ о правахъ народныхъ въ немъ рачитъ.
 ЕКАТЕРИНА въ немъ, Фридерикъ, Пётръ блис-
 паютъ,
 Межъ множествомъ мужей великихъ въ Царство ихъ.
 Язоны въ немъ руно златое похищаютъ.
 Какъ солнце зрятъ потъ вѣкъ въ красѣ лучей
 своихъ.
 Отъ бранныхъ подвиговъ коль отвратимъ мы взоры.
 Найдёмъ во крошотси почтенныхъ мудрецовъ,
 Съ кошорыми Цари, когда кончали ссоры,
 Умѣли забывать и шягошу вѣнцовъ,
 Любя въ бесѣдахъ шѣхъ ихъ слѣдовать уставу.
 Сей вѣкъ прошелъ! сердца объемлетъ вновь боязнь.
 Теперь внимая лишь меча и сильныхъ праву,
 Врутъ пышно, что Творецъ далъ мудрость намъ.
 казнь (*).

(*) Леклеркъ начальствовавшій надъ Французскими войсками на островѣ Сп. Доминго прошивъ Тусеня Лувершура, говоритъ въ прокламаціи на счётъ ученія Философовъ.

Ахъ! вотъ несчастный плодъ по днѣхъ войны кровавой.
 Вѣкъ девятнадцатый, сколь грозенъ твой приходъ!
 Едины ужасы являешь ты со славой;
 Лешишь и крыльями мрачишь ты свѣшлый сводъ.
 И само естество тобою ставъ смущенно,
 Концы земли прясеть, колеблетъ бездны рѣкъ (*).
 О! какъ на гибель все людей соединенно. . . .
 И се! твои дары Великій новый вѣкъ.

Если бы я долженъ былъ наказать какую область, говорилъ великій Фридерикъ, тогда ввѣрилъ бы правленіе оной Философамъ. Но Великій Фридерикъ защитникъ и покровитель философовъ былъ самъ изъ числа ихъ, вознеся философію на престолъ свой: она возложила на него вѣнецъ, которой предпочиталъ онъ вѣнцу Царскому. Нѣтъ, не дерзайте вѣнчать ему того въ правило. Философы составляли лучшую его бесѣду; онъ износилъ изъ ихъ свѣтилища потъ свѣтъ, коимъ сіялъ съ такою славой на престолъ. Онъ былъ утѣхою своего народа, но сталъ бы, можетъ быть, Карломъ XII, когда бы философія отклонила отъ чела его благошворные лучи свои. Цари, ставшіе философами, были всегда благошворителями челоуковъ. Греція и Римъ тому свидѣтели. Если бы усопшіе могли чувствовать, то прахъ Великаго Фридриха не одинъ уже разъ содрогнулся-бы отъ повпореній изрѣченія его, шолко во зло нынѣ употребляемаго Въ другомъ мѣстѣ сказано: Философы, о коихъ упоминаетъ сей Великій мужъ, не накажутъ Франціи: ибо и она имѣетъ также Великаго мужа, некущагося о ея участи. — Я увѣренъ, что естели сей Великій Мужъ Франціи, чувствуетъ всю цѣну философіи, то онъ равно чувствуетъ и всю грубость и подлость такого ласкашельства.

- (*) Начало сего столѣтія примѣчательно спрашными и повсѣмѣстными землетрясеніями, бурями и другими рѣдкими явленіями въ физическомъ мірѣ. Естество испыташели, Нравоучители, Дѣписатели сообразите вмѣстѣ наблюденія ваши, и состава изъ того цѣлое, покажите намъ новыя открытія въ шайнствахъ природы и челоука.

Философы! вашъ вѣкъ какъ солнце закатился ;
 Разсудокъ тамъ молчитъ , гдѣ мечъ законъ даетъ :
 Астреи крошкой видъ отъ смертныхъ такъ со-
 крылся ,
 Нечестіе когда покрыло цѣлый свѣтъ.

Цвѣтешъ въ природѣ все , цвѣтешъ и опцвѣ-
 шаетъ .

Умъ , сердце , красота одинъ законъ несущъ .
 Земныя Царства пожъ кончина постигаетъ .
 Ково - же смертные великимъ назовущъ ?
 Огромны замыслы вдругъ мигъ , какъ пухъ , уноситъ ;
 Изъ лука какъ стрѣла , такъ жизнь межъ шѣмъ ле-
 пилъ .

Родимся , какъ уже Кронъ длань свою заноситъ ;
 Единъ ударъ раба съ Владыкою разитъ .
 Самолюбивый духъ напрасно время шрапитъ ;
 Присвоенную власть законной чпшишь велитъ :
 Ужомъ лишь лещъ ползя ему хвалою плашитъ . . . .
 Безшпыдны-жъ похвалы прямой Герой не чпшитъ .
 Любя добро шворитъ на дѣлѣ , не словами ;
 Изъ слабыхъ согражданъ не дѣлаетъ рабовъ .
 Какъ Брутъ онъ жертвуетъ Опечеству сынами ,
 И въ ищущихъ ему цѣпей , казнишь враговъ .

Великія души , се ! свойство неизмѣнно .
 Почтенъ изъ мершвыхъ шотъ , кшо вознесенъ судь-
 бой ,
 Разсудкомъ вѣситъ все , что прочно здѣсь и шлѣнно ,
 А въ сердцѣ ставитъ храмъ лишь истинны святой .
 Великъ Епаминондъ , Отчизны правъ ревнишель ;
 Любя онъ согражданъ , о пользахъ ихъ рачилъ .
 Ему - ли равенъ въ чемъ Афинянь разврашитель ,

Надмѣнный сей Переклилъ, хоть жизнью славленъ
былъ?

Извѣстны намъ пуши спремящихся ко власти.
Единъ наружный блескъ въ дѣлахъ лишъ виденъ
ихъ;

Безжалостно влача людей ко рабской части,
Усердіемъ паящъ спременение мыслей злыхъ.

Оставимъ говорить о помѣ, что видящъ ясно,
Но потому молчащъ, что слышатъ сильныхъ гласъ.
Алча владѣшь людьми шерзала свѣщъ всечасно.
Прошедшихъ лѣщъ бѣды не научающъ насъ.

Ашиллы были, ещъ, увы! знашь будущъ вѣчно:
Раздоры вокругъ земли, какъ змѣи, облежатъ.
Тѣ щасливы одни, что жизнь ведя безопасно,
Единъ покой души, и съ ближнимъ миръ хранящъ.
Въ семъ щасіе одно всѣхъ въ свѣщъ состояній.
Другъ вѣрный совѣсть намъ и лучший нашъ вѣнецъ;
Надежда съ нею намъ пріяшна средъ мечшаній,
И не спрашищъ тогда и смерти насъ конецъ.

Мой вѣкъ пройдетъ!... Но пусть на гробъ мнѣ
напишутъ:

И я въ осмнадцатомъ жилъ вѣкѣ и мечталъ!...

Развѣютъ вѣтры прахъ, зефиры-жѣ памъ зады-
шутъ,

Аркадію себѣ гдѣ въ жизни я создалъ:

К ъ * * *.

Какъ жестоко
 Мучишь духъ
 Оренбургъ!
 Какъ далеко
 Онъ отъ Сумъ!
 Но мой умъ
 Повседневно
 Ищетъ васъ :
 И всякъ часъ
 Небо гнѣвно
 Знать даетъ,
 Что здѣсь нѣтъ
 О — — ва.
 Я бѣшусь
 И держусь,
 Чуть отъ гнѣва.
 Такъ и быть :
 Должно жить
 Въ отдаленъи;
 И мечташь,
 Духъ прельщашь,
 Въ воображенъи.
 Такъ давно
 Создано
 Все на свѣтѣ!
 Что любя
 Для себя

На предмѣтѣ
Хочешь зрѣшь;
То имѣшь
Вѣкъ не будешь:
Только мукъ
Съ нашихъ рукъ
Тупѣ не сбудешь.
Время бѣдѣ,
Тяжкій слѣдѣ
Оставляетъ;
Но какъ лучъ
Въ мракѣ шучь
Изчезаетъ:
Такъ придушъ
И мелькнущъ
Игры, смѣхи,
Всѣ мечты,
Суеши
И ушѣхи.
Грянетъ громъ,
И кругомъ
Мракъ прострется.
Въ скорбный часъ
Лишь изъ глазъ
Токъ польется
Горькихъ слезъ
Но небесъ
Тѣмъ не шронещъ.
Все згубя
Про себя
Лишь застонещъ.

Гдѣ-жѣ найши
 Намѣ пуши
 Кѣ щастью вѣрну?
 Какѣ средѣ дровѣ
 Люмый левѣ
 Гонимѣ серну:
 Такѣ бѣда
 За всегда,
 Гонимѣ смертныхъ,
 Всякѣ росметѣ
 И живетѣ
 Вѣ вопляхъ тщетныхъ.

Вѣ городахъ
 Тожѣ вѣ слезахъ
 Дни проводятѣ.
 Не покой
 Но рокѣ злой
 Тамѣ находятѣ.
 Веселясь
 И кружась
 Обольщаютѣ
 Глазѣ простыхъ;
 Но другихъ,
 Кои знаютѣ
 Ихъ тщету,
 Нищету,
 Не обманутѣ
 Какѣ цвѣтны,
 Красоты
 Скоро вянутѣ.

У дѣшей
 Нѣшѣ милѣй
 Ихѣ игрушекѣ ;
 У людей
 Нѣшѣ важнѣй
 Ихѣ пирушекѣ :
 Но пиры
 И дары
 Будѣ безмѣрны!
 Все они
 Въ шашки дни
 Кѣ намѣ невѣрны.
 Ты на пирѣ
 Цѣлый мирѣ
 Днесѣ сзываешь
 Завтра - жѣ самѣ
 Ко слезамѣ
 Прибѣгаешь ;
 Но отѣ всѣхѣ
 Какѣ на смѣхѣ
 Ты оставленѣ.
 Какѣ предѣ тѣмѣ
 Ты льстецемѣ
 Былѣ прославленѣ,
 Такѣ потомѣ
 Языкомѣ,
 Ты тѣмѣ самымѣ
 Обвиненѣ ,
 Посрамленѣ.
 Ахѣ ! съ упрямымѣ
 Видомѣ шушѣ

Только чшущь
 Щасшь пышно!
 Въ сердцѣ - жѣ вѣкъ
 Человѣкъ,
 (Хощь не слышно
 Намъ шогѣ)
 Чшищь его,
 За пустое.
 Такъ клянеть
 Цѣлый свѣтъ
 Щасшь злое!
 Но почто - жѣ
 Какъ на ножѣ,
 Такъ спремянся
 Всѣ къ нему?
 Но сему
 Такъ ошашься;
 Знашь одной
 Смерщью злой
 Покупающь
 Свой покой.

Тущь игрѣ,
 Называющь,
 Скорбны дни:
 Но они
 Давящь больно.
 Не даѣ Богъ,
 Чщобъ я могъ
 И невольнѣ,
 Такъ играшь.

Ахъ! спенашъ
По всечасно
И гласишь,
Что мнѣ жишь,
Здѣсь прекрасно,
Суца ложь:
И кого - жъ
Тѣмъ увѣришь
Я могу?
Хоть солгу,
Но умѣришь
Естьли бѣдствѣ
Нѣшу средствѣ,
Чтожъ въ обманѣ?
Все сменя
Буду я
Лишь въ извѣнѣ,
Намъ Творецъ
Внутри сердецъ
Далъ отраду.
И въ слезахъ,
И въ бѣдахъ
Въ немъ награду
Мы найдемъ,
Коль пойдѣмъ
Непорочной
Мы пропой.
Вопъ покой
Вѣрный, почной!
Но его
Для чего

Всѣ не ищущѣ
 Для утѣхъ
 Какъ на грѣхъ,
 Только рыщущѣ,
 Лишь шуда
 Гдѣ бѣда.
 Хоть, спонающѣ,
 Но шагнуть
 Въ лучшей пушѣ,
 Не дерзающѣ.
 Вотъ какъ свѣшѣ
 Въ кучѣ бѣдѣ
 Заблудился!
 Средь опвагѣ,
 Всякой шагѣ,
 Что случился
 Мчашѣ во шьму,
 Къ самому
 Смерши храму.
 Ахъ! пора,
 Для добра
 Мысль упряму
 Покидашь.

Но слагашь
 Рифмы красны
 Мочи нѣшѣ.
 Какъ сей свѣшѣ,
 Такъ несчастны
 Знашь онѣ.
 Въ пишияѣ

Лучше спану
Я гласишь,
Что васъ чшишь
Не престану.
Я шерплю,
И молю
Небо ясно
Видѣть васъ;
Но въ сей часъ
Солнце красно
Ужъ садится,
И съ тобой
Милой мой,
Тожъ проспихсь
Долженъ я.
Такъ себя
Обнимаю;
И мой духъ
Въ Оренбургъ
Пресеяю.
Рифмы - жъ прочь.
Добра ночь.

И. А. К. ну.

ВЪ ПАМЯТНУЮ КНИЖКУ.

Пускай великіе умы,
 Жить въ памяти людей желаюшъ,
 И для того себя спасаюшъ,
 Изъ челюстей временъ и шьмы.
 Увы! какъ часто дней въ шеченье,
 Какъ свѣшъ гремитъ имъ похвалой,
 Отъ нихъ далеко ушъшенье,
 Сердецъ щастливыхъ проспопой.
 Ахъ! дубы на горахъ взнесены,
 Не сущъ намъ образъ пишины;
 Не шамъ - ли молніи возженны,
 Не шамъ - ли громы собраны?
 Они падушъ на ихъ вершины,
 И вѣспрѣ межъ листьевъ ихъ ревешъ;
 Но въ недрахъ злачныя долины
 Фіалка нѣжншя, цвѣшетъ.

Такъ сердцу моему любезный,
 О, К — нѣ! ты желаешь жить,
 Чшобы въ сей крапкѣ вѣкѣ и слезный,
 Ты въ дружбѣ щастье могъ найшншь;
 И видя грозное паденье,
 Великихъ, знатныхъ предъ собой,
 Себѣ - бѣ сказать могъ въ ушъшенье,
 И я былъ щастливъ здѣсь порой.

Е м у - ж е.

Пожалуй я тебѣ въ угоду напишу
 Сколь чистою къ тебѣ любовію дышу ;
 Но можешь - ли листокъ сей бранный сохранится,
 Такъ долго, какъ къ тебѣ любовь моя продлится?

П О С Л А Н І Е.

Ты съшуешь , Филонъ, что я не выѣзжаю,
 И только Музъ однихъ въ пустынь ублажаю ;
 Страхнешь ты , чтобы не сталъ я нелюдимъ,
 По записи Руссо представленъ намъ какимъ.
 Хочу съ охотою служить тому отъѣтомуъ,
 Кому я поклялся въ душѣ любви отъѣтомуъ ;
 Хочу принести отчетъ во всѣхъ моихъ мечтахъ ,
 И не хочу почто терять свой часъ въ гостяхъ.
 Свободно объяснюсь : я презрю толки чужды ;
 Миѣ право и давно нѣтъ никакой въ нихъ нужды.
 Благодарю полямъ ! съ свободнымъ видомъ ихъ ,
 Свободу я позналъ и мыслей всѣхъ моихъ ;
 Позналъ , какъ выше бытъ сужденія людскаго ,
 И нарѣканія хоть вздорнаго , иль злаго ;
 Позналъ , что жалокъ тотъ , кто къ свѣту прилѣпясь,
 По немъ свой править нравъ , суда невѣжъ боясь :
 Не зная ладить какъ , всѣмъ угождать желаетъ ,
 И съ прашой правъ своихъ въ ихъ толкъ не попа-
 даетъ.

Нѣтъ зла, изъ коего не вышло - бы добро ;
 О семъ добрѣ пишешь взялось мое перо.
 Нещастью моему тѣмъ благомъ, я обязанъ,
 Что нуждами стѣсненъ, спалъ чувствами не свя-
 занъ ;

Что предъ богатыми спыдся бить челомъ,
 Не ползаю равно предъ знатными ужомъ.
 Что обойпись могу я безъ другихъ удобно,
 И презираю тѣхъ о мнѣ поняшь злобно,
 Которы на ровнѣ съ скопами смысломъ бывъ,
 Въ мои поступки внесъ хощя свой разумъ лживъ.
 Я знаю сильну власъ богатства надъ умами :
 Но должно - ль бышь осломъ, когда живешь съ ослами?
 Коль должно то, могу я реву ихъ внимать,
 Но для того еще осломъ не должно спать.
 Пускай богатые хоть свѣшомъ завладѣють,
 Подобно бѣдному въ гробъ сидушь и исплѣють.
 Богатства пусть при нихъ, свобода пусть со мной ;
 Имъ слава дорога, мнѣ дорогъ мой покой.
 Готовъ служить я имъ не требуя ихъ плаши ;
 Но чтобъ сковать себя не вниду въ ихъ палашы.
 Я знаю, видѣвши сей непреклонный духъ,
 Кричатъ ; надмѣвъ : упрямя и цѣлый полкъ ихъ
 слугъ,

Нещастнаго гоня, то громче повпоряють,
 И вихремъ мыслей тѣхъ народы увлекають.
 Я знаю то, но что - жъ ? ужели крашки дни,
 Сужденны безъ того исчезнуть бѣдъ въ тѣни,
 Ужель ихъ осквернишь ярмомъ невѣжъ въ-угоду
 И въ жершву имъ принесъ умъ здравый и сво-
 боду ?

Нѣтъ, нѣтъ, Филонъ, намъ жизнь не для того
дана,

Чтобъ глупостью была и рабствомъ спѣсена.
Творецъ тогда - бы мнѣ явился въ ней Тираномъ,
Величества однихъ плѣняющійся саномъ,
Другихъ несчастьями и спомомъ и ярмомъ.
Не Бога, но людей винить симъ должно зломъ,
Когда на сей землѣ шакъ спраждетъ добродѣтель,
Межъ тѣмъ, когда злодѣй, всѣхъ мерзостей содѣ-
тель,

Какъ мѣдяный колоссъ всѣхъ давитъ пятошой,
Или какъ злобный змѣй льетъ ядъ зловорный свой.
Иное положилъ Творецъ въ своемъ завѣтѣ.

Пусть поржесивуючи ликуюшъ на семъ свѣтѣ
Жестокосердые; умолкнетъ ихъ молва :
Не преидущъ съ свѣтомъ симъ Создателя слова.
На тронѣ Государь идя распушствѣ пущами,
Послѣднй человекъ передъ Его очами ;
Но бѣднй съ доброю и чистою душой,
Въ Его Свящилищѣ есть свѣтлый духъ, благой.
Я взорѣ Его съ высотъ святыхъ привлечь желаю,
Не въ людяхъ, но лишь въ Немъ богатства полагаю.

Не въ людяхъ, внутрь себя хочу я рай создать,
И самъ себя казнишь, и самъ себя прельщаешь.
Съ покойной совѣстью и буря не ужасна,
Но съ бурей въ душѣ не видно солнца ясна.
Хоть цѣлый свѣтъ вопи, спокоенъ, зло поправъ,
Хоть цѣлый свѣтъ хвали, пы виненъ, коль неправъ.
Внутри сердца что-то есть, что нашихъ дѣлъ сви-
дѣтель,

И казни и наградъ бываетъ намъ содѣтель.

Есть что-то въ насъ чего не власны заглушить ,

Дабы въ злодѣйствіяхъ могли спокойны быть ;

Чего у бѣднаго опнять не въ силахъ власти ,

И съ чемъ охотно онъ зло шерпитъ и напасти ;

Такое, что - то есть , что послѣ грозныхъ тучъ ,

Въ дали являетъ благъ зари всходящей лучъ .

Вотъ въ чемъ проходишь здѣсь мое уединенье !

Оно мой щитъ въ бѣдахъ , мой вѣрный другъ въ
шерпнѣхъ :

Межъ нимъ и обществомъ людей я прежде жилъ ;

Быть можешь скоро, бы его я позабылъ ;

Но люди правоту сердечну оскорбили ,

И съ нимъ меня на вѣкъ ко щасью примирили .

Уединеніе ! о , коль прекрасно ты ,

Для свергнувшихъ съ себя оковы суестьи .

Кто любитъ жить съ тобой , прямой шотъ другъ
природы ,

Ревнишель истинны , душевныя свободы .

Противъ того жотъ воспанъ и цѣлый свѣтъ ,

Онъ въ мирну сѣнь твою вошедъ , покой найдетъ .

О , какъ прещасливъ я несчастьями моими ! ,

Что люди оскорбивъ мой духъ дѣлами злыми ,

Противу чаянья доставили мнѣ то ,

Предъ чемъ и самый Тронъ мнѣ кажется ничто .

Пускай Клеантами щасливцы окружены ,

И шумной роскошью въ забавы погружены ,

На то приводятъ въ мысль мой бѣдный вѣкъ и кровъ ,

Чтобъ разумомъ блистать въ собранъ оспряковъ :

О нихъ тогда забывъ , мечты я создаю ,

И въ полной радости слезъ шоки проливаю .

Мигъ каждый рай несетъ, мигъ каждый льетъ во-
спорѣ;

Оставленъ, но со мной природа, Лира, Богъ.
Въ движенъи чувствва всѣ и мысли всѣ въ движенъи;
Мой разумъ, сердце, духъ въ священномъ испу-
ленъи,

Блаженство на земли вкушаютъ каждый часъ.

Люблю, я слышащъ швой, Филонъ, сердечный
гласъ;

Но въ обществѣхъ чего пойду искащъ огромныхъ,
Всегда зависливыхъ и праздныхъ и нескромныхъ,
Гдѣ подъ личиною добротъ намъ зрящся всѣ,
Въ наружной для очей являюща красъ:

Гдѣ отъ себя лишь ждущъ всегда подобоспрасья,
Коль съ ними равнаго ты не имѣеши щастья;

Гдѣ при учтивостяхъ и ласкѣ ихъ къ тебѣ,
Не долженъ забыващъ о бѣдной ты судьбѣ;

Гдѣ вольность малую хотя и позволяютъ;

Но шѣмъ на похвалы швой даръ они склоняющъ;

Гдѣ спольке правду чшишь и спрогимъ бышь велятъ,

Колико свойства шѣ спрасьямъ ихъ не вредятъ;

Гдѣ пребуютъ, чшобы явля къ нимъ покорство,

Ты чшилъ за истинну ихъ самое припворство,

И чшобы съ ихъ лица личины не скидалъ;

Зло видя и его добромъ бы называлъ;

Чшобы чинъ чиномъ все тамъ было непремѣнно,

И даже съ шумомъ ихъ бы поступалъ почшенно;

Умильно слушалъ - бы какъ бредятъ пышно вздоръ,

И мудростью считалъ ихъ глупой разговоръ;

Съ воспоргомъ выхвалялъ ихъ лакомое блюдо,

Признавшись, для себя оно прямое чудо.

И словомъ, чтобы ты по дудкѣ ихъ плясалъ,
 Пустымъ свой здравый смыслъ, умомъ ихъ глупость
 звалъ?

Оставимъ обществу, гдѣ общаго такъ мало!
 Кошь чистый умъ имѣшь безумствомъ нынѣ спало,
 То пусть они права дурачества храня,
 Съ свободою одной оставляшь лишь меня.
 Конечно часть моя, поль скудна, имъ не видна,
 Но съ глупостью и ихъ мнѣ такъ же незавидна.
 Изъ мирна своего уединенья зрю,
 Ничтожность ихъ богатствъ и ко Творцу парю,
 Въ воспоргахъ радости, въ сердечныхъ возношеньяхъ,
 И благоспи Его я славлю въ пѣснопѣняхъ.

Вопъ дома для чего я лучше быть хочу,
 И для чего въ толпу порочныхъ не лечу.
 Противурѣчя людскія мнѣ досадны:
 Пенаты - жь, и поля и Музы мнѣ оправдны;
 Межъ ними раздѣленъ, не вижу я часовъ;
 День крапкимъ кажется среди моихъ трудовъ.

Ты самъ шеперь, Филонъ, моихъ словъ правду
 видишь,
 И общества людей безнравныхъ не навидишь.
 Я знаю, общества пріятны могушь быть,
 И могушь къ щасію семей равно служишь,
 Гдѣ - бь всякой чувствовалъ благоприсстойность,
 нравы,
 И чловѣчества и вѣры чпилъ ушавы;
 Гдѣ - бь сердце доброе и былъ шалантъ почтенъ:
 Но гдѣ - же намъ искашь почтенныхъ сихъ временъ,
 Когда въ достоинство бесѣдъ шо вмѣнялось,
 Чтобы дружелюбіемъ все въ оной содержалось?

Прошли, Филонъ, прошли благополучны дни,
 Когда достоинства душевные о дни,
 Священнымъ для людей залогомъ сохранялись.
 Мы чужь-ли не навѣкъ съ тѣмъ временемъ разспа-
 лись.

Продерзость, буйство днесъ, соблазны всѣхъ родовъ,
 И пьянство гнусное... вотъ нынѣшнихъ умовъ,
 Вседневныя почти забавы, упражненья:
 Такія - ль могущъ бытъ пріятны утѣшенья?
 Нѣтъ, естли кпо одинъ не можетъ жить съ собой,
 Бѣги потъ въ шумный свѣтъ за вѣтренной шолпой:
 Но для ково мила природа, Лира стройна,
 Тотъ хочетъ, чтобы жизнь его была спокойна;
 Бѣжа потъ суеши и жизни бурной волнъ,
 Гдѣ-бъ ни былъ онъ, всегда своихъ занятій полнъ;
 И свѣта на краю когда-бъ онъ былъ оставленъ,
 И тамъ отъ скуки онъ былъ вѣрно бы избавленъ;
 Нашелъ бы радости тамъ въ сердцѣ онъ своемъ,
 Которыхъ не найдущъ безумцы здѣсь ни въ чемъ.
 Такъ, сей щастливецъ лишь, чѣмъ дни проводитъ
 пише,

Тѣмъ рока самага бытъ кажется онъ выше.
 Простерши умный взоръ на рядъ прошекшихъ дней,
 Начало и конецъ объемлетъ жизни сей;
 Предѣла общаго безъ страха достигаетъ;
 На гробный прагъ тогда съ весельемъ наступаетъ;
 Покинувъ за собой житейску суету,
 Небесныхъ, вѣчныхъ благъ восходитъ въ вышю.

П Е Р Е В О Д Ъ.

ИЗЪ ПИСЬМА

отъ Г. Вернепа.

Щасливъ, кто родины своей не покидаешъ
 И крова и любви по гробъ не премѣняешъ.
 Имѣвъ спокойный духъ, доволенъ бывъ всегда;
 Не льспишъ превратной онъ Форшунѣ никогда;
 Предметами во кругъ любяся сердечно,
 Въ улыбкѣ рока зришъ онъ щастье безконечно.
 Какъ мирныхъ жителей судьба завидна мнѣ!
 Подъ бѣднымъ кровомъ ихъ шекушъ дни въ пишинѣ.
 Унынья мрачнаго и скукѣ они не знающъ,
 Которы духъ шомяшъ и бытїе снѣдающъ.
 Природы красоты ихъ окружающъ кровъ,
 Гдѣ нѣшъ ни робкаго искуства, ни шрудовъ.
 Покой ведешъ ко сну, и шяжки угрызенья,
 Въ ихъ ложе швердое не вносяшъ возмушенья.
 Къ мученїямъ заря не пробуждаешъ ихъ;
 Несноснымъ бременемъ не чшущъ заботъ своихъ;
 Довольны симъ часомъ, ихъ будущій прельщаешъ;
 Воспоминанїе ихъ щастья не смущаешъ.
 Благополученъ шощъ, кто здравый смыслъ хранишъ,
 Дневныя должности прїятымъ бременемъ чшишъ.
 Кто сердцу пагубныхъ заботъ имѣшъ спрашишся,
 Но благо истинно найши въ лѣсахъ стремится:
 Покой есть частъ его, и щастьемъ упоенъ,

Въ ничтожности забавъ мятежныхъ убѣжденъ,
Онъ добродѣтели въ душѣ вкушаетъ сладость;
И мысль, шворишь добро, въ немъ умножаетъ ра-
дось.

Природу любитъ онъ, но смертнаго бѣжитъ,
Въ комъ пѣсный умъ, развратъ и вѣроломство
зритъ.

Возри на сихъ рабовъ, которыхъ обольщенны,
Въ безумной слѣпотѣ страстямъ порабощенны:
Печаль снѣдаетъ ихъ, укоры ихъ грызутъ,
И позно въ вихрѣ бѣдъ они по познаютъ
Сколь суешенъ сей свѣтъ и сколь для насъ не-
вѣрны,

Надежды смертнаго и блага всѣ чрезмѣрны;
Сколь мудраго судьба различнѣй и вѣрнѣй,
Отъ заблужденія укрывшагось людей,
Которое сердца и разумъ возмущаетъ!
О бѣдствахъ слѣпоты шутъ, слезъ не проливаетъ:
Но свято мудрая природы чтя законъ,
Чистѣйши радости вкушаетъ въ сердцѣ онъ.
Спокойный вѣкъ его какъ шоржество проходитъ;
Ни старость, ни конецъ въ боязнь его не вводитъ.

О Т В Ъ Т Ъ.

Спихи, кошорыми меня пы удостоилъ,
 И коиxъ сладостью унылый духъ покоилъ,
 Въ пущынѣ, гдѣ живу, къ оспрадѣ получилъ,
 И дружества имѣ вздохъ и слезы посвятилъ.
 Мечпы пріятныя предспали въ шо мгновенье,
 Прельщалося коими мое воображенье.
 Какъ часто прекрасныхъ зрѣлице, свѣшлыхъ дней,
 Я мнилъ найти въ поляхъ и въ обществахъ людей.
 Но грозны опышы пришпи не укусибли,¹
 А съ ними въ сердцѣ всѣ мечпы осиротѣли.
 Ошѣ общества людей людъми ошпоргнушѣ я,
 И ахъ! на часть мою мнѣ не даны поля.
 Любя и смершнаго, любя природу спрашно,
 Лишенный обоихъ, живу, живу несчастно:
 Лишенный, говорю, за шѣмъ, что межѣ людей,
 Не вижу правды я, не вижу и друзей;
 Съ полями-жѣ не могу жить вѣчно по желанью;
 Сей день я вижу ихъ, но къ пуцему перазанью,
 На завпра сильною рукой судьбы влекусь,
 Во градѣ, гдѣ вѣ горесняхъ и день и ночь шомлюсь.
 Такъ жизнь моя печешѣ! въ сей участи шѣснен-
 ной,
 Мнѣ мнишся, что одинѣ я спражду во вселенной.
 Печаль лишь на груди лежитѣ какъ люшый змѣй,
 И кровь мою шоча, шучивешѣ лишь ошѣ ней;
 По угрызениямъ ея часы я числю,
 И о спокойшви сей жизни шщешно мышлю.
 Умѣ, сердце, чувство, вкусѣ спремяшся рай создашѣ,

Но злобный рокъ великъ въ спраданьяхъ адъ познашь.
 Чувствительность на шо дана мнѣ въ низкой части,
 Чшобъ чувствовалъ сильнѣй благъ прашу и наласши.
 Воображеніемъ взношуся къ облакамъ,
 И въ мигъ я прехожу къ мучительнымъ бѣдамъ,
 Забвеніе на часъ занявъ меня мечтами,
 Въ храмъ щастія ведешъ однихъ пріятшсвъ пугами,
 Но вдругъ пришедъ въ себя зрю бездны подъ собой,
 Грозящія пожрашъ послѣдній мой покой.
 Какъ въ вечеръ блескъ зари еще прельщаетъ око,
 Хотя уже въ поляхъ мракъ ночи легъ глубоко:
 Такъ мнѣ опрадъ въ дали свѣтъ слабый только
 льстишь,
 Межъ шѣмъ какъ вокругъ меня мгла бѣдствія лежитъ.
 Сокрылись радости и удалились смѣхи;
 Единый скорбный стонъ въ лѣсахъ разносяшъ Эхи:
 Лишь Музы въ чашу золь опрады сладость лющъ,
 И Лиру спройную съ улыбкой подають.
 Пріятна Лира мнѣ; на ней я безъ искусства,
 Передаю друзьямъ мои сердечны чувства.
 Съ ней возраждаюся къ блаженной жизни вновь,
 И пламеннѣй горипъ во мнѣ къ полямъ любовь.
 Пріятнѣй съ ней лѣса и рѣки и долины,
 И селы легкихъ горъ облекшія вершины,
 Ты коими прельщенъ и кои пы воспѣлъ,
 И коихъ такъ шебъ завиденъ спалъ предѣлъ.
 Достоинъ пы его: но ахъ! не въ нашей волѣ,
 Природы въ нѣдрахъ жинь и Флоры на престолѣ.
 Къ нещасью въ свѣтъ такъ, что грубый человекъ,
 Природы первый врагъ проводитъ съ ней свой вѣкъ;
 Кто - жъ ею нѣжится, кто добръ, кто вкусъ имѣетъ,

Тотъ водворитья въ ней и думать не посмѣетъ.
 Обезображенны природы красоты ;
 Одни спяженія шворяшъ въ поляхъ мечты.
 Приюта нѣжныхъ птицъ, гдѣ вы, о грозны дубы ?
 Пожрали васъ виномъ курящіеся кубы.
 Свирѣпый властелинъ, свирѣпѣй бурь, грозитъ,
 И красоту вѣковъ несмѣтныхъ вдругъ разитъ.
 Средь мирныхъ поселянъ, какъ гладный волкъ, онъ
зрится,
 Угрюмый взоръ его ихъ кровію дымится.
 Вошце цвѣтны хотяшъ его прельстится красой ;
 Исполненъ духъ его прибышковъ сушой.
 Когда - же на лицѣ взоръ свѣшлый и проглянетъ,
 Какъ въ пучахъ солнца лучъ : по громъ сильнѣй
лишъ грянетъ.

Вотъ улыбаются предъ кѣмъ луга, поля !

Какъ рѣдко щаслива бываетъ кѣмъ земля.

Щасливъ однакошъ, кто мигъ ушѣхой чи-
слитъ,

И кто о щастіи тебѣ подобно мыслитъ ;
 Кто наслаждается веселыхъ роцъ въ шѣни,
 А добродѣтели всѣ посвящаетъ дни ;
 Кто нравами свая свое уединенье,
 Въ природѣ и въ себѣ находитъ ушѣшенье ;
 Кто о добрѣ рачитъ и ближнихъ не шѣснитъ,
 И равною ко всѣмъ любовію горитъ ;
 Надъ предразсудками возносится высоко,
 И развращенія пушей бѣжитъ далеко :
 Имѣя дѣлъ своихъ свидѣтелемъ Творца ;
 Онъ не спрашится бѣдъ, ни смертнаго конца.

Щасливѣ равно и шобѣ, кто удаленѣ природы,
 Но сердца вносишь внутрь красотѣ различны роды;
 Въ комѣ вображенія обильно для шого,
 Чшобѣ новый мѣрѣ шворишь, какѣ Богѣ, изѣ ничего;
 Кто опышомѣ узнавѣ непостоянство свѣша,
 Созидаетѣ рай себѣ изѣ каждаго предмета;
 Кто межѣ людей не знавѣ куда склонишь главу,
 Вѣщаетѣ радостно, вѣ Аркадіи живу;
 Кто року во преки всякѣ день живетѣ прѣятно,
 Хотя избѣженнымѣ сердцамѣ шю не понятно:
 Щасливѣ, кто путь шаккой вѣ сей жизни обрететѣ
 Какѣ самый ясный день шого здѣсь вѣкѣ пройдетѣ.

К Ѣ С А Ш И Н Ъ К Ѣ.

Сашинька, дѣшя прелестно!

Ты хотя еще мала,
 Но шобѣ уже извѣстно,
 Какѣ шы мнѣ, мой другѣ, мила.
 На руки шебя я взявши,
 Чувствую вѣ душѣ покой,
 И кѣ груди моей прижавши,
 Всюду бѣгаю сѣ шобой.

*

Волосы швои взвѣваюшѣ,
 Вѣшры на бѣгу моемѣ;
 Воды, роци лишь мелькаютѣ,
 Какѣ лешимѣ за мопылькомѣ.

Милы ручки обвиваешь,
 Ты вокругъ шеи моя;
 И спокрашно лобызаешь
 Что такъ пѣшу я тебя.

*

Пестрала бабочка взавьется,
 Крыльевъ золопомъ гордясь?
 Радость въ Сашѣ разольется;
 Саша къ ней бѣжитъ рѣвлясь.
 Соловешка - ль засвищетъ?
 Саша ужъ лешитъ искашь;
 Съ безпокойствомъ всюду ищешь,
 Чтобъ пѣвца того поймашь.

*

О, невинность! Ангелъ милый!
 Все тебя днесъ веселишь;
 Духъ печальный, духъ унылый,
 Радостей твоихъ не пмишь.
 Веселись душа до время,
 На зарѣ безпечныхъ лѣтъ;
 Веселись, пока золъ бремя,
 Дней прекрасныхъ не гнешь.

*

Всѣ тебя шеперь ласкають;
 Всѣ любуются тобой;
 Всѣ умильный видъ являютъ,
 Взоръ привлечь желая твоей.
 Но всегда - ль такъ будешь Саша?
 Ахъ! еще не знаешь ты,
 Сколько бѣдственна жизнь наша,
 И сколь горьки суезы.

Часто бѣгая съ побою,
 Помышляю я о томъ,
 Что когда нибудь съ судьбою,
 Будешь ты сражаться съ зломъ;
 Что по свойству человѣка,
 Ты напасть должна вкусишь,
 И въ печенье бурна вѣка,
 Люты спраси преносишь.

*

Ахъ! мой другъ, такъ помышляя,
 Я отъ слезъ едва крѣплюсь;
 Къ сердцу крѣпче прижимая
 Испустишь я спонъ боюсь.
 Но улыбкою любезной,
 И невиннымъ взоромъ вдругъ,
 Ты прервавши шокъ мой слезной,
 Облегчаешь скорбный духъ.

*

Въ тѣ мгновенья ощущаю,
 Сладость всю швоей судьбы,
 И отъ сердца возсылаю,
 Къ небу чистыя мольбы:
 Да пресвѣтлый щитъ склоняетъ,
 Надъ главой оно швоей;
 Бури бѣдствій отвращаетъ
 Мракъ опгонитъ отъ очей.

*

Да себя ты не погубишь,
 И въ невинности цвѣтнешъ;
 Добры качества возлюбишь;
 Къ щасстью машери возрастнешъ,

Да не сполько ты пльнишь
Лиць наружной красой,
Сколь прелестною явишь,
Непорочною душой.

*

О мой другъ! еще не знаешь,
Силы языка сего;
Но возрастешь и испытаешь
Правду друга своего.
Можешь быть и попадешь,
Какъ нибудь тебѣ сей спихъ,
И свѣтъ чистый разольешь,
Въ чувствахъ, отъ него, своихъ.

*

Можешь быть ты въ то мгновенье,
Какъ испустишь первый стонъ,
Ощупя въ груди вольненье,
Къ счастью узришь тьмы препонъ:
Не имѣя друга вѣрна,
Ты листочикъ сей прочтешь,
И хоть будешь грусть безвѣрна
Облегченье въ немъ найдешь.

*

То найдешь, и пока слезны,
Ты опрешь въ сей мрачный часъ,
И вспомнишь, другъ любезный,
Чей вѣщаль къ тебѣ по гласъ.
Но, увы! то можешь спастся,
Что меня не будешь зрѣть;
Солнцемъ спанешь ты прельщаешься,
Какъ я буду въ гробѣ шлѣть.

Естьлижъ Небо всеблагое,
 Нить сей жизни не прервешъ,
 О дия, дия драгое,
 Какъ шебя швой другъ найдешъ?
 О! когда-бъ я въ поздны лбшы,
 Какъ во цвбтб будешъ шы,
 Надъ тобой мои оббшы,
 Зрблб свершившися мечшы.

*

Небо дай, да шо свершится!
 Но дошолб шы играй;
 Радостей лучемб злапшся,
 Жизнь швоя дошоль пускай.
 Веселись, дни наши крапки:
 Ахб! взирая на шебя,
 Дни младенчештва, дни сладки,
 И свои вспомню я.

К О П С Л У.

Теки, о тихий Пселб! между береговъ зеленыхъ,
 Природой щедро вкругъ цвбтами испещренныхъ;
 Въ стбклб прозрачныхъ водб являй лазурь небесб,
 И гордые верхи роскошнбйшихъ древесб.
 Прекрасныя поля струями напаяя,
 И жажду сей земли въ дни знойны утоляя,
 Благовореня шы всюду изливай;
 Ко сладкимб чувствбямб сердца всбхб растворяй.

Пусть рѣки грозныя кипящими волнами,
 Снонаютъ и режутъ подъ пяжками судами;
 Пусть празднлюбцевъ шьмы на ихъ берега пекутъ,
 Иль славныя пѣвцы на лирахъ ихъ поютъ:
 Въ нихъ образъ жизни зрю блестящей, но мятеж-
 ной;

А ты влечешь меня подъ тихой кровъ, надежной;
 Склоняя духъ къ мечтамъ ты нудишь отдыханъ;
 Иль здравія себѣ въ своихъ волнахъ искаешь.
 Въ прохладны вечера и въ свѣплы, теплы ночи,
 Когда прятнымъ сномъ сомкнулся смертныхъ очи,
 По берегамъ своимъ брожу нерѣдко я,
 Желая, чшобъ какъ ты, шекла - бѣ такъ жизнь моя.
 Священна пишина, луна и круги звѣзды,
 И мрачна синева швоей глубокой бездны,
 Благоговѣнемъ объемлютъ слабый духъ,
 И возвышаютъ мысль къ Творцу въ небесный кругъ.
 Чернѣючи лѣса, ты кои обшекаешь,
 И кои въ густотѣ между деревъ мелькаешь,
 Влеча шуда мой взоръ, приводяшь въ мысль лѣша,
 Какъ спрашный ревъ швои лишь наполнял мѣста;
 Когда невѣжествомъ ужасны были годы,
 И великолѣпнѣя никто не зрѣлъ природы.
 Сие какъ вображу, шо слезы теплы лью,
 Что въ лучши времена влачу я жизнь свою.
 Такъ зрѣлица ты людямъ представляешь,
 И благодарностью ихъ чувства наполняешь.

Теки, шеки рѣка и съ шумомъ волнъ своихъ.
 Соедини и звукъ сердечныхъ пѣсней сихъ.
 Бышь можешь спранникъ здѣсь когда въ пупи ус-
 танешь,

Подъ сѣнолиственнымъ мечшашъ онъ дубомъ ста-
нетъ,

О помъ, кого тогда ему напомнишь ты;

И усладишь его душевныя мечшы.

Какъ сладкая роса въ часъ утра упадетъ,

Что влажностью своей распѣнья оживляетъ:

Такъ можешь быть и онъ мнѣ слезы посвяшитъ,

Межъ тѣмъ какъ время здѣсь и прахъ мой испребитъ.

С Т И Х И

П Р И

НАСТУПЛЕНИИ ЗИМЫ.

Время все свое имѣетъ,
Все имѣетъ свой законъ;
Нынѣ шамъ ужъ все бѣлетъ,
Гдѣ красота была прежде прона.
Тѣ деревья обнажились,
Въ коихъ вѣтвяхъ густыхъ,
Ко утѣхамъ пшички крылись,
Крылись ошъ враговъ своихъ.

*

Гдѣ зефиры прохлаждали,
Ушомленныхъ паспуховъ;
Гдѣ цвѣточки Нимфы рвали,
Веселясь среди луговъ:

Тамо вѣспры хладны дую ,
Гнушѣ верьхи деревѣ къ землѣ ;
Вѣ мрачномѣ воздухѣ бунтуя ,
Кажушѣ виды всѣ во мглѣ .

*

Такѣ проходятѣ всѣ ушѣхи ,
Сѣ шишиною красныхѣ лѣшѣ !
Какѣ прельщали игры , смѣхи ,
Сердце пакѣ печаль грызешѣ .
Мракѣ вѣ душѣ распроспранишя ,
Вздохи поколебляшѣ грудь ;
Все тогда бышѣ вѣ грусти мнишя ,
Заградя къ ушѣхамѣ пушѣ .

*

Перемѣну самѣ шакую ,
Испышалѣ я надѣ собой ;
Ахѣ ! тогда позналѣ частѣ злую ,
Какѣ смѣшался вздохѣ сѣ слезой .
Люша грусть шеперь шерзаешѣ ,
И шѣснитѣ мой духѣ всегда ;
Лучѣ надежды лишѣ прельщашѣ ,
Душу вѣ скорби иногда .

*

Скоро - ль солнце мнѣ проглянешѣ ,
Изѣ за тучѣ шоль мрачныхѣ дней ?
Или жизнь моя увянешѣ ,
Какѣ цвѣшокѣ среди степей ?
О , зима ! швой скипшрѣ желѣзный ,
Днесѣ меня не пягошитѣ ;
Вѣ горести моей шокѣ слезный ,
И весна не осушитѣ .

Бури ревѣ мнѣ спалѣ пріяшенѣ;
 Долѣ въ шуманѣ зрѣшь люблю;
 Мнѣ веселья гласѣ не вняшенѣ,
 Спалѣ сѣ шѣхѣ порѣ какѣ я шерплю.
 Длися - же зима по долѣ,
 На холмахѣ сѣдыхѣ стѣня;
 И въ злощастной, люшой долѣ,
 Утѣшай собой меня.

Ж Е Л А Н І Я.

Лѣса верхи склоните,
 И вѣшвія свои
 Вы для прохладѣ сгуспшите:
 Паспушка милая покоишся въ шѣни.
 Зефиры прохлаждайше
 Полдневные часы,
 И лишь слегка взвѣвайше
 Паспушки милья, кацѣ мягкій ленѣ, власы.
 Вы воды чисты, ясны,
 Шумите въ берегахѣ;
 И члены поль прекрасны,
 Паспушки милья омойше во струяхѣ.
 Вы пшички пойше чаще,
 Играючи самѣ другѣ;
 Какѣ можно пойше слаще,
 Паспушки милья плѣняя помный духѣ.
 Дышите ароматомѣ,
 Прелестные цвѣшы;

Въ лучахъ блистая златомъ,
 Паспушки милыя удвойше красоты.
 И ты, о ночь прохладна!
 Блаженство доверши:
 А ты любовь оправда,
 Паспушку милую отдашь мнѣ послѣши.

ТРУДНОСТЬ НАПИСАТЬ ПѢСНЮ.

Спрашно! лишь писать примуся,
 Клобъ пѣсенку когда,
 Какъ нарочно не сберуся,
 Вѣчно съ мыслями погда.
 Я перо въ зубахъ кусаю,
 И въ рукахъ его ломаю,
 Но не легче отъ того.
 Призываю въ помощь чувства,
 Всѣхъ Боговъ и всѣ искусства,
 И со всѣмъ тѣмъ ничего.

*

Естьли жъ мнѣ на нашу братью,
 Стихотворцовъ посмотришь,
 Какъ легко писнятъ печашью,
 Такъ имъ пѣсенку пропѣшь.
 Мнишь мнѣ, что за бумагой,
 Вижу ихъ со всей отвагой;
 Вижу, какъ съ пера скользятъ,
 Всѣ Амуры, ростомъ мѣлки,

И рассыпавшись какъ стрѣлки
На листочки къ нимъ летящъ.

*

Кажется, что не напишущъ,
Страсти все огнемъ горитъ;
Что слова ихъ пламенемъ дышущъ;
Что перо ихъ говоритъ.

И свое чуть кончатъ дѣло,
Ужъ летящъ къ любезной смѣло,
Нѣжну пѣсенку опдашь.

Ужъ бренчатъ они на Лирѣ,
Или голосомъ Пѣвирѣ,
Пѣснь гоповы провождашь.

*

Поцѣлуй, умильны взгляды,¹
Награждающъ ихъ за шрудъ;
Какъ ихъ пѣсни, такъ награды,
Къ нимъ легко всегда текущъ,
Я не менѣ ихъ спрасненъ:

Отъ чего - жъ я такъ несчастенъ?

Страстью къ Клоѣ я дышу,
И любви полны чувства:
Отъ чего - жъ того искусства,
Нѣтъ во мнѣ, когда пишу?

*

Ахъ! возлюбленной и слово,
Для меня такъ рѣдко здѣсь,
Что оно всегда мнѣ ново,
И услышавъ, маю весь.
Гдѣ - же взять мнѣ сполько дара,
Чтобъ предсхавить силу жара,

Коимъ шаю въ страсти я,
 Какъ почувствую, что Клоя,
 Большихъ ласокъ удостоя,
 Приголубитъ вдругъ меня?

Коль на это нѣтъ искуства,
 Словомъ объясню какимъ,
 Какъ смущаетъ Клоя чувства
 Поцѣлуемъ лишь однимъ?
 Вся душа во мнѣ мящется,
 Будто съ тѣломъ распадется;
 И коль чувствую себя,
 Чувствую лишь въ наслажденьи,
 И въ небесномъ восхищеньи,
 Что я Клоя близъ себя.

*

Ахъ! какъ слово не обильно,
 Скучно будетъ тамъ оно,
 Гдѣ такъ чувствуешь то сильно,
 Что огонь и страсть одно.
 Гдѣ вкушаютъ наслажденье,
 Тамъ какое изрѣченье,
 Можешь сердцу угодить?
 Ничего тамъ не желаютъ,
 Гдѣ другихъ ушѣхъ не знаютъ
 Какъ любить и вѣрнымъ быть,

*

Не завидны днесь мнѣ взоры,
 Клоя! вѣтренныхъ Пльниръ,
 Поцѣлуи коихъ скоры;
 Не завидна стройность Лиръ.

Вижу шамъ одно пришворство,
 И наружное покорство,
 А не спрасшь любви прямой.
 Пустьъ спрога со мною Клоя;
 Но когда бываемъ двоя,
 О! коль дорогъ часъ шакой.

*

Въ то пресладостное время,
 Вдругъ бываю награжденъ,
 За печаль и шяжко бремя,
 Чшо былъ съ Клоей разлученъ.
 Дорожа минушой кѣждой,
 И помясь любви жаждой,
 Я не чувствую оковъ.
 Пустьъ и рѣдки тѣ мгновенья,
 Но за то и наслажденья,
 Мнѣ даютьъ они Боговъ.

К ъ К л о ъ.

Какъ Клоя шы ко мнѣ всегда несправедлива;
 При всѣхъ такъ шы рѣзва; когда одна, стыдлива;
 При всѣхъ шы вѣпренна; когда - жѣ со мной одна,
 Такъ на бѣду мою шы черезъ чуръ умна;
 При всѣхъ гошова шы во всѣмъ мнѣ покорисься;
 Когда - жѣ одна, шебѣ гошовѣ лишь я дивисься;
 При всѣхъ виню я швой непосшянный нравъ;
 Когда - жѣ одна, шо зрю, что я одинъ неправъ,
 И лишь нещастнѣйшимъ назвать себя желаю,
 Не вольно я себя щасшливцемъ называю.

Я Кляю чувствую сколь шупъ любовь сильна,
 Коль съ добродѣтелью въ согласіи она.
 Ахъ! ешьли-бы тебѣ по болѣ равныхъ было,
 То щастіе ояшь на землю бы вступило.

КЪ НЕЙ - ЖЕ.

Ты Кляю мнѣ швердишь, о, коль любовь ужасна!
 Въ жестокомъ сердцѣ шакъ, и я согласенъ въ шомъ;
 Но въ сердцѣ, Клоюшка, швоемъ,
 Та самая любовь, мила, вѣжна, прекрасна:
 И ешьли шу любовь въ тебѣ шомъ признаешь,
 Кого ша самая любовь, увы! шезаетъ,
 Конечно, Кляю, цѣлый свѣшъ,
 Любовь въ тебѣ шу назоветъ,
 Такой любвию, кошорая пишаетъ
 И сердце услаждаетъ;
 Опнюдъ же не шакой,
 Кошорая собой,
 Лишь шолько ужасаетъ.

КЪ ЛИЗЪ.

Коль взоромъ лишь зашгла шы, Лиза, шрасше
 въ крови,
 Чшожь бѣдетъ отъ любви?

КЪ НЕЙ-ЖЕ!

Ты жалость, Лизанька, имѣешь,
 О пѣхъ, которые лишаюшся ума:
 О! какъ-же обо мнѣ ты Лиза пожалѣешь,
 Коль будешь зла сего причиною сама?

П Ъ С Н Я.

Сердце бѣдное ты снова,
 Начинаешь ужъ шалить,
 Видишь Саша какъ сурова,
 А ты хочешь все любить.
 Иль еще ты не довольно,
 Испытало части злой?
 Ахъ! оцять какъ будешь больно,
 Что мнѣ дѣлать ужъ съ тобой?

*

Коль спокойно, такъ разсудку,
 Ты не внемлешь никогда;
 Принимаешь все за шупку,
 Далеко когда бѣда.
 А въ бѣды какъ попадаешь,
 Отъ упрямства своего,
 Ты - жь разсудокъ обвиняешь,
 Въ шой оплошности его.

Сердце бѣдное, уймися;
 Ахъ! послушай ты меня:

Саши , Саши берегися
 Будшо поломя , огня.
 Саша чѣмъ шебѣ милѣе ,
 Чѣмъ любовь швоя сильнѣй ;
 Тѣмъ швоя и гибель злѣе ,
 Тѣмъ мученія вѣрнѣй.

*

Все напрасно ! не внимаешъ ,
 Сердце голосу сему ;
 Сашу сердце обожаешъ ,
 И не вѣришъ ничему .
 О , любовь ! въ напаси новой ,
 Сердцу въ помощь поспѣши ;
 И надъ Сашею суровой ,
 Ты побѣду доверши .

 II.

Философствоваль довольно ,
 На вѣку своемъ и я ,
 И хошь было сердцу больно ,
 Я смѣялся про себя .
 Вижу , вижу заблуждене ,
 Вижу глупость я мою ;
 Не философвъ ученье ,
 Но любовь шеперь пою .

*

Я пою любовь и Клоу ;
 Клоя и любовь одно ;
 Смѣйся книжникъ надо мною ;
 Надъ шбой смѣюсь равно .
 Вижу , вижу , и прочь :

Хоть ты прозой иль стихами,
 Напили прошивъ меня;
 Повѣрѣй любви стрѣлами
 Защищаться буду я.
 Вижу, вижу, и прочь:

*

Хоть ученымъ всемъ соборомъ,
 Заклинайше спрасъ мою,
 Презирая вашимъ вздоромъ,
 Къ Клобъ спрасъ я воспою.
 Вижу, вижу, и прочь.

*

Клоя мнѣ глаза открыла;
 Клоя душу мнѣ дала;
 Клоя разумъ просвѣтила,
 Клоя сердце опняла.
 Клоя сняла заблужденъе,
 И лишь Клоей я дышу;
 И Философовъ ученъе,
 Клобъ въ жертву приношу.

III.

Долго, долго я смѣялся,
 И Амура презиралъ;
 Глупымъ людямъ удивлялся,
 Коихъ онъ обворожалъ.
 Можно - ль спашься, чтобъ игрушкой,
 Я ему когда служилъ,
 И плѣняяся пашушкой
 До дурачешва любилъ?

Много вишь цвѣтчиковъ красныхъ,
 Сколько хочешъ, сполько рви;
 И въ ушѣхахъ повсечасныхъ,
 На свободѣ лишъ живи.
 Мопылькомъ вкругъ ихъ лешая,
 Аромашы извлекай;
 И оковъ любви не зная,
 Самъ Амура побѣждай.
 Такъ я мыслилъ долго время,
 И покой овечекъ пѣлъ;
 И не вѣдавъ жизни бремя,
 Бышь щаспливымъ вѣкъ хотѣлъ.
 Но Амуръ, Амуръ смѣялся,
 И съ усмѣшкой злобной вдругъ,
 Лукъ направивъ попытался,
 Чшобъ извѣдать, швердѣ - ли духъ?
 Онъ направилъ и въ мгновенье,
 Грудь мою пронзилъ стрѣлой:
 Съ тѣхъ поръ горешъ и мученье,
 Истребили мой покой.

 IV.

Я свободою гордился,
 Презирая всякой плѣнъ;
 Ею духъ во мнѣ крѣпился
 Люшыхъ посреди премѣнъ.

*

Радъ съ Богами былъ сразиться,
 За нее весь міръ попрашь;

И не прежде покорисься,
Какъ прешавъ уже дышашъ.

*

Съ жалостью, равно съ презрѣньемъ,
На толпу взиралъ рабовъ,
Коиxъ участь мановеньемъ,
Правилась земныхъ Боговъ.

*

Но, увы! какою силой,
Гордый духъ окованъ спалъ;
Взглядъ единый, взглядъ лишь милой,
Ко стыду очаровалъ.

*

Ко стыду! . . . . но ахъ! напрасно,
Жаръ кипитъ еще въ крови,
Чувствую я повсечасно,
Что спалъ плѣнникомъ любви.

V.

Тщешно сердца къ облегченью,
Я зову разсудокъ свой,
Сердце бьется лишь къ мученью,
Пошрявъ давно покой.

Сердце стонешъ,
Но не пронешъ,

Ни природы, ни людей.

Лишь въ минушы,

Горьки, люшы,

Слезы лютяся изъ очей.

Я желалъ бы только скрыться,
 Скрыться далѣе отъ всѣхъ,
 Чтобы могли бы испребитъся,
 Даже мысли всѣхъ утѣхъ.

Чтобы въ печали
 Не мѣшали,

На свободѣ горевашь.

Пусть въ пустынѣ
 На единѣ,

Спалъ бы съ вѣтрами стенашь.

*

Что перяю невозвратно,
 Ту рождаетъ мысль во мнѣ.
 Призываю смерть спокрашно,
 Но лишь муки зрю однѣ;

Что не вижу,
 Не навигу;

Люшый адъ въ душѣ ношу;
 Хоть сгараю,
 Не дерзаю,
 То сказаць, кѣмъ я дышу.

*

Имя мнѣ всегда священо,
 Тайною для всѣхъ пребудь:
 Будь на вѣки сокровенно,
 И терзай несчастну грудь.

Естьли злою!
 Мнѣ судьбою!

Такъ назначено спрадаць:

То конечно,

Люди вѣчно,
Тайны сей не будуще знать.

 VI.

Прошли ужъ дни покоя,
Съ тѣхъ поръ какъ спалъ любишь,
И сердце въ грусти ноя,
Велишь мнѣ слезы лишь.
Пойду - ль въ лужочикъ милой,
Гдѣ рвалъ цвѣточки я;
И памъ мой духъ унылой,
Тревожишь лишь меня.

Ничто не утѣшаетъ,
Когда одинъ брожу;
Ничто не восхищаетъ,
На что не погляжу.
Лѣсокъ и чисто поле
Не милы стали мнѣ:
Увы! въ жестокой долѣ,
Покоя нѣтъ во снѣ.

*

Лишь солнце красно всходитъ,
Меня въ слезахъ ужъ зришь,
И пожъ въ слезахъ находишь,
Какъ прочъ отъ насъ сѣшишь,
Приди, приди драгая;
Услыши стонъ души,
И пламень награждая,
Ты слезы осуши.

Премѣнишесь звуки,
 Лиры днесь моей,
 И сердечны муки,
 Пойте вы скромнѣй.
 Пойте такъ, чшобъ Лѣла,
 Имъ внимашь могла,
 И когда - бѣ краснѣла,
 Лишь милѣй была.

*

Чшобъ слеза блеснула,
 И надежда съ ней;
 Чшобъ она вздохнула,
 Съ пономѣ пѣсни сей.
 Сердце пусть заноешъ,
 Пусть начнетъ спенашъ,
 И ей шо откроешъ,
 Что боюсь сказать.

»

Но, увы! знашь щещно,
 Лиру я просилъ.
 Въ скорби не примѣтно,
 Тайну всю открылъ.
 Пусть - же Лѣла знаешъ,
 Какъ я рвусь, шерплю,
 И за шо караетъ,
 Что ее люблю.

О Т Р Ы В К И.

(Сии при слѣдующія опривка выпущены изъ сочиненія, подѣ заглавиемъ: Память или воспоминанія (*).

I.

Какъ роза распустясь насъ запахомъ прельщаетъ,
 Невинна наша жизнь такъ спарость услаждаетъ;
 Заботы нѣжныя тогда и спраси всѣ,
 Въ очаровашельной являющся красѣ.
 И естли возрастъ сей шокъ слезный испоргаетъ,
 То сдѣлано добро не меньше утѣшаетъ.
 Какъ въ зимни крапки дни блискаетъ солнца лучъ,
 Проникнувъ облака изъ-за громады пучъ:
 Такъ спарецъ взоръ спремя чрезъ мглу вѣковъ во вѣчность,
 Зритъ нову жизнь въ Творцѣ и оной безконечность.
 Тогда уже душа безшрепешно паря,
 Объемлетъ напередъ престолъ Царей Царя.
 Покинувъ вѣшную она обитель тѣла
 Къ безсмертнымъ радостямъ несясь, не зритъ предѣла.
 И спрахъ прогнавъ, она съ жалѣниемъ глядитъ,
 На тѣхъ, которыхъ миръ Богами слѣпо чшишь;
 Которые забывъ небесные уставы,
 Несутъ весь смертныхъ родъ на жертву ложной славы;

(*) Оно помѣщено будетъ во второй книжѣ.

И добродѣтели изгнавши изъ сердецъ,
 Взлагающъ на главу порочныхъ лишь вѣнецъ.
 Не зная старецъ сей въ своей душѣ упрека,
 Лишь видитъ красоты прямыя челоуѣка;
 Не ужасая кончины быспрыхъ дней,
 Желаетъ въ памяти жить Истинны друзей,
 Увѣренъ, что въ сердцахъ онъ добрыхъ воскреситъ
 Какъ въ нѣдра оптически онъ духомъ преселился.
 На гробѣ видитъ онъ супругу, нѣжныхъ чадъ,
 И отъ людей другихъ не требуетъ награды.
 Воспоминанія! koliko вы прелестны,
 Представя въ памяти дѣла полезны, честны,
 Намъ кои въ тихій часъ на мысль приводятъ шѣхъ,
 Вкушали съ коими толико мы утѣхъ;
 Подобно Фениксу изъ праха возражаясь,
 И новымъ бытіемъ какъ будто оживляясь,
 Снисходите вы къ намъ во образѣ Боговъ,
 И воскрешаете усопшихъ изъ гробовъ.

 II.

ВЪ ПОДРАЖАНІЕ ЛЕГУВЕ.

Сспрашъ пламенна равно живешъ въ воспоми-
 наньяхъ.

Такъ удаленъ Сен - Пре отъ Юліи, въ перзаньяхъ,
 Проводитъ горьки дни Вевейскихъ въ недрахъ горъ,
 Тягча печалами оспрады лишенный взоръ;
 Любви нещасной огнь по жиламъ прощекаетъ
 И муки злѣйшія внушрь сердца собираетъ;

Вселенна для него преобразилась въ адѣ.
 Съ отчаяньемъ въ душѣ лишь смерти былъ онъ радъ.
 Въ мученьяхъ познавалъ онъ бытіе несчастно,
 Лишь помня Юлію, любя ее лишь страстно.
 Среди всѣхъ золъ, когда престаши слезы течь,
 Стремится онъ на верхъ крутой горы воспечь,
 Ошколь опчаянный и дикій взоръ бросаетъ,
 И спрашну глубину онъ бездны измѣряетъ.
 Мукъ больше не шерпя, уже готовъ онъ пасть,
 И бѣдства въ ней скончатъ и шоль несносну страсть:
 Но вспомня Юлію, не помнитъ больше смерти,
 И голосъ препенный желаетъ къ ней простерши.
 Тогда произнося плачевный, скорбный стонъ,
 Въ воспоминаніяхъ опрады ищетъ онъ;
 Унылыхъ елей рядъ и сосны мрачны, черны,
 Свидѣтели тогда его мукъ стали вѣрны.
 Стоящій вѣки дубъ, со скалъ навислый вязъ,
 Влекутъ его къ себѣ дополъ смутный глазъ.
 Смягчасъ взираетъ онъ на камни взгроможденны,
 Конечно искони снѣгами покровенны.
 Внимаетъ реву волнъ кипящихъ въ безднѣ водъ,
 Что въ гулахъ громовыхъ громадъ колеблетъ сводъ.
 Красотъ лишенный долъ въ шуманахъ сокровенный
 Казался мраченъ такъ, какъ духъ его смятенный.
 Отъ скорбныхъ видовъ сихъ онъ къ чувству переходилъ,
 Съ природой сѣшуя, съ ней грусть свою дѣлилъ.
 Ни что шамъ пламени его не раздѣляло,
 Но взоръ шомящійся въ Кларанъ драгой вперяло.
 Ужасны крики пшицъ его прельщали служъ,
 И виды грозныя тѣхъ мѣстъ питали духъ.
 Въ уединеньи семъ живя одною страстью,

Щасливывмъ чшилъ себя, звалъ муки сладкой частью.

Для Юліи!... и мысль, что жертвуетъ онъ ей,

Смягчала для него зимы суровость дней.

Онъ всюду зрѣлъ ее: на горы - ли взбирался?

Видъ милой Юліи и тамъ ему мечтался.

Въ долинахъ - ли бродилъ? Онъ тамъ ее встрѣчалъ,

И мысленно ее цвѣтами украшалъ.

Въ дыханьи вѣтерковъ ее внимашъ онъ чайлъ,

И въ чувствахъ пламенныхъ, въ восторгахъ спра-
сти шаялъ.

На камняхъ вѣковыхъ, на древнихъ деревьяхъ,

Онъ имя начерпалъ драгой во всѣхъ мѣстахъ.

Желалъ' одушевишь онъ все въ жестокой скукѣ;

Вездѣ былъ онъ Юліей, хоть съ нею былъ въ разлукѣ.

Такъ сущимъ образомъ призракъ ему служилъ,

И року во преки мечшой онъ щасливъ былъ.

III.

О слава! идолъ душъ, великихъ дѣлъ причина,

Тобой людей и царствъ рѣшается судьбина:

Пусть Царь или Герой отъ шума уклонясь,

И для мечпанія въ лѣса уединясь,

Подъ дубомъ возлежа, шобою духъ питаетъ,

И жизни поприще блестяще облекаетъ;

Пусть гордый взоръ простира на дальны времена,

Грядущи предъ собою онъ видитъ племена;

Пусть лавры и вѣнцы собираетъ онъ въ мечпаньяхъ,

И годы длишь свои людей въ воспоминаньяхъ;

Завиденъ сей удѣлъ, коль славны тѣ дѣла,
 Ко благу всѣхъ людей любовь произвела.
 Завиденъ! но мой рокъ назначенный судьбами,
 Велишь спупашь мнѣ здѣсь лишь шемными пупьями.
 Мнѣ безсомнѣня не суждено блисшашь,
 И смерпныхъ славными дѣлами изумляшь.
 О, слава! какъ швой пущь въ сей жизни ни прекрасенъ,
 Но шакже шруденъ онъ, невѣренъ и опасенъ.
 Я на швои вѣнцы безъ зависти смошрю;
 Жишшь въ памяти друзей желаніемъ горю.
 О, Дружба! Ангелъ мой, шы смерпныхъ ушѣшенъе,
 Ошрада ѡбѣдности, вселенной украшенъе!
 Простри ко мнѣ швои спасительны лучи,
 Какъ лъешь свой свѣшъ луна на шешнопу въ ночи.
 Во мракѣ жизни сей имѣвъ себя предмѣшомъ,
 Возвеселю себя швоимъ спасенный свѣшомъ.
 Поставя Божешвомъ себя души моей,
 Сооружу шebb я храмъ нешленный въ ней:
 Тамъ чистый еиміамъ на олшарѣ возжешся;
 Ошъ непорочныхъ дѣлъ шebb онъ принесешся;
 Превознесу шebb предъ славою людской,
 Имущей свой престолъ на суетѣ мирской.
 Ты будешь мой вѣнецъ и сердца вся награда;
 Имѣя въ образецъ Орешша и Пилада,
 Я шихой пристшани достигну веселясь,
 Гдѣ рушищъ смершь на вѣкъ тѣлесну, бренну связь.

I.

Безспыдно прежде такъ не лгали
И чувствъ своихъ не продавали,
А былъ палантъ у всѣхъ почтенъ.

Но нынѣ что мы видимъ?

Кто межъ людьми спалъ не навидимъ,
Тотъ лирой вознесенъ.

Надгробный камень украшаетъ
Того нерѣдко съ похвалой,

Кто по себѣ слѣды напасти оставляетъ;
Чей домъ былъ адъ и прагъ чей былъ омытъ слезой
Обиженныхъ сиротъ. Но кто былъ утѣшитель,

Нещастныхъ другъ и покровитель,
Какъ рѣдко разсыпалъ пому Поэтъ цвѣты!
Какъ рѣдко выхвалялъ душевны красоты!

Остался - бѣ вѣчно потъ забвеннымъ,
Коль добродѣтели могли - бѣ забвенны быть;
Остался - бы по гробъ награды потъ лишеннымъ,
Когда - бѣ награды онъ не могъ съ добромъ вкусить.

О вы! надмѣнны человекъ,
Не дремлетъ истинна во вѣки,
И громъ ея готовъ разить,
Низвергнуть, сокрушить,
Всѣ ваши изваянья,
Трофеи, чеспи зданья,

Что для безсмертія вы пщилися создать.

Смотрите! . . . шамъ въ пыли лежатъ столбы раз-
бины;

А здѣсь сокрушены шоль твердые гранишы.

Гдѣ селы, грады гдѣ? гдѣ сильныхъ Царствѣ слѣды?
 Гдѣ грозный сонмъ Владыкъ, безчисленны народы?
 Избѣгнушь - ли кто могъ здѣсь роковой чреды?

Что - жѣ значашъ ваши годы,
 Предъ множествомъ вѣковъ, предъ вѣчностью самой?
 Все прахъ, все плѣнъ; свѣшилъ зашмился лучъ, за-
 мерзнетъ!

Померкнетъ свѣтъ луны! но память не исчезнетъ,
 Лишь добродѣтели одной.

II

Монархамъ истинну знать паче всѣхъ нужнѣе:
 Тогда престолъ ихъ швердѣ, ихъ власть тогда вѣриѣ.
 Почто онѣ ихъ скрывать, что шакъ полезно знать?
 Какъ судна кормчему отъ бѣдсѣва не спасать?
 Въ святилищѣ Царей проникнуть правдѣ должно,
 А иначе Царямъ спокойно жить не можно.
 Какъ медленно пропокъ не роетъ подъ землей,
 Но врывшись шайно въ глубь, онѣ зданіе надъ ней,
 Внезапно потряся со шрескомъ низвергаетъ:
 Не такъ - ли вопль людей престолы сокрушаетъ?
 Безбожныя льстецы! достойны казни вы;
 Достойны, чтобы громъ на ваши палъ главы.
 О! ештли-бѣ не вашъ гласъ исполненный пришвор-
 ства,
 Въ Монархахъ къ истиннѣ не зрѣли - бы упорства.

Конецъ первой книжкѣ.
